

Олег Пауллер

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПСЫ ВОЙНЫ

Дневники Шеннона

Олег Пауллер

Псы войны: дневники Шеннона

«Автор»

2017

Пауллер О. Е.

Псы войны: дневники Шеннона / О. Е. Пауллер — «Автор», 2017

"Псы войны" Фредерика Форсайта впервые опубликована в 1974 году и пользуется неизменным успехом. Кое-кто её использует даже как учебное пособие, поскольку в её основу положены реальные события, за которыми стояли реальные люди. В сиквеле продолжена линия событий, возникших вокруг Зангаро после переворота. Содержит нецензурную брань.

© Пауллер О. Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

ГЛАВА I. ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ	7
ГЛАВА II. ЖАРКИЙ ИЮЛЬ В ЗАНГАРО	94
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Олег Пауллер

Псы войны: дневники Шеннона

Любой человек – это случайность, которая больше никогда и нигде не повторится

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В начале 1970-х годов геологоразведка горнодобывающего концерна «Мэнсон Консолидейтед» случайно обнаружила богатое месторождение платины в Хрустальных Горах на территории Зангаро. Эта небольшая африканская республика ранее была колонией одной из второстепенных европейских держав. Председатель Совета директоров «МэнКона» сэр Джеймс Мэнсон решил приобрести права на руду самолично. Для этого он привлёк двух своих помощников. Один из них Мартин Торп приобрёл компанию «Бормак», чтобы оформить на неё концессию на проведение горных работ в Зангаро. После этого, сэр Джеймс, не афишируя своё участие в этом проекте, планировал продать свой пакет акций «МэнКону». К этому времени в Зангаро под контролем советников из Восточного Блока уже три года строился "африканский социализм".

Будучи продуктом традиционного общества, первый президент Зангаро оказался склонен к мистицизму и волюнтаризму. Неограниченная власть и безнаказанность сильно повлияли на разум Кимбы. Он стал воспринимать окружающий мир неадекватно, в нём развились тиранические замашки и мания преследования на основе этнической и расовой принадлежности. Репрессии и nepoтизм не остановили коррупцию и хищения. В результате политики африканизации и введения однопартийной системы страну покинули почти все специалисты, как белые, так цветные и чёрные. Следствием этого стала полная некомпетентности руководства и деградация экономики.

Мэнсон знал, что Советский Союз и ЮАР, будучи крупнейшими экспортёрами платины, не потерпят появления нового конкурента на этом рынке и постараются поставить новое месторождение под свой контроль. Передача правительству Зангаро информации о месторождении была равнозначна его потере. По этой причине сэр Джеймс решил устроить переворот и свергнуть президента Зангаро. Найти подходящего исполнителя он поручил другому своему помощнику – Саймону Эндину. При помощи своего приятеля, журналиста по имени Фред(ерик Форсайт), он нашёл группу наёмников, которую возглавляет один из ветеранов Биафры, «майор» Карло Шеннон, по прозвищу Кот. Он изучил обстановку и предложил произвести переворот, высадив в Кларенсе, столице республики, небольшую группу. При поддержке огня миномётов и базук небольшой морской десант должен был уничтожить президента и его охрану, захватить его резиденцию и передать власть новому правительству. Операция планировалась на конец года, а её бюджет определён в сто тысяч фунтов стерлингов. Чтобы легально снарядить экспедицию, Шеннон приобрёл две компании: люксембургский оффшор «Тайроун Холдингс» и судоходную компанию «Спиннети Маритима».

Тем временем, глава «МэнКона» получил информацию, что Советский Союз направляет свою геологическую партию в Зангаро для повторного изучения Хрустальных Гор. Она должна прибыть в Кларенс в канун очередной годовщины получения независимости – 12 июля. В связи с этим сроки проведения операции сокращаются: у Шеннона остаётся ровно сто дней на организацию и проведение переворота. Подготовка экспедиции осложнилась из-за помех со стороны конкурирующей группы «диких гусей» из Парижа, возглавляемых ветераном Конго

Шарлем Ру, имевшим с личные счёты с Котом. Несмотря на это, Шеннон целенаправленно вёл подготовку и осуществил закупку оружия: приобрел в Бельгии на чёрном рынке сотню пистолетов-пулемётов МП40, называемых им «шмайсерами». Пару миномётов и базук с боеприпасами, а также патроны приобретаются по подложным сертификатам, в то время как средства высадки, связи и наблюдения, как и обмундирование, куплены совершенно официально. В Генуе найдено подходящее судно – маленький каботажный трамп «Тоскана». Её капитан, немец по фамилии Вальденберг, согласился вести судно в Африку, подозревая о какой-то незаконной операции. Остался только подбор кадров.

Шеннон привлёк четырёх своих соратников по Биафре: Марка Вламinka, фламандца из Остенде, Жанни Дюпре, африкандера из Паарля, Курта Земмлера, немца из Баварии, и Жана-Батиста Лангаротти, корсиканца, обосновавшегося в Марселе. Совершенно естественно, что пятерых человек было явно мало для проведения штурма дворца. Сохранив прекрасные отношения с президентом Биафры в изгнании, генералом Оджукву, Шеннон решил получить у него помощников для осуществления атаки.

«Тоскана» покинула Средиземное море в самом начале июня и, приняв на борт людей Оджукву, прибыла в Кларенс накануне Дня Независимости. Шеннон успешно реализовал свой план: дворец был захвачен, а часть гарнизона, разместившаяся в полицейских казармах, уничтожена миномётным огнём. Во время атаки два наёмника погибли: Марка Вламinka убил советский офицер, возглавлявший охрану Кимбы, и Жанни Дюпре. Африканер погиб во время преследования остатков гарнизона от случайного разрыва гранаты. Кроме них погиб один из африканцев, носивший кличку Джонни. Его убил тот же советский офицер, что застрелил Крошку Марка. Только сделал он это несколькими мгновениями раньше...

ГЛАВА I. ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ

В начале пятого утра Курт Земмлер завёл своего командира в главную спальню на втором этаже. Этот высокий светловолосый немец лет сорока осветил фонарем на труп убитого им человека, лежавшего навзничь. Шеннон перевернул уже остывшее тело и осветил лицо, искажённое гримасой смерти:

– Да, это он. Эй, Джинджи, попроси Лангаротти прийти сюда, – приказал он своему ординарцу и повернулся к Земмлеру: – Курт, дай прикурить.

– Держи!

В ожидании соратника оба наёмника стояли у выбитого окна в полном молчании несколько минут и курили. Каждый из них думал о своём.

Майор Карло Альфред Томас Шеннон носил светлые волосы стриженые под бобрик. Прозванный благодаря своим инициалам «Котом», он происходил из графства Тирон в провинции Ольстер. После того как отец отослал его учиться в непрестижную, но частную английскую школу, ему удалось избавиться от северо-ирландского акцента. После пяти лет службы в Королевской морской пехоте, он в возрасте 27 лет решил попробовать себя на гражданском поприще. Так, шесть лет назад оказался в Уганде в качестве служащего одной лондонской торговой компании. Однажды солнечным утром он тихо захлопнул свой грессбух, уселся за руль «лендровера» и покатил на запад, к конголезской границе. Спустя неделю он уже был в Стэнливиле, где завербовался в Пятое командо Майка Хора. После этого за его спиной были Конго, Букаву и Биафра.

Жан-Батист Лангаротти находился в кабинете президента, расположенного в левом крыле дворца. Одна из мин разворотила здесь часть крыши и разорвалась на третьем этаже. Обломки стропил торчали в разные стороны, удерживая перекрытия от обрушения. Через образовавшуюся после взрыва дыру хорошо были видны звёзды. Их свет и отблески пожаров помогали Жану ориентироваться в помещении: он быстро осмотрел массивный стол красного дерева и, не найдя ничего особо ценного в нём, занялся поисками сейфа. Вошедший в кабинет Джинджи, застал наёмника за его потрошением. Кроме браунинга в золотой оправе, пары пачек пятитысячных купюр колониальных франков и солидной связки ключей здесь хранилось множество документов. Большинство из них было составлено на кириллице. Корсиканец нагрузил ими Джинджи и отправил его вперёд. Затем, рассовав ключи и деньги по карманам, он последовал за ним, поигрывая трофейным «браунингом». В президентской спальне, не обращая внимания на труп, он уселся прямо на кровать. Отложив "шмайсер", он стал медленно выкладывать свои находки прямо на одеяло. Джинджи последовал его примеру. Часы гулко пробили пять.

– Ребята! – позвал Шеннон, садясь в кресло у окна. Он говорил по-французски, вернее, на своей версии этого языка, с сильным акцентом. Кот овладел им во время службы в Шестом командо, в Конго. Английский словарь Земмлера насчитывал всего пару сотен слов, а Лангаротти в нём был совсем слаб, поэтому общим языком операции оставался французский. – Половина дела сделана – Кимба убит. Но в столице остались его функционеры, солдаты, советники... Я связался с Валленбергом и сообщил, что у нас все в порядке. Мы с Джинджи вернёмся на «Тоскану» за доктором. Курт с Барти должны тут прибраться и разобраться с электричеством, а тебе, Жан, будет особое задание.

Кот поманил Жана к подоконнику, где лежала туристический план Кларенса с его пометками..

– Уи, мой шеф, – Лангаротти встал с кровати и шутливо козырнул. Он был в приподнятом настроении, поскольку в его карманах задержалось несколько стофранковых купюр.

Шеннон подсветил карту фонариком и начал давать инструкции:

– Бери уоки-токи, ночной бинокль и Патрика. Дуй с ним на центральную площадь: твоя задача разведать, что там происходит. – Его грязный ноготь упёрся в несколько прямоугольников, отчётливо выделенных синим карандашом.. – Вот тут расположены министерства, таможня, банк и полицейский участок. Отсюда до них примерно полмили.

– Хорошо. шеф, – корсиканец потянулся к своему "шмайсеру". Будь осторожен: их охрана до сорока солдат. Они, конечно, деморализованы, но всё же могут стать помехой, а как поведут себя агенты секретной полиции вообще неизвестно. Возьми с собой побольше патронов...

Жан-Батист и Патрик осторожно шли по пустынным, местами асфальтированным улицам, лишенным тротуаров. Всевозможный мусор, который валялся здесь повсюду, набух от влаги и лип к обуви. В дальнем конце квартала стояла четырехэтажная бетонная коробка с надписью: «Отель Индепенденс». Окна в нём не горели, но чувствовалось, что за ними скопилось тревожное ожидание. Лангаротти сверился с планом и подал знак Патрику, указывая направление движения:

– Здесь надо свернуть влево.

На южной стороне центральной площади, окаймлённой узкими аллеями, между таможней и почтой, располагалось управление полиции. Прямо напротив него располагался банк, небольшое белое здание в палладийском стиле со стальными жалюзи. На западе теснились правительственные учреждения. При свете редких фонарей они казались, беспорядочной грудой серых кубиков из потрескавшегося бетона. Закрытые ставни их черных окон слепо смотрели мимо королевских пальм на здание суда. Из всех фасадов, выходивших на площадь, не запертым оказался только один. Он принадлежал управлению городской полиции и, что самое удивительное, в нём горел свет.

Крадучись, Жан поднялся на крыльцо и убедился, вход в здание не охраняется. Через освещённое окно первого этажа он увидел, что у противоположной от входа стены, за каким-то продавленным столом, дремлет сержант. За его спиной тянулся ряд узких запертых камер. Они были как раз таких размеров, чтобы вместить одного человека. Слева от сержанта вдоль стены тянулись шкафы, забитые какими-то бумагами, а справа на полу сидели двое в полицейской форме и азартно резались в карты на сушеные бобы какао. Складывалось такое впечатление, что события в городе полицейских не касаются. Сразу направо за солдатами начинался коридор, на стене которого висела стрелка с указателем: «Начальник полиции».

Взяв автомат наперевес, Жан рывком распахнул дверь и громко закричал:

– Руки вверх! Бросай оружие!

Люди в караулке вяло прореагировали на крик, но руки подняли сразу. Сержант сонно посмотрел на него и последовал их примеру. Жан жестом приказал полицейским встать и пнул их в сторону камер. Все они были забиты битком, и вонь в них стоит ужасная. Держа автомат наизготовку, Жан быстро обыскал сержанта, но оружия не нашёл. Порывшись в ящике стола, среди всякого хлама Жан обнаружил кольцо с ключами. Немного поразмыслив, он вручил связку Патрику, занявшему позицию у двери:

– Посторожи, – приказал он, заворачивая в коридор. Дверь в кабинет начальника была открыта так, что был виден его стол. За ним сидел сухощавый мулат лет пятидесяти с семитскими чертами лица.

– Именем революции приказываю сдать оружие, – произнёс Жан по-французски и вопросительно посмотрел на офицера.

– Молодой человек, – на хорошем французском ответил ему полицейский, – я информирован о событиях во дворце, и если бы хотел, то Вы и Ваш напарник были бы давно на том свете. Посмотрите... – Он кивком указал ему за спину. Жан невольно последовал его примеру. В стену была вмурована небольшая металлическая дверь, на которой стояла надпись: «Оружейная» и висел большой амбарный замок.

– Вам повезло, – спокойно продолжал мулат, кладя на стол ключ, – я поддерживаю революцию и хочу вместе со всеми своими людьми присоединиться к Вам. – Ах, да, забыл представиться – Кирк Хорас, субинтендант полиции...

– И? – Жан несколько растерялся от слов Хораса, – я должен связаться с командованием, чтобы сообщить...

– Понимаю, – вежливо отвечал Хорас. – Хотите кофе?

Жан с трудом связался с Шенноном и вкратце описал своё положение.

– Чёрт знает, что! – Такой поворот событий застал Кота врасплох. После некоторого раздумья он сказал: – Жан, забери у полицейских оружие и возвращайся во дворец. А они пусть сидят в управлении и ждут дальнейших распоряжений. Не забудь о заключённых...

Всё это Лангаротти повторил Хорасу, но тот замахал руками:

– Что вы, что вы! Через час наше учреждение разнесут на части. А рядом банк, суд, таможня, парламент, министерства...

Услышав доводам полицейского начальника, Жан вновь связался с Шенноном:

– Ладно, оставайся и жди смены, – последовало распоряжение. – Выясни, что это за люди...

Лангаротти сразу взялся за дело:

– Что вы скажете о своих людях, офицер?

– Кто хотел – убежал, – последовал краткий ответ. – Оставшимся идти некуда, поэтому они тут, – Хорас налил кофе в глиняную кружку и пододвинул её к Жану. – У меня из двадцати человек осталось всего четыре.

– Как зовут сержанта? – спросил тот, отхлёбывая из кружки. Кофе был горячий и горький.

– Энгер Ракка.

– Пусть зайдёт! – поморщился Лангаротти и отставил кружку. На всякий случай Жан сместился к окну, держа автомат на боевом взводе.

Сержант был щуплый человек, черный и очень худой. Войдя в кабинет Хора, он громко топнул ногой и вытянулся по стойке смирно, вылупив большие круглые глаза. Взгляд его метнулся от начальника к Жану и обратно.

– Энгер, как ты относишься к революции, – покровительственным тоном спросил его шеф. Глаза сержанта забегали. Он было открыл рот, но затем сжал его так, что губы превратились в узкую полоску.

– Президент убит, – после небольшой паузы продолжил Хорас. – Тебе не следует больше бояться его джу-джу. Что скажешь теперь?

– Я... всегда...буду...готов... служить...Зангаро! – отрывисто прокричал полицейский сержант, делая глубокий вдох перед каждым словом. Глаза его завершили свой бег и упёрлись в стену, на которой висел портрет Жана Кимбы. Проследив за его взглядом, Жан усмехнулся.

– Ну вот и отлично, – сказал Хорас. – Открой допросную и скажи этим двум бездельникам, Борда и Энво, чтобы они разбудили заключённых. Офицер, – он кивнул на Жана, – видимо, захочет с ними поговорить. Да, а потом, сними это, – он указал на портрет. Громко топнув ногой, Ракка отдал честь и вышел.

– Исполнительный малый, – заметил Лангаротти. Хорас задумчиво на него посмотрел и добавил:

– Далеко пойдёт...

– Если не прирежут, – в тон ему ответил Жан. За время разговора он удобно устроился на подоконнике и отложил "шмайсер". Обмотав левую кисть кожаным ремнем, он стал молча водить по нему лезвием своего ножа. Минут через пять зашёл Ракка, что-то сказал начальнику на сакайя. Хорас поднялся из-за стола:

– Я – к заключённым, – и вышел в коридор.

Тем временем, Ракка подошёл к стене, на которой висел портрет Кимбы. Жан с интересом наблюдал за ним. Щуплому сержанту не хватило ни роста, ни сил, чтобы аккуратно его снять: соскочив с крюка, тяжёлая рама накренилась и съехала вбок. Ракка потерял равновесие и оступился. Угол шкафа распорол холст с весёлым треском, после чего рама плавно спикировала на пол и с треском раскололась на несколько частей, стекло разлетелось на мелкие осколки. Ракка с ужасом смотрел на останки изображения диктатора Зангаро. Белки его глаз налились кровью, а руки затряслись. Чтобы вывести его из ступора, корсиканец бросил в стену нож. Воткнувшееся в стену лезвие вибрировало и издавало неприятный звук.

На шум вбежал Патрик. Увидев Жана невозмутимо сидящего на подоконнике, он не как-то не к месту произнёс:

– Скоро рассвет!

Жан посмотрел на часы – была половина шестого. Потянувшись он вышел к камерам. То, что он увидел, поразило даже его. В застенке стоял невыносимый, густой запах сваленных в кучу человеческих тел, заляпанных калом и грязью. Грязные белые кирпичи стен, чёрные решётки и глиняный пол шести пещеровидных узких камер были перепачканы кровью и экскрементами. В первой из них находилось по трое или четверо абсолютно нагих заключённых. Они находились в ступоре или без сознания. В соседней камере кто-то ревел, кто-то рыдал. Жан вопросительно посмотрел на Хораса: тот пожал плечами:

– Заключённые находятся в ведении секретной полиции, мы только ведём протоколы допросов и охраняем их по ночам. В этих двух камерах сидят смертники – их сегодня утром должны были показательно казнить здесь на площади Победы. . . , – извиняющимся тоном сказал Хорас.

– Приведите их в порядок. Возможно, я захочу с ними поговорить!

– Их лучше слушать в допросной, а то они перепачкают кабинет. Борда, Энво, – субинтендант перешёл на сакайя.

– Будь начеку! – шепнул Жан Патрику, направляясь в допросную. В отличие от камер здесь царил относительный порядок: стены были побелены, вони практически не было. У зарешеченного окна стоял тяжёлый деревянный стол, такой же стул и несколько прочных табуретов. В ожидании Хораса Жан удобно устроился на стуле и вытянул ноги. За стеной раздавались короткие команды на сакайя, хлопанье воды и звук падающих тел. Минуты через три вошёл Хорас с папкой для бумаг в руке. Он её открыл и достал лист, покрытый бурыми пятнами. Жан догадался, что это была кровь.

– Номер первый, – зачитал он. – Мозес Нис, лодочник. Отец, лодочник, казнён четыре года назад. Закончил миссионерскую школу. Понимает по-французски. Задержан за контрабанду. Лодка конфискована. При попытке угнать её арестован вторично. Вместе с двумя подельниками приговорён к показательной казни.

Энво и Борда втащили в помещение сильно избитого парня лет двадцати пяти. Он грозно вращал белками, вызывающе глядя на Жана.

– Вы понимаете по-французски, – узник кивнул головой. – Вы действительно контрабандист?

Глаза узника гневно сверкнули. Он отрицательно замотал головой. Хорас взял второй листок и зачитал:

– Первый раз были задержаны неделю назад в Туреке, – увидев немой вопрос в глазах Жана, Хорас пояснил: – Это рыбацкий порт в устье реки Зангаро. На шести лодках доставили контрабандный груз из Габона. При разгрузке они были арестованы.

– Что за груз? Табак, алкоголь, оружие?

– Нет, – Хорас достал второй лист. – Контпрабанда состояла из упаковок изюма, ящиков сухого молока и бочек растительного масла...

– Что тут особенного? Разве это контрабанда? – удивился корсиканец, имевший обширный опыт перевалки нелегальных грузов. – Ни алкоголя, ни медикаментов, ни сигарет... Так почему же виновников решили казнить так скоро?

– Видите ли, на ящиках была надпись: «Подарок американского народа детям Зангаро». По этой причине все шесть лодок с товаром были конфискованы. Три дня назад Нис со своими друзьями попытался угнать свои посудины прямо из Кларенса. Его поделникам удалось увести четыре лодки, но сам Нис и его товарищ были вторично пойманы.

– Зачем ты это сделал? – спросил Жан заключённого.

– Жить-то надо... – прохрипел Нис. Тем временем, Хорас достал новый документ с гербом Зангаро и продолжил чтение:

– Позавчера военный трибунал приговорил виновных к смертной казни. Она должна была состояться завтра...

– Освободите этих людей немедленно! – заявил Жан безапелляционным тоном. – Сколько ещё у Вас таких заключённых?

Хорас пожал плечами:

– Есть ещё два радиоведущих...

– В чём же их вина?

– Кимба обратил внимание на звучащую по радио Кларенса мелодию и счел, что это сигнал для выступления против его власти. Он немедленно приказал арестовать сотрудников местной радиостанции.

– Что это за такая мелодия?

Хорас взял другое досье и стал листать его.

– Песенка называется «Независимость» в ритме ча-ча-ча.

– Что в ней такого?

– Ее текст состоит из одних фамилий конголезских политиков 1961 года – Лумумбы, Калонжи, Чомбе, Боликанго. Они даже не знали, кто это такие...

– И это всё?

– Как вам сказать... – Хорас стал рассматривать какой-то документ. – Эту песню использовали для сигнала к восстанию роялисты Бурунди. Трибунал заседал почти месяц. Конечное решение было вынесено на основании мнения русского советника. Он посчитал, что Кимбе грозит участь Лумумбы...

– Он не ошибся, – хмыкнул Жан. – Есть ещё политические?

Хорас потупил глаза:

– Да, в общем, ни одного. Они здесь долго не задерживаются. Есть пара лесных колдунов, которые хотели навредить джу-джу Кимбы. Их тоже должны были казнить. Кроме них в застенке сидят троё уличных хулиганов, таможенник, арестованный за взятку, священник из миссии и полдюжины типов, навлекших на себя гнев солдат.

– А те чем не угодили?

– Священник отказался читать молитву за здоровье диктатора, а остальные: кто криво посмотрел, кто не вывесил флаг, кто не так поприветствовал...

– Этих недотёп, колдунов и священника выпустите, таможенника приведите ко мне, а с остальными пусть разбирается новое правительство, и приберите в камерах...

Дневной свет уже настолько далеко расплылся от горизонта, что в городе стали гаснуть фонари. Правда, нельзя сказать, чтобы в предрассветных сумерках вид Кларенса стал более привлекательным. Шеннон находился на борту «Тосканы» и курил одну сигарету за другой в ожидании. Ровно в шесть судовая радиостанция на определённой частоте стала передавать три кодовых слова: «Попо, Кассава и Манго». Это был условный сигнал для аниматора Шеннона Саймона Эндина. Они означали: «операция проведена в соответствии с заранее составленным планом и окончилась полной победой. Кимба мертв».

Десять минут пришёл сигнал о том, что сообщение получено. Все три "зодиака", груженные доверху снарядами, комплектами снаряжения, «шмайсерами» и почти тонной патронов, отчалили от борта «Тосканы». Кроме Шеннона на них находились доктор Окойе и два члена экипажа корабля: Горан, механик-серб, и Чиприани, матрос-итальянец. Джинджи должен был встречать их у рыбацкой пристани. Сорок минут назад он помог Шеннону подцепить на буксир зодиаки, а сам остался на берегу, чтобы подстраховать выгрузку.

У пристани роща кокосовых пальм почти доходила до воды. Направляя съ к берегу, Шеннон отчётливо увидел стоящих в ней людей, среди которых выделялся Джинджи. Он был вооружён. Всего же в этой группе было человек пятнадцать-двадцать. Едва лодки уткнулись в берег, люди в роще поспешили навстречу. От них отделились трое и подошли к «зодиакам». У каждого на поясе висела брезентовая кобура. Несмотря на затрепанную, с чужого плеча одежду, намётанный глаз Шеннона сразу отметил их военную выправку. Доктор Окойе представил их:

– Майор, позвольте представить Вам моих лейтенантов: Бенъард, Эйнекс и Слит. Они привели людей, которые доставят грузы во дворец.

Один из лейтенантов с тонким лицом и нервными губами приблизился к Шеннону. Он обратился на ломаном английском, протягивая Шеннону руку. Она была сухой и хрупкой:

– С нами семнадцать человек, сэр. Остальные придут позже. Их собирает Кзур Пренк.

– Это ещё один мой лейтенант. Самый толковый... – шёпотом пояснил Окойе.

– Отлично! – произнёс Шеннон, которого не оставляло чувство, что он где-то видел этого офицера. Берите все эти ящики и тащите во дворец. – Чиприани, Горан! Проследите за выгрузкой, а затем отправляйтесь на "Тоскану". Джинджи, остаешься за старшего и проследишь за доставкой груза.

Окойе что-то выкрикнул, после чего все африканцы засуетились и бросились разгружать "зодиаки". Шеннон в сопровождении доктора и одного из лейтенантов двинулся по направлению ко дворцу. Когда он оглянулся, то увидел, что Джинджи стоит в стороне от лодок и наблюдает, как суетятся люди. Он держал автомат на боевом взводе, в то время как матросы с «Тосканы» беззаботно бросили своё оружие на песок. Ему оставалось только покачать головой...

Всю оставшуюся ночь Земмлер и Барти обходили территорию дворцового комплекса. Его центром был особняк, построенный во французском колониальном стиле. Гидами служили шестеро дворцовых слуг, уцелевших после штурма. В момент атаки, они ночевали у кухни. При первых же выстрелах они инстинктивно забились в чулан под лестницей, ведущей в подвал. Как показал проведённый осмотр, президентский дворец изнутри пострадал гораздо больше, чем снаружи. С улицы о происшедшем нападении напоминали два провала в черепичной крыше, три разбитых окна и разбитая входная дверь. Её сразу восстановить не удалось, поэтому из президентских апартаментов принесли ковер и завесили им вход.

Вокруг расположились различные постройки, служившие жильём для прислуги, гаражами и складами. В дальнем углу двора до обстрела стоял деревянный барак, крытый жестью. Он использовался под караульное помещение. Одно попадание мины превратило его и обитателей в обугленные головешки. Подобная участь постигла соседний с ним крытый соломой амбар. Со слов прислуги, в нём проходили митинги, правительственные банкеты и торжествен-

ные приемы. Далее за забором находилась восьмиугольная капелла, купол которой был иссечён осколками .

Ближе к порту располагался большой, обшитый деревом каменный особняк, огороженный железной решёткой. Она почти примыкала к стене резиденции Кимбы. При колониальной администрации здание служило для размещения туземных вождей и других гостей "второго сорта". После провозглашения независимости в нём разместилось китайское посольство.

Во время обхода Земмлер обнаружил ещё нескольких уцелевших обитателей дворца. Новых пленников вместе с прислугой он использовал в качестве рабочей силы для уборки помещений и территории. Надзирал за ними Барти. Тело Вламинка перенесли во дворец, в одну из боковых комнат первого этажа. Рядом с ним лежал Джонни, которого застал врасплох и застрелил тот же белокожий охранник Кимбы, которого настиг последний снаряд из базуки Крошки Марка. Так они и лежали вдвоем, бок о бок. Некоторое время спустя трое африканцев в сопровождении Санди принесли с приморской дороги тело Жанни Дюпре. Его положили рядом с фламандцем.

Доктор Окойе, по-птичьему склонив голову набок, словно искоса обходил дворец, осматривая следы бойни. Паркет прямо за входной дверью темнел кровью. Со второго этажа свисала телефона трубка, мебель была разбита вдребезги, на полу бурые пятна, на которые осела уличная пыль. Местами их прикрывал густой и пушистый коричневый ковер, на котором четко отпечатались следы ботинок. Полицейская дубинка, залитый кровью берет гвардейца, следы пуль в стенах, стреляные гильзы разных калибров – все это привносило в окружающий хаос оттенок смерти. Трупы соратников, охранников и прислуги были сложены на заднем дворе штабелем, который прикрыли циновками. Рядом свалили всё найденное на территории оружие, годное и негодное.

За зданием тянулся ряд цементных каморок – жильё дворцовой челяди. Возле них сидели женщины старые и молодые. Прислонившись к стене, они накрыли свои головы покрывалами, посыпанные голубым пеплом, и тихо раскачивались. Было что-то жуткое, сиротливое в этом безмолвном, мерно раскачивавшемся ряду горестных фигурок. Доктор долго смотрел на них через окно второго этажа, потом грустно вздохнул и тихо произнес:

– Наверно, это было необходимо.

– Совершенно необходимо, – заверил его Шеннон. – Однако, займёмся делом, ради которого мы сюда пришли.

К ним подошел Курт:

– Радиостанция вполне пригодна для использования, – радостно сообщил он. – Стены в нескольких местах пробиты пулями, но передатчик в порядке. Винный погреб после нескольких очередей гостеприимно тоже распахнул свои двери. Его сейчас охраняет Барти. Идём, покажу кое-что!

Шеннон последовал вслед за Куртом по лестнице вниз. Глядя на разбитую дверь погреба, он пожалел, что забыл отдать Земмлеру связку, найденную Лангаротти. Он был уверен, что один из ключей с неё обязательно подойдёт. В погребе было прохладно, но темно: по-видимому, где-то была повреждена проводка.

Курт закрепил на плече фонарик и шагнул в дверной проём. Затем настал черед Шеннона протиснуть свое длинное тело внутрь, что он смеясь и проделал. Помещение было узким. Стоя посередине, можно было дотянуться до стен и до потолка. Пыль колыхалась в лучах фонаря Земмлера. Вдоль стен погреба громоздились штабеля деревянных ящиков. Некоторые из них были вскрыты.

– Сколько, Курт?

– Много...

– А точнее?

Земмлер засмеялся и начал считать:

– Один. Два. Три. Четыре...

В общей сложности оказалось полсотни ящиков различного размера.

– Если это всё – оружие, то ... блин, на батальон хватит! – присвистнул Курт. – Откроем сейчас? Или попозже?

– Конечно, сейчас! Время пока есть... – Как и Курт, Кот не мог сдержать улыбку.

Рука Земмлера погладила крышку деревянного ящика. Шершавая, нешлифованная поверхность. Выдернуть гвозди и откинуть крышку проще простого. Курт вытащил карабин, слегка согнул ноги в коленях и наклонился вперед, чтобы погасить воображаемую отдачу, повторяя движения, заученные ещё на службе в вермахте:

– Это же чешская версия карабина Маузера!

Наёмники посмотрели друг на друга, как двое людей в конце долгого пути, осознавших, что наконец-то добрались до цели. Разобрав маркировку, Кот насчитал пять ящиков с аналогичными знаками.

– Ну это уже кое-что! – задумчиво промолвил Шеннон – Как думаешь, сколько их тут? Ну, навскидку!

– Можно и не навскидку. – Курт как раз открывал следующий ящик, но остановился, посмотрев на шефа. Прямо за плечом Шеннона, отчасти прикрытый белой пылью, висел ответ. Он протянул руку. Запылённый листок выцветшей бумаги висел на стенном крючке слева от запертой двери, рядом на шнурке – химический карандаш. В самом низу листка, под печатным текстом с подробными инструкциями по эксплуатации, надпись от руки. Он придвинулся поближе, направив фонарик на белую бумагу – на ней было всего несколько фраз химическим карандашом и неразборчивая подпись.

Согласно записям, в двух ящиках лежали пистолеты "вальтер". В отдельном штабеле с боеприпасами числилось двадцать ящиков с винтовочными и пять с пистолетными патронами. Остальное даже не пришлось вскрывать. В двух, судя по надписям, были запакованы полевые радиостанции «Телефункен», а в остальных – аккумуляторы, медикаменты, сухое молоко и телефонные аппараты со странной маркировкой VEF.

Когда наёмники вылезли наружу, немец вдруг произнёс:

– Черт, ты можешь в это поверить, Кот?

– Во что?

– В то, что у нас получилось!

– Пойдём, обрадуем доктора, – сказал Шеннон с некоторой заминкой. Увидев Барти, он приказал: – Охраняй вход, никуда не отлучайся!

Наёмники обнаружили доктора Окойе, стоявшим у разбитого окна, в окружении двух своих лейтенантов. Они о чём-то негромко говорили между собой. На звук его шагов африканцы обернулись, а Окойе слегка мотнул головой.

– Карло, – подозвал он Шеннона, – стали подходить наши люди. Я рассчитываю собрать пару сотен человек. Раздайте им автоматы и возьмите под контроль город.

Шеннон согласно кивнул головой, а Земмлер с издёвкой произнёс:

– Умеют ли они стрелять, доктор?

– А Вы для чего, мистер Земмлер?

– Я? – растерялся немец. – Я?

– Прочёсыванием города займётся мистер Земмлер, – Шеннон указал на своего соратника. – Он уже облазил весь дворец. Радиостанция и запасы оружия уже под нашим контролем. Я распорядюсь забаррикадировать ворота...

– Лейтенант Слит займётся радиосвязью, а вы с собой возьмите того парня, – безапелляционно произнёс доктор, обращаясь к Шеннону, и указал пальцем на стоявшего во дворе молодого африканца, одетого в хаки. затем он повернулся к Земмлеру:

– Действуйте, капитан!

– Но я всего лишь лейтенант, – огрызнулся Курт.

– После того, что Вы сделали и сделаете для моей многострадальной родины – капитан, – пафосно произнёс Окойе и отвернулся, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Земмлер посмотрел на Шеннона, который дотронулся до его ноги носком ботинка. Кот курил, меланхолично глядя на Бенъярда, в котором он признал одного из офицеров армии Биафры. Только имя у него было другое, кажется, Генри.

– Доктор, мне нужны для начала хотя бы две дюжины добровольцев, умеющих стрелять, – миролюбиво произнёс немец. Окойе что-то прошептал Бенъярду на ухо. Лейтенант высунулся из окна и закричал:

– Эйнекс, соберите людей! Мы сейчас к вам спустимся.

– Пошли, – Шеннон медленно двинулся к выходу. Спускаясь по лестнице главарь наёмников отдавал распоряжения:

– Курт, отбери дюжину людей потолковее и двигай с ними в полицейские казармы – до них недалеко, ярдов триста-четырееста. Выясни, что там творится. Санди тебе покажет дорогу. Он уже бывал в том районе...

– Вы не подскажете, где радиостанция, сэр, – вмешался в разговор Слит.

Земмлер пальцем указал в пол и грубо ответил:

– Вот что, парень, найди внизу Барти. Он тебе всё покажет...

Когда они вышли во двор, Эйнекс что-то выкрикнул толпившимся вокруг грузовика неграм. Их было около сотни. Бестолково суетясь, они стали строиться в неровную шеренгу. У многих на поясах висели катаны, за плечами – допотопные ружья, называемые жителями джунглей каньянгуло. Впереди строя был установлен новенький, весь в смазке, «брен». Шеннон прошёл вдоль шеренги и остановился перед пулемётом. Его брови нахмурились:

– Что это? Срочно привести в боевую готовность!

– Есть, – отчеканил Бенъярд, следовавший рядом.

– Кстати, откуда у вас это?

– Приобрели за десять тысяч франков на чёрном рынке. Продавец сказал, что брал в Леопольдивиле у ФНЛА...

– Неплохо. А что ещё у вас есть?

– Дюжина револьверов и один браунинг...

– Оттуда же? По чём?

Бенъярд неопределённо кивнул.

– Купили у местной полиции, – влез в разговор Эйнекс. – Платили по тысяче за штуку на ствол...

– Недорого... – Шеннон двинулся дальше вдоль строя, насвистывая «Испанский Гарлем». Он направился к полуразбитому грузовику и расстелил на капоте план Кларенса, жестом подзывая офицеров. Они столпились вокруг него. Рука командира легко скользила по бумаге. Санди, Эйнекс и Бенъярд напряжённо следили за ней. Немец же слушал в половину уха, рассматривая неровный строй своих будущих солдат...

– Поведёте людей прибрежному шоссе до церкви: здесь остаётся Санди с базуккой Вламинка, – поймав недоуменный взгляд Санди, Шеннон посмотрел на него в упор: – Это на всякий случай. Вдруг кто-то захочет проскочить в город. Бей его, не стесняйся, своих там нет. – Его палец пошёл дальше. – Затем осмотрите район полицейских казарм. Надо проверить вот это каменное здание, думаю там расположен оружейный склад... – Кот смолк и, подумав о чём-то своём, ухмыльнулся. – Сейчас в городе неразбериха и поэтому на нас вряд ли будут обращать внимание до тех пор, пока не начнешь стрельбу. Главное – внезапность. Если захватить оружие не удастся – взорвите его. В затяжной бой не вступайте... – палец командира оторвался от карты. Он внимательно смотрел на подчинённых. – После завершения осмотра, Эйнекс останется охранять лагерь, а Курт и Санди направятся прочёсывать город. Исполняйте! – Шеннон

оторвал голову от карты и заметил Джинджи и Горана, сопровождавших колону носильщиков...

Широко расставив ноги, Курт стоял перед строем. Чуть позади, по правую руку от него расположился Эйнекс, дублировавший его команды на сакуйу. Санди расположился поодаль, разбирая пулемёт.

– Из этих олухов мы должны сделать солдат за пару часов, – ухмыльнулся Курт, разговаривая сам с собой на родном языке. – Ничего! Я двадцать пять лет назад умудрился и не с такими мозгляками целых три часа удерживать Донауверт от танков Паттона. А американцы получше, чем местные макаки. Главное, чтобы они, – он махнул в сторону выстроившихся негров, – больше боялись нас, чем противника и верили в победу – тогда будет толк.

Солдаты в строю приняли немецкую речь за заклинание шамана и застыли словно вкопанные.

– Слушай, как тебя там? – Земмлер обратился к Эйнексу по-французски, – Понимают ли они меня?

– Да, сэр, – с достоинством отвечал тот. – Здесь многие работали в Камеруне, некоторые из них сражались в Биафре. Меня зовут Тебен Эйнекс, мой вождь Эль Хаджи Мишел тоже борется за её свободу...

Земмлер обратился к своим рекрутам уже на своём специфическом французском:

– Я – Курт Земмлер! Сейчас я Вас научу, как пользоваться «шмайсерами». Все, кто держал в руках оружие, два шага вперед! – скомандовал он. Когда из строя вышло полторы дюжины человек, Курт удовлетворённо хмыкнул:

– Эй, Джинджи, достань двадцать комплектов. Санди, раздай автоматы и снаряжение! Каньянгуло сложить в углу. Они им больше не пригодятся.

Солдат споро вытащил часть мешков с обмундированием и амуницией и стал распределять их среди рекрутов. Ему в этом помогали трое добровольцев, пришедших с Санди. Их тоже зачислили в отряд проводниками. Земмлер дождался пока они наденут форму и подогнут ремни.

– А теперь я Вам покажу как надо стрелять. Эй, ты, покажи, как будешь целиться, – он ткнул одного из своих подопечных в плечо. Тот вышел из строя и неловко приложил пистолет-пулемет к плечу, как ружье.

– Это никуда не годиться, камрады, – Курт развернул рекрута перед строем. – держа оружие таким способом, вы не попадёте даже в слона. «Шмайсер» нужно держать вот так, – он приложил его к правому боку отведя дуло в сторону и немного в низ. – При стрельбе очередью автомат ведёт вверх, поэтому вы должны брать прицел немного ниже и удерживать так во время стрельбы! Понятно? – солдаты в строю закивали головами. – Хорошо! Попробуйте сами, – минут пять он ходил между добровольцами, поправляя ремни, дёргая их оружие за стволы. Убедившись, что его инструкции приняты, Курт продолжил:

– Теперь о том, как держать оружие во время продвижения. Смотрите! Вы должны вести ствол вашего автомата максимально вправо. Для чего? Сейчас, поясню, – он вытащил друтого бойца из строя. – Стой, держи «шмайсер» как я сказал и развернись к строю, – он подошёл сзади и взял бойца за плечи. – Смотрите, он может одной очередью расстрелять всех вас, при этом ему даже не нужно разворачивать свой корпус! Работают только руки! А ну-ка попробуйте сами. – строй завертелся на месте.

Рекруты пытались прикладывать оружие к плечу так, как показывал инструктор. Без опыта и сноровки у них это плохо получалось: они вертелись на месте, выкручивая руки, стелкиваясь друг с другом. Курт подошёл к каждому из них, поправляя и поддерживая. Убедившись, что все бойцы могут держать оружие, он выбрал самого здорового негра в шеренге и надел на него мешок со снарядами для базуки.

Находясь у Слита в радиорубке, Шеннон выглянул во двор. Из разбитого окна он видел, как Курт, вооружившись "бреном" строит своих людей в походную колонну. Замыкал колонну Санди и его люди, тащившие на плечах базуку. Проводив их взглядом, Кот вышел на задний двор и окликнул серба, возившегося у одного из грузовиков.:

– Ну, что, Горан? Поедут? – теперь он был рад, что серб послушался приказа и остался на берегу.

Серб с ленцой ответил:

– Двигатели у обеих грузовиков исправны. У одного радиатор посечён осколками, у второго разбита тяга. Их можно будет починить, но нужно время. Кое-что я смогу выточить и подварить. Ну а «Мерседес» годится только на запчасти и то не все...

– Нам нужен хотя бы один исправный автомобиль.

– Ага, сейчас заменю тягу, – недовольно пробурчал он. – Не хватает целых шин...

– Возьми запаски с остальных машин! – Шеннон отошёл в сторону и связался с Лангаротти по рации.

К этому времени Жан закончил опрашивать таможенника, который честно сознался, что приторговывал контрабандой. Выяснив её особенности, Лангаротти был разочарован – заработки здесь были минимальные.

Пока полицейские и бывшие заключённые под надзором Патрика пытались вычистить камеры, он зашёл в кабинет Хораса и решил посмотреть на оружие.

– Смотрите, – равнодушно ответил субинспектор. Он взял со стола ключ и протянул его Жану. Отомкнув замок, Жан открыл дверь и оказался в небольшой комнате размером с келью. В ней находились стойка, в которой стояла дюжина заржавленных винчестеров. В отдельном ящике были сыпаны патроны. Некоторые из них были покрыты плесенью...

Жан удивлённо спросил Хораса:

– С этим вы собирались с нами воевать?

– Боже упаси! Я прекрасно понимаю последствия применения такого оружия. Кроме того, у нас почти нет к ним годных патронов. Такая же ситуация на остальных участках, – он неопределённо кивнул в сторону окна.

– Кто же тогда охраняет порядок?

– У банка, суда, парламента и министерств стоят солдаты! Когда началась стрельба у дворца прибежал начальник полиции и распорядился всем направляться в аэропорт. Он так быстро рванул отсюда, что я даже не успел расспросить его о деталях. Солдаты сразу последовали за ними следом на своих двоих, полицейские разбежались по домам, а я подумал и остался...

Внезапно затрещал передатчик – на связь вышел Шеннон:

– Жан! Дюпре убит в районе казарм. Я послал туда Курта. Ты мне нужен здесь. Доложи обстановку!

– Дежурный офицер субинтендант Хорас и трое его сотрудников оказали мне содействие. Я освободил часть заключённых, но они собрались у входа и не хотят уходить, требуя оружие. Оно у меня под замком, но находится в таком состоянии, что годится только для того, чтобы пугать ворон. Есть информация, что какая-то группа солдат сбежала из города в аэропорт.

– Понятно. Тут доктор Окойе хочет переговорить с Хорасом. Он оказывается его знает. Передай ему переговорник.

Жан неохотно передал микрофон уоки-токи. После короткого разговора на сакайя полицейский возвратил трубку Лангаротти. Доктор Окойе был краток:

– Интендант Хорас переходит на нашу сторону и обязуется обеспечить безопасность всех объектов на Площади Победы. Окажите ему необходимую помощь...

– Но, доктор, – начал Жан, – майор...

– Полковник Шеннон сейчас занят, а революцию возглавляю я, – безапелляционно забубнил микрофон. – Разговор окончен, капитан...

Через пять минут все полицейские выстроились на веранде. Поодаль стояла группа заключённых. Жан вышел на террасу вслед за Хорасом. Тот произнёс целую речь:

– Граждане, в стране – революция. Диктатура разбойников-винду свергнута повстанцами, тиран Кимба убит, его джу-джу исчезла. Перед нами командир передового отряда революционных войск, капитан Лангарот, – он указал на Жана, который поморщился, услышав, как коверкают его фамилию. – Я связался с вождём и сказал, что мы в полном составе переходим на сторону революции. Есть возражения?

В ответ раздался нестройный гул голосов, выражавших то ли удивление, то ли одобрение. Жан попросил Патрика, лучше понимавшего местные нравы и обычаи, выступить вместо него, а сам отошёл к столу в караульной и начал выщёлкивать из автоматного рожка патроны. Отсчитав двадцать штук, он кивнул Хорасу:

– Забирай.

– Спасибо...

– Вот что. Меня вызвали во дворец. Я оставлю здесь Патрика, а сам возьму сопровождающим Ракку. Патрик с Бордой обойдут окрестные здания. Этих, – Жан кивнул в сторону заключённых, – вооружи своими карабинами. Всё-таки лучше, чем ничего, и найди для них одежду по-приличней, а стыдно смотреть.

Отдав последние инструкции, Жан отдал уоки-токи Патрику и вышел на ночную улицу. Его сопровождал Ракка, которому дали лучший из исправных винчестеров. У отеля «Индепенденс» взревел мотор и навстречу им вылетел новенький БМВ Е12 с затемненными стеклами. Щуплый сержант шустро вскинул ружьё и разрядил его почти в упор. В свете фар невозможно было разглядеть результаты выстрела. Машина набрала скорость и понеслась по направлению к Равнинной дороге. Ракка вскинул свой винчестер целясь вдогонку.

– Не трать патроны зря, Энгер, все равно промажешь! – нахмурился Лангаротти, который был уязвлён, тем что застигнут врасплох. Дальше на их пути больше не было приключений. Минут через десять они уже были у дворцовых ворот, к которым люди доктора Окойе под надзором Джинджи скатывали бочки. Они перекрыли весь проём за исключением узкого прохода, в который мог протиснуться только один человек.

– Чё делаете? – спросил корсиканец.

– Шеф приказал, – невозмутимо ответил африканец, окриками подгоняя самых нерасторопных. – Пока не починим ворота.

– Разумно.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ БАРАКИ

Люди Курта растянулись цепочкой по краям улицы, ведущей в сторону казарм. Солнце уже светило вовсю. В тени у домов неподвижно лежали тощие собаки и костлявые куры. По сторонам дороги размещалось несколько магазинчиков. Их двери были распахнуты настежь: издали было видно, что внутри них был учинен настоящий погром. Осторожно продвигаясь вперёд, Земмлер обдумывал тактику: по данным Шеннона, в полицейских казармах могло располагаться до двухсот солдат. На его схеме они представляли собой восемь вытянувшихся в ряд крытых жостью убогих строений были окружены тростниковой изгородью. В промежутках из них были выложенные из камня очаги. В стороне от них должна была находиться маленькая каменная хибарка, которую Шеннон принял за оружейный склад.

Естественно, что двадцать мин 60-го калибра, выпущенных Дюпре почти вслепую, не могли сильно сократить численность гарнизона. Часть его в панике могла разбежаться, но остальные при наличии командования вполне могли организовать сопротивление.

Вопрос состоял в том, что солдаты предпримут в таких условиях? Останутся ли на месте или войдут в город, как группа, с которой столкнулись Жанни и Санди. После некоторого раздумья, Курт решил, что следует подготовиться к обоим вариантам.

Стрелки часов показывали четверть восьмого, когда Курт и Санди забрались на колокольню, чтобы изучить обстановку. В лучах утреннего солнца казармы лежали, как на ладони. Впрочем, картина была неприглядная: военный городок представлял собой сплошное пепелище, бараки были сильно повреждены, камни от очагов разбросаны, всюду валялись трупы и какие-то тряпки, кроны пальм были сбиты взрывами, а на месте оружейной зияла большая воронка.

– Наверняка, рванули боеприпасы, – произнёс вслух Курт, рассматривая её в бинокль. Вместе с тем трупов было немного. Прошедший прошлой ночью ливень так размягчил землю, что снаряды, пущенные Тимоти из минометов, слишком глубоко вошли в нее, снизив смертность мин. Вдруг Земмлер заметил какое-то копошение в дальнем конце плаца и направил свой бинокль: толпа солдат что-то перетаскивала из развалин склада.

– Мародёры или организованная группа? – подумал Курт. Он немедленно связался с Шенноном и доложил обстановку.

– Пошли Санди с его людьми к Тимоти. Пусть принесут миномёты, используй их по назначению. Без надобности не рискуй! – последовал короткий приказ. – Я уже вызвал Жана. Как только он появится, смогу выслать подкрепление.

– Да шеф, – так же коротко ответил Курт. Он немедленно приказал Санди:

– Эй, камарад, бери трёх человек и быстро валяй за Тимоти. Возьмите миномёт и пару десятков мин. Прикроете, если, что. Оставишь у церкви двух человек и базуку...

– Йес, сая! – низкорослый, круглоголовый, с широким расплюснутым носом и глазами навывкате Санди буквально слетел вниз по лестнице и бросился выполнять приказ. Вслед за ним неторопливо спустился Курт. Его люди беспорядочно толпились у входа в церковь, потеряв даже подобие боевого порядка. Пинками и тычками Земмлер развернул своих горе-бойцов в цепь и рукой показал им направление движения. Сам он шёл позади всех. Через пару минут они подошли к обгорелому тростниковому забору, ещё недавно служившему оградой. Обрывки колючей проволоки валялись повсюду на пути солдат. Они осторожно обходили их, постоянно теряя строй и направление движения. Тычками и пинками Земмлер и Эйнекс загоняли их обратно в цепь.

Пахло гарью и горелой резиной. Курт призывно махнул рукой своим людям и обратился к Эйнексу:

– Эй, Тебен, оставь пикет на дороге. Достаточно двух человек, но по толковее...

Пятнадцать человек растянулись цепью и стали медленно пересекать изрытый воронками от мин городок, двигаясь в направлении плаца. Бойцы продвигались неуклюжими перебежками от укрытия к укрытию. Земмлер прикрывал их, держа окна и двери уцелевшего здания лазарета под прицелом. Возня в конце плаца поутихла, по-видимому, их заметили.

Стараясь ошеломить противника, Земмлер поднял своих людей в атаку, приказав не жалеть патронов. Безостановочно стреляя, они выбежали на открытое пространство плаца. Несколько солдат противника упали, остальные побежали куда-то в сторону. Вдруг из мангровой роши ударила очередь, за ней вторая. Люди Курта залегли – им преградила путь колючая проволока, протянувшаяся через плац. Огонь вели пулемёты с двух сторон, но их наводчики выбрали неверный прицел. Их пули поднимали фонтанчики в желтом песке далеко позади.

– Их там живо перестреляют одного за другим, – пробормотал Курт и дал приказ отступать. Спотыкаясь, прячась среди развалин, его люди двинулись назад. Там, в хаосе строительного мусора, они хотели укрыться от раскаленного свинца, которым их по-прежнему обливал пулемет. Очень вовремя появился Санди:

– Сэр, я оставил Тимоти и одного бойца у церкви. Миномёты со мной, – он кивком указал куда-то назад. Здоровый, широкоплечий негр с мозолистыми руками молотобойца тащил на себе что-то громоздкое. Наблюдая за ним, Земмлер неожиданно для себя обнаружил, что любит эту чёрную горой мускулов.

– Кто это? – спросил он Санди.

– Аб ла Крете, бывший молотобоец....

К Курту подполз Эйнекс:

– Я обнаружил всего две огневые точки.

Устанавливая миномёт, Земмлер присел за полуразрушенной деревянной стеной барака и услышали, как несколько пуль крупного калибра забарабанила по уцелевшим доскам. Тем временем, Аб приволок на позиции мешки с минами. Можно было начинать дуэль.

– Что же Вы, сэр? – нетерпеливо проворчал Эйнекс. – Стреляйте же наконец.

– Иди в цепь, лейтенант, – процедил Земмлер. Он приподнялся, выглянул из-за развалин, высматривая цель, и тотчас же снова присел. Трясущимися от возбуждения руками он шарил в ящике с минами, нащупывая сумку с зарядами. Он взял три заряда и вставил их в мину.

– Тут ярдов пятьсот, – сказал ему Санди.

Курт стукнул по мине ладонью, и заряды высыпались. Он вставил их снова, на этот раз только два. Затем он стал поворачивать винты наводки и укрепил плиту на неровном глиняном полу полуразрушенного барака. Он наводил наугад.

– Давай, – приказал он Санди и отполз в сторону. Негр обеими руками поднял мину и опустил ее в ствол. Хлоп – грянул выстрел. Звук был такой, точно над ухом лопнул надутый воздухом бумажный пакет. Аб стоял на корточках под самым дулом миномета, и на его чёрном лице бродила улыбка сумасшедшего.

Мина летела неправдоподобно медленно. Сначала она со свистом ушла вверх. Курт ухватился за край доски и выглянул, стараясь не проглядеть вспышку разрыва. Он только сейчас впервые увидел весь плац. За ним вздыбился зелёный занавес мангров и тёмный провал у их самого края, где укрылся враг. Все ждали разрыва. Перед провалом закружилось облако жёлтой пыли и только потом долетел звук: недалёт.

– Ни к черту, – заревел Курт и вставил в другую мину больший заряд, громко ругаясь из-за чего-то. Курт на ощупь стал поворачивать винт подъемного механизма, и ствол поднялся немного выше. Он укрепил плиту, чтобы ее не сдвинуло силой отдачи, и заорал.

– Давай.

Напрягая глаза, Курт изо всех сил всматривался в мангры ожидая разрыва. Мина разорвалась высоко в кронах деревьев и немного правее, но почти на одном уровне с целью. Пулеметчик накрыл развалины тучей раскаленного свинца снова. Где-то дальше, заработал второй пулемет.

Земмлером владел азарт боя, и он уже не следил за тем, что происходит на плацу. Пот заливал ему лицо, а песок скрипел на зубах.

– А, сволочь, доберусь же я до тебя, – зло закричал Курт. по-немецки Аб вынул мину из мешка и подал Санди, который вставил заряды и ждал Курта, который вновь менял наводку. Все наугад. Когда негр опустил мину в ствол, немец придержал плиту, и глина пола сильно вдавилась при отдаче. Чтобы высмотреть результат, Курт вновь отошёл от миномета. Прошло несколько мгновений. Подняв клуб песка, разрыв вспух почти у самого провала. Только все еще чуть левее. Из-за облака дыма и пыли нельзя было разобрать, пришелся разрыв ближе или дальше цели.

– Есть! – вдруг из цепи закричал Эйнекс. – Сэр, Вы попали!

Звук долетел почти мгновенно. Облако песка стало рассеиваться. Курт сморгнул капли пота, скатывавшиеся с мокрых волос, и взгляделся, ожидая убедиться в попадании. Пулемёт отвечал ему тучами раскаленного свинца, барабанившими по остаткам казармы. Все бросились

плашмя на пол. И так лежали. Пули цокали рядом ними, осыпая отколовшимися щепками и штукатуркой.

– Нет еще, – Курт на карачках пополз к миномету, осматривая плиту. – После выстрела миномёт отъехал назад.

Аб подал новую мину. Руки Курта были мокрыми от пота, и она скользила. Невзирая на это, он проворно схватил ее, вставил заряд и опустил ее в ствол. Выглянув из-за завала, Земмлер увидел разрыв над целью. Возможно, осколки заделали кого-то.

– Неужели попал, чёрт побери! – обрадовался он.

– Давай еще. – Эйнекс прибежал на позицию и бесновался от радости. – Еще давай.

Курт взял из ящика заряды, сам вставил их и, втолкнув мину в ствол, отошел. Хлопнул выстрел. У Аба уже была другая наготове. Операция прошла пять раз подряд с задержкой в десять секунд: хлоп-хлоп-хлоп. В азарте боя Эйнекс встал, чтобы увидеть, как две последних мины разворотили проём. Все в возбуждении встали вокруг миномёта.

– Чёртова перечница, – ругнулся Курт, легко пнув его ногой. – Проклятая железяка.

За весь свой богатый военный опыт, Земмлер лично наводил миномёт дюжину раз. Он предполагал, что в гнездо не было прямого попадания и ждал, что оттуда вновь полетят пули. Что-то ему подсказывало, что не полетит.

– Готово, – подытожил Санди и принялся считать мины.

– Надо было установить второй миномёт, – вдруг заявил Эйнекс. – Было бы быстрее...

– Кто бы его наводил, – возразил Курт. – Может, ты?

– Мы израсходовали половину боезапаса, – прервал их спор Санди.

Курт посмотрел на плац, глазами отыскивая своих солдат. Шестеро из них лежали, вжавшись в песок плаца. Один из них неестественно выгнулся, в то время как остальные вели редкий огонь. Ещё три бойца прятались в лабиринте мусора и развалин, от огня другого пулемёта, расположенного среди группы пальм. Он не просматривался с этой огневой позиции.

– Как там наши? – Курт оторвал миномет от пола и передал его Абу.

– Держатся, – ответил ему Эйнекс. – Теперь надо взяться за второй пулемёт.

Пот тек ручьями. Земмлер ползком двинулся к проволоке, выискивая новую позицию. За ним следовали Эйнекс и Санди, волоча на себе мешки с минами. Небольшую колонну замыкал Аб, который легко нёс миномет, положила плиту на плечи и зажимая ствол под мышкой. Через тридцать ярдов они обнаружили проход в проволоке. Протиснувшись сквозь него, Курт оказался на площадке, пригодной для установки миномёта. Курт остановился.

– Давай. давай скорей, – крикнул Эйнекс, оглянувшись на поредевшую цепь.

– Дальше незачем, – отрезал Курт.

– Но, как подавить пулемёт?

– Мы его достанем отсюда.

– Отсюда ведь не видно.

– А вам и не надо видеть, – сказал Курт. – У нас есть я.

Аб установил миномет у полукруглого изгиба ржавой проволоки, в мёртвой зоне пулемёта.

– Я буду корректировать огонь, – сказал Курт Санди. – Ты навести по команде сумеешь?

– Сумею, сэр, – уверенно произнёс боец. – Мне мсье Дюпре несколько раз показывал...

– Ну, дерзай! – ухмыльнулся Курт, выставляя базовый прицел. Затем он перебежал к месту, где проволока упиралась в развалины барака. Отсюда огневая позиция противника была отлично видна. Сделав замер расстояния, он вернулся на прежнее место, чуть-чуть передвинул миномет и навел его ствол на одну из пальм, под которыми был установлен невидимый пулемёт. Затем Курт пошел вдоль проволоки, до изгиба, лег и ползком стал пробираться дальше. Заняв удобную для наблюдения позицию, он махнул рукой Санди:

– Давай.

Аб опустил мину в ствол. Через несколько секунд послышался разрыв, который расчёт миномёта не мог видеть. Эйнекс повернулся к Курту, тот помахал ему руками, но тут же припал к земле. Вокруг него стали зарываться в песок пули: вражеский пулемет постепенно пристреливался.

– Продолжайте огонь, – крикнул Курт.

Эйнекс развернулся и, вспомнив свои обязанности, стал готовить цепь для атаки. Санди что-то крутил в механизме наведения и сам опускал мины в ствол. Оставив их управляться с минометом, Эйнекс побежал мимо Курта, который ждал, что лейтенанта вот-вот его настигнет пуля.

– Куда тебя черт несет, Тебен?

– Туда. Вон туда, – отрывисто выкрикнул Эйнекс, показывая в сторону плаца.

Услышав две короткие пулеметные очереди и почти одновременно выстрел миномета, лейтенант бросился на землю. Он скорее почувствовал, чем увидел, как пули ложатся вокруг него. Раздался ещё один разрыв мины. У Эйнекса в голове вдруг появилась мысль, что, если его бойцы немедленно не пересекут плац, никому из них не жить. Все свои силы он вложил в этот последний рывок через плац.

Со своего наблюдательного пункта Курт видел, как лейтенант перебежал открытое пространство и укрылся в мангровой роще. Его примеру последовали ещё три бойца. Один из них упал. Уцелевшие, преодолев открытое пространство, оказались в мангровой роще. Укрывшись за корнями, они открыли сильный огонь во фланг вражескому пулемёту. Вскоре он затих.

– Молодец, – подумал про него Курт и лениво проковылял к миномёту, возле которого стоял Санди. Аб куда-то исчез.

Земмлер приложил к глазам бинокль, рассматривая окрестности, и неожиданно обнаружил просеку, не обозначенную на схеме Шеннона. Она была перегорожена колючей проволокой. Приказав своим людям прочесать местность, он подошёл к Эйнексу:

– Надо идти за проволоку.

Тебен выглядел совершенно измотанным, его, по-видимому, тошнило от усталости и неожиданной смелости. Казалось, ему уже было все равно. Сделав пару шагов, он свалился в глубоком обмороке. Его сразу подхватили бойцы. Они вдвоем его взяли под мышки, дали хлебнуть из фляги, и почти волоком дотянули под сень деревьев.

– Ну, ну, только без этого, – услышал он голос Курта.

Кто-то уложил лейтенанта на песок и стукнул по спине. После второго глотка арака взгляд лейтенанта прояснился.

– Ну, обошлось? – услышал он откуда-то сверху.

– Ему уже лучше.

– Переверни его.

Лейтенант согнулся вдвое и выкашлял из себя все, что было внутри, – и пальмовую водку, и желчь, и желудочный сок, и вчерашнюю сушеную рыбу с рисом. Потом он поднялся на ноги и посмотрел на остальных. Рядом с ним стоял Аб. Он держал в руках покорёженный взрывом пулемет.

– Нашёл в манграх, – деловито сказал он на ломаном французском и бросил его на землю. Затем он наклонился к Эйнексу. – Можешь стоять?

– Стою, – все еще как в тумане машинально ответил лейтенант.

– Мы идем за проволоку, – повторил Курт, передёргивая затвор «брена».

– Я сам поведу своих людей, – Эйнекс достал из кобуры револьвер.

– Хорошо, – кивнул головой Земмлер. – Санди! Остаёшься за старшего. Раненых и оружие оттащи к церкви.

Курт дернул за порыжевшую от ржавчины проволоку. Она легко поддалась. У Эйнекса барабанило в ушах, но он почти вслепую полез вслед за остальными. Слушая их голоса, видя

перед собой спины бойцов, лейтенант машинально ступал за ними. Аб шёл сзади, подбадривая его. Смысл его слов, Эйнекс был не в силах уразуметь. Он только и мог крепче сжимать револьвер и стараться продолжить движение.

Спиралью колючей проволоки рвались довольно легко. Особенно внизу, у земли, где железо проржавело. Бойцы раздвигали их, сгибая и разгибая, и постепенно продирались сквозь заграждения. Шедшие впереди уже очутились в начале узкой аллеи. Курт первым двинулся вперед, придерживая «брен» за конец ствола.

– Ну, как Вы там? – крикнул Курт, оглянувшись назад.

– В порядке. Идите, – в тон ему ответил Эйнекс.

И тут же инстинктивно припал к земле, потому что откуда-то раздался частый перестук: так-так-так.

– Вставай, – Курт очутился рядом с ним. – Это наши заканчивают зачистку.

Они достигли вместе конца аллеи. Влажный ветер ударил им в лицо, как только они выпрямились и стали оглядываться. Перед ними был обыкновенный двор, обнесенный стеной из бурого камня. По сторонам стояло несколько каменных домов. Один, посреди двора, был не достроен. Кое-где торчала пучками чахлая трава. Людей не было видно. Совсем никого. За несколько секунд атакующие достигли железной калитки в ограде. Они попытались её выбить, но она не поддавалась. Ситуация вдруг стала критической.

– Ломайте! – крикнул Курт. Аб ла Крете закинул свой автомат за спину и ломом стал сбивать металлические петли. Тем временем, Курт залез на стену и, сидя на ней верхом, неловко, с бедра, выпустил очередь в сторону недостроенного дома.

– Эй, вам что, жизнь не дорога? – окликнул его Эйнекс. Курт недоуменно оглянулся. Не то чтобы он не замечал ружейных пуль, сыпавшихся кругом. Он и слышал, и видел все. Но ведь они всегда летят мимо. Земмлер сделал знак, чтобы Эйнекс помог ему. Размахивая револьвером, лейтенант полез на стену. В этот момент одна створка не выдержала ударов Аба, и калитка распахнулась. Беспорядочно стреляя, бойцы ворвались внутрь. Курт соскользнул со стены и едва упал на землю. Ружейная пуля с треском ударило в стену над его головой, затем другая. Он видел, как Аб и двое его бойцов побежали вдоль ограды в другую сторону к низким, нескладным строениям, стоявшим среди тощих деревьев.

– Земмлер, стреляй! – кричал сверху Эйнекс. – Они в недостроенном доме!

Земмлер видел, что Тебен, никак не может слезть со стены и побежал один, увязая в песке. Преодолев пятьдесят ярдов, он вплотную приблизился к дому и стал обходить его в поисках входа. Рыхлый песок кругом, белые срезы известняковых плит, пустой проем окна. Четвертую стену только начали возводить, с этой стороны вся внутренность здания была открыта. Неожиданно он наткнулся на вражеского солдата с нашивками капрала. Он стоял и молчал, держа в одной руке винтовку, другая безжизненно висела. Возникло ощущение, что он не совсем понимал, что происходит.

– Хенде хох, – заорал Курт капралу, инстинктивно перейдя на немецкий. Он шагнул к противнику и вырвал из его рук оружие, дёрнув его за ствол, который был покрыт грязью и ржавчиной. Мимолётного взгляда на оружие было достаточно, чтобы понять почему его противник не стрелял.

– Стой здесь. Если выйдешь, тебя застрелят, – громко сказал он. Зрачки капрала мигнули, по-видимому, он понял приказ. Земмлер закинул винтовку на плечо, повернулся и выбежал из недостроенного дома, держа свой «брен» наперевес. Эйнекс уже его ожидал с револьвером в руке, готовый выстрелить в любой момент. Кругом никого не было видно. Курт отчетливо услышал редкие выстрелы со стороны барака, куда раньше пробежали Аб и другие бойцы. Там раздавались длинные автоматные очереди. Курт взял свой «брен» наперевес, проверяя патроны в магазине, и двинулся на звук выстрелов. Трофейная винтовка ему только мешала, и он бросил её на редкую траву покрывавшую двор.

– Потом подберу, – подумал он. Сзади раздавалось тяжёлое дыхание Эйнекса. Влажный, горячий ветер задувал под его куртку и обжигал его лицо. Из ближайшего дома по нему открыли огонь. Земмлер бросился на землю и, подняв «брен» над головой, наугад выпустил последние патроны из рожка. Его поддержал Эйнекс. Он держал свой револьвер невысоко: сила отдачи едва не сбила его с ног. Когда выстрелы стихли, Курт заменил рожок, а затем поднялся и побежал вслед за лейтенантом.

Из двери первого дома выскочили трое людей. Земмлер остановился, упер «брен» в бок и двумя короткими очередями в упор уложил их.

– Осторожнее. Не спешите стрелять, – вдруг крикнул Эйнекс. – Тут могут быть заключенные.

– Откуда они тут взялись?

Оба прислонились к стене дома, переводя дух. Тебен прислушался к крикам где-то рядом.

– Не знаю, – прошептал лейтенант и во всю глотку что-то закричал на своём наречии. Бой сразу стих. Слышны были только одиночные выстрелы.

– Идите сюда, – кто-то рядом заговорил на ломаном французском. – Мы не можем выйти.

– Там есть солдаты?

– Один. Но он наложил в штаны.

– Эйа, – подхватили другие голоса и что-то залопотали на своём наречии. Языки банту близки между собой, поэтому лейтенант сразу разобрал их речь.

– Они говорят, чтобы мы подошли к ним, – перевёл Эйнекс, показав на следующее строение. В его двери было окошечко, забранное решеткой. Через него была видна квадратная кухня с двумя печами. Заключенные столпились у единственного окна, забитого крест-накрест тяжелыми деревянными брусками. Эйнекс отодвинул засов двери. За ней стояло трое похожих на мертвецов бакайя, босых, полуголых, в рваных хлопчатобумажных шортах.

– Эйа, – наперебой кричали они, выскакивая из дома. Откуда-то вдруг появился четвёртый, с винтовкой в руках. Курт, поднял свой пулемет, но Тебен остановил его.

– Нет, – сказал он, опустив руку на ствол и страшно захрипел, обращаясь к солдату. – Клади оружие!

Ржавая винтовка со стуком упала на глинобитный пол. Пленники даже не оглянулись на звук. Они галдели наперебой, перебивая друг друга точно дети:

– Как вам это удалось?

– Мы слышали стрельбу. Вас много?

– Остальные спрятались в бараке, что у ворот.

– Их перевели к воротам, когда ночью открыли огонь. Тот дом укреплен.

– Скорее туда.

Курт с изумлением разглядывал узников: с виду совсем старики – все на одно лицо

– Идем, – торопили они Тебена. Они пробовали говорить с Куртом на сакайя. Наёмник в ответ только тарашил на них глаза.

– Он – алемано, – пояснил Тебен, указав на Земмлера.

– Алемано? – Старейшины что-то наперебой стали спрашивать.

– О чём они?

– Они говорят, что немцы давно свою войну кончили. Что он здесь делает? – стал переводить Эйнекс.

– Не так и давно, – пробурчал Курт. – Всего двадцать лет назад.

– Они говорят про другую войну. Про неё рассказывали старики...

– А-а-а?

Земмлер уже бежал через двор лагеря к дому у вторых ворот, где вновь началась перестрелка. Одиночные ружейные выстрелы раздавались из-за длинного низкого барака. Человек

шесть во главе с Абом засели в жиденьком кустарнике у ворот. Они были обиты рифленным железом и опутаны колючей проволокой. Пули щелкали по воротам с характерным звяканьем железа о железо, но их автоматы не умолкали. Курт побежал к высокой куче водорослей и камней, наваленной у ворот. Укрывшись за ней, он выпустил последние патроны по окну барака, в котором виднелись силуэты двух солдат противника.

– Скажите им, пусть выходят, – проорал Курт. Рядом с ним плюхнулся Тебен:

– Стреляйте! В чем дело? Стреляйте!

– Патроны кончились, черт его дери. – выругался Земмлер. Он нажимал на спуск, но слышалось только металлическое щелканье. – Пусть выходят, – и стал ждать, когда Эйнекс выполнит его приказ.

–Эй, вы там! – закричал лейтенант на сакайя. —Выходите. Не прячьтесь. Мы не будем больше стрелять...

Один солдат вдруг выскочил из барака и бросился бежать к берегу. Эйнекс выстрелил из револьвера ему вдогонку. Раз и потом еще два. После оглушительного «брена» звук pistolетных выстрелов показался Курту очень тихим. Тебен промахнулся, и солдат продолжал бежать. Второй, бросил винтовку, поднял руки вверх и медленно пошёл к ним. Бой вдруг неожиданно закончился.

Аб вылез из кустов, держа что-то под мышкой: его лицо его хранило напряженное, сосредоточенное выражение. Трое людей Эйнекса появились из-за барака с другой стороны и сразу скрылись в дверях барака. Курт вошёл следом, чуть опередив лейтенанта, и сразу же увидел два, лежащих на полу трупа. Пол был каменный, ступенчатый, и весь залит кровью. Его люди, вбежавшие через другую дверь, стараясь не ступать по этим страшным лужам, отодвигали деревянные засовы на дверях, ведущих в камеры по сторонам. Оттуда стали выходить еще заключенные, похожие на первых трех. Всего набралось девятнадцать человек. Они все столпились у входа с любопытством смотря на Земмлера.

Пока Эйнекс что-то втолковывал бывшим узникам, Курт приказал собрать пленных солдат. Их оказалось полдюжины, включая капрала. Одетые в зеленовато-бурые брюки и рубахи, парусиновые ботинки и грязные кепи, они дрожали от страха. Матерчатые тканые ремни и патронташи болтались, руки тряслись, а глаза бегали.

– Горе вояки! – покачал головой Курт. Затем, посмотрев на часы, он не поверил своим глазам – прошло всего двадцать семь минут с начала боя. Для его новобранцев это было даже слишком хорошо. Правда, в парашютных частях на подобные штурмы отводилось меньшее время.

Пока бойцы обыскивали растерянных, дрожавших от страха пленников, Земмлер закурил и стал осматриваться. Неожиданно, где-то сбоку раздались выстрелы. Подхватив чей-то автомат, Земмлер бросился туда. Эйнекс немедленно последовал за ним. Оказалось, что несколько человек укрылись в небольшой пристройке. Когда люди Курта стали ломать дверь, они открыли огонь. Те, естественно, ответили.

Не выдержав концентрированного огня, дверь упала. На полу валялся труп человека в гражданской одежде. Окно пристройки было распахнуто – остальные скрылись. Через несколько секунд откуда-то из-за забора раздался рёв автомобильного мотора, затем, через пару секунд, второго. Всё произошло так внезапно, что Курт не успел даже отдать команду. Ровный гул автомобильных двигателей постепенно удалялся.

– Тебен! Твои люди должны их перехватить, – бессильно кивнул на окно Земмлер. Он понимал, что это была его промашка...

Словно по волшебству, вдалеке раздался взрыв. Где-то у церкви завязалась перестрелка. Сухие шелчки pistolетных выстрелов перемежались с автоматной стрельбой. Последней было явно больше. Курт новыми глазами посмотрел на лейтенанта. Неожиданно во дворе раздался дикий крик.

– Что там случилось? – задал естественный вопрос Земмлер. Эйнекс пожал плечами. – Надо разобраться...

Когда они появились на крыльце, причина стала ясна: знакомый капрал лежал ничком с разрубленным черепом. Над ним с катаной наклонился один из заключённых. Эйнекс что-то спросил у своих бойцов на сакайя. Бывший заключённый разразился гневной тирадой в ответ и зло уставился на Земмлера. Его глаза были налиты кровью...

– Мечь, – произнёс он деловито. – Он говорит, что этот человек изнасиловал его сестру и убил его отца. Теперь он отрежет ему уши и отнесёт в свою деревню, чтобы показать их братьям и матери...

– Немедленно прекратить! – закричал Курт, забыв, что туземец может его не понять. – Нельзя убивать пленных! – повернулся он к Эйнексу. – Даже если это кровожадные придурки...

Недовольно ворча и шурась на Курта, люди Эйнекса отошли от тела капрала. Но он уже забыл про инцидент, прислушиваясь к ходу перестрелки. Как только она утихла, он отдал распоряжение Эйнексу:

– Тебен, остаёшься здесь командовать. Я беру Аба и ещё пару бойцов. Проверю, что произошло у церкви...

Путь назад занял около четверти часа. Подойдя к церкви, Курт увидел, что недалеко от неё дымится грузовик. Его кузов был разворочен взрывом. Дверь кабины распахнута и оттуда свешивался труп. Чисто автоматически Курт обратил внимание, что резина на задних колесах цела. «Надо будет сказать Горану», – подумал он. Навстречу ему шёл Тимоти, подталкивая негра лет сорока, разодетого как попугай.

– Кто это? – спросил Курт.

– Вице-президент Алрой Шинра. Один из моих людей признал его. Он со своей семьёй работал на его банановой плантации. Говорит, страшный жмот. Даже те жалкие гроши, что обещал, он нам так и не заплатил...

Курт профессионально обыскал пленника, который потерянно оглядывался по сторонам. Он ничего не обнаружил кроме внушительного бумажника, золотой зажигалки и связки ключей на брелоке.

– Где ты его нашёл?

– Во втором грузовике. Он – там, за поворотом. Сидел в кабине первого грузовика и был выброшен взрывом. Он был без сознания, когда люди Тимоти подобрали его. Из его спутников никто не уцелел.

По словам Тимоти, грузовики выскочили через пять минут после окончания стрельбы в городке. Пикет на дороге растерялся: его бойцы не успели сделать ни одного выстрела до тех пор, пока первая из машин не поравнялась с ними. Из её кабины раздалась стрельба. Выскочивший прямо на дорогу, Санди дал очередь по скатам, а затем упал на асфальт, обливаясь кровью. На пустых шинах грузовик потерял скорость, но всё же попытался скрыться за поворотом, но его догнала граната из базуки Тимоти. Его люди оправались от неожиданности и встретили вторую машину плотным огнём. Чья-то очередь пробила скаты грузовика, тот сбросил скорость и съехал в кювет. Затрещал уоки-токи: это был Шеннон:

– Курт, ты что там шумишь?

– Зачищал казармы, шеф. Два военных грузовика пытались проскочить. Один раскурочен взрывом, другой лежит в кювете. – Санди тяжело ранен. Есть трофеи и пленные. Среди них вице-президент этой шоколадной республики.

– Оставь кого-нибудь охранять казармы, а сам осмотри окрестности церкви и возвращайся...

– Лейтенант Эйнекс и четыре бойца остались охранять казармы. Они должны были собрать на территории всё пригодное оружие и охранять пленных. Ему должны были помогать бывшие заключённые.

– Хорошо, Курт. Конец связи!

Тимоти десятком людей отправились во дворец. Они несли с собой раненого Санди, миномёты и оставшиеся неиспользованными мины. С большим сожалением, Земмлер отдал им свой «брен», к которому кончились патроны и подобрал «шмайсер» Санди.

– За мной, – махнул он рукой, окружающим его бойцам. – Надо прочесать окрестности. Действовать аккуратно и внимательно!

Разбуженные ночной стрельбой дома оживали. Некоторые наиболее смелые обыватели уже выглядывали на улицу. Там они видели африканцев в камуфляже, осторожно двигавшихся цепочкой по их улицам и дворам. Минут через пятнадцать, Курт обнаружил во дворе школы жёлтый автобус. Он завёлся с полуоборота. Солдаты набились в него довольные тем, что дальше можно будет передвигаться с удобствами...

Когда Земмлер доложил о своей находке, Кот стоял и курил у окна, прислушиваясь, к редким выстрелам, раздававшимся со стороны городских кварталов. Лёгкий ветерок дул со стороны казарм: он доносил запах горелой резины.

– Ты знаешь, как начиналась политическая борьба в Зангаро, Карло? – спросил его Окойе.

– Нет. Расскажи, Вайант.

– Это было лет двадцать назад. Я тогда жил в Кларенсе и готовился к поступлению в адьюнктуру при госпитале в метрополии. В свободные часы часто навещал Мориса Луле, фельдшера эпидемиологической станции. По национальности он был наполовину швейцарец и поэтому он прекрасно говорил по-французски, а я брал у него бесплатные уроки. Фельдшер как-то сразу проникся ко мне симпатией и, несмотря на разницу в возрасте и положении говорил со мной как с равным. Иногда Луле допускал резкие отзывы о колонизаторах, а я спрашивал его о жизни в Европе. Много из того что он говорил было для меня откровением: я ловил слова, глядя ему прямо в рот. Словом, мы очень быстро сошлись.

С каждым разговором у нас росло доверие друг к другу, чувство, основанное на общих убеждениях и вкусах. Со временем мы стали часто ходить друг другу в гости. Однажды мы сидели на веранде его дома перед столом с коллекцией ритуальных масок и перерисовывали их в красках. Закончив это и принялся выписывать сведения из книги о сонной болезни, которую Луле принес из больничной библиотеки. Луле входил и выходил из дома, занятый подбором каких-то справок. Вдруг он встревоженно зашептал, делая вид, что убирает книгу.

– Вайант, кто-то подглядывает за нами, смотри!

Я внезапно поднял голову и узнал нашего соседа:

– Это мсье Мутото, опасный человек! Он служил капралом в армии, теперь служит в полиции сыщиком. Его для вида сделали корреспондентом местной газеты...

– А! Понимаю, корреспондентский пропуск дает возможность рыскать повсюду.

– Он должен собирать новости и просто шпионит за нами.

– О, какой опасный человек этот мсье Мутото! А мне надо незаметно исчезнуть на пару часов, – вдруг произнёс Луле.

– Так чего он трется здесь? Я его сейчас выпровожу! – я направился к двери.

– Ради бога, Вайант! Не делай этого. Сиди здесь, посмотри мою книгу или разберите коллекцию! Пусть он уйдет сам, убедившись, что ты на месте!

– Раз ты меня пригласил к себе, Морис, то не беспокойся: я с ним справлюсь. Иди, занимайся своим делом, а я хорошенько ознакомлюсь с материалами!

Рослый фельдшер замешкался в дверях, словно усомнившись в моей решимости.

– Не бойся, иди! Покажите, где глава о мухе цеце. Это? Ладно! Иди!

Через полчаса я неожиданно услышал сладкий голос Мутото:

– Здравствуй сосед, – шпик уже оказался на веранде и заговорил с фельдшером.

– Я хотел...

В лучах фонаря он выглядел великолепно: клетчатый костюм, красный галстук, зеленый платок, желтая рубашка, большие роговые очки. Две самопишущие ручки. Перстни.

– Я хотел получить у тебя интервью, Скажите...

– Я занят. Давай завтра!

– Да, но...

– Если ты не отстанешь, то я пожалуюсь твоей матушке!

Я сидел и прилежно писал конспект, а затем он отобрал редкие фотографии и точные описания ритуальных плясок. Сосед куда-то исчез, стемнело. Прошло три часа, и я стал беспокоиться о том, куда запропастился хозяин.

Наконец он вернулся и облазил весь свой палисадник, осмотрев все закоулки.

– Как дела? – спросил он меня.

– Все удалось как нельзя лучше! От имени нашей многострадальной и любимой родины благодарю Вас за великую помощь! – вдруг торжественно заговорил мой старший друг и протянул мне руку. Я насмешливо ответил на рукопожатие:

– Можно узнать, в каком деле?

– Мсье Луле, – произнес фельдшер торжественно, – вы своим присутствием обеспечили бесперебойное течение исторической церемонии. Ис-то-ри-че-ской!!

Я вопросительно поднял брови, изо всех сил стараясь быть серьезным.

– Вайант, извини, тысячу раз прошу прощения. Я использовал нашу дружбу для одного тайного дела.

Я нахмурился, но всё же спросил:

– Так в чем же состояло сие историческое торжество, если не секрет?

– Я тебя обманул, извини, но выхода не было. Прятаться на плантации бесполезно: там нас сразу выследят и арестуют.

– Ты совершил что-то незаконное, Морис?

– За мною давно следят, и выхода, повторяю, не было. Мы рисковали жизнью, пока ты здесь сидел. Пройдём сюда, прошу, – он повёл меня в пустой темный чулан.

– Ну? – недовольно спросил я, ничего не поняв. Голос Мориса приобрёл торжественный тон:

– Полчаса тому назад здесь произошло учредительное собрание.

– Какое?

– Мы основали политическую партию: один солдат из местного гарнизона, он как раз сменился с дежурства, два делегата от рабочих с плантаций какао, они привезли сюда какой-то мотор на ремонт, три крестьянина и я, представитель интеллигенции. Как видишь, широко представлены все группы населения. Партия называется Союз борьбы за освобождение Зангаро. Я избран генеральным секретарем, потому что все остальные не умеют ни читать, ни писать.

– Как вы все сюда пробрались?

– Делегаты пролезли в окно со двора и так же вылезли. Сошлись и разошлись поодиночке, быстро и незаметно. Прямо под носом Мутото, этой полицейской ищейки. Мы основали политическую партию, мсье: один солдат из местного гарнизона, он как раз сменился с дежурства, два делегата от рабочих с плантаций какао, они привезли сюда какой-то мотор на ремонт, три крестьянина и я, как представитель интеллигенции. Как видите, широко представлены все группы населения.

– Значит, вас всего семь человек? Немного, – ухмыльнулся я.

– Нет, это делегатов семь, а сознательных людей две-три сотни, а сочувствующих – двадцать тысяч. Да что там – все население Зангаро! Только эти люди сами еще не знают, что они с сегодняшнего дня уже являются сочувствующими патриотической партии!

– Ты и эти две-три сотни надеются опрокинуть колониальный режим? У губернатора двести жандармов, да армия метрополии за морем. Вы надеетесь на чудо? Где ваши винтовки? Пулеметы? Пушки? – усмехнулся я. Луле покачал головой и возразил:

– Их нет, мы будем воевать сначала только словом.

– Ах, словом...

Я только пожал плечами, а он зашептал убежденно:

– Слово приведет к нам жандармов и выгонит губернатора из дворца и посадит туда нашего президента. Мы начнем с рабочих – в портах и на плантациях. А когда нас станет много, мы возьмемся за оружие! Вы качаете головой! Не веришь?

– Что значит семь человек? – мне тогда казалось, что учреждение политической партии в маленькой кладовке – печальная гримаса местной жизни, бесплодное трепетание мушки в лапах паука. Мне стало грустно:

– У вас не было даже стульев?

– Ничего, все сидели на полу. Тем лучше!

– Стулья у меня есть в помещении, но семь стульев в кладовой – улика. Мсье Мутото мог ворваться и...

– Ворваться? – Луле поднял подбородок и смерил его взглядом.

– Бог послал вас, мсье, сам бог! Конечно, негодяй не посмел бы! Но все сошло хорошо: в землю вложено семя, земля у нас щедрая и богатая, и скоро из семени покажется росток! Великое понимается и оценивается только с большого расстояния, и я понял значение роли и личности Луле, когда потерял его, – закончил Окойе свой рассказ.

– А что было потом?

– А потом, – задумавшись Окойе подошёл к окну, посмотрел во двор, вернулся к столу и проговорил тихим шепотом. – Он хотел увидеть наше торжество своими глазами, но не дожид до этого.

– Почему?

– Трагически погиб во время эпидемии. Это произошло шесть лет назад. Его преемником на посту генерального секретаря стал Кимба...

Затянувшуюся паузу нарушил Шеннон;

– Мсье Луле был социалист?

– Нет, он был очень верующий католик, хотел стать священником.

– Генеральный секретарь социалистической партии – верующий? – Шеннон удивился такой трансформации политических идей на африканской почве.

– О, да, конечно! Он воспитывался в католическом приюте Кларенса.

– Он не мог быть социалистом хотя бы потому, что не знал, как следует, чего они хотят. Ведь тогда в Кларенсе нельзя было достать нужных книг и газет.

– Почему же он стал социалистом?

– Опыт русских говорил сам за себя. Именно они опровергли сказку об избранных народах и победили Европу.

Луле их понимал по их же делам. Нам всем казалось, они сделали у себя то, что нам нужно сделать в Зангаро. А затем наступило отрезвление...

– Кимба?

– Да, он и его советники.

– Почему им это так легко удалось?

– Колониальные власти не понимали местной специфики. Многим казалось, что мы здесь думаем, как они: такие же ценности, такие же мысли, такие же запросы, но это было не так.

– Что-то пошло не так?

– Конечно. В Зангаро издревле существуют тайные общества. Их основная цель – укрепить дух племени, рода, клана, вселить веру в себя и объединить его на борьбу с внешним врагом. Неважно кто это: соседнее племя или белый господин. В Стране Винду стихийно возникло тайное общество, символом которого является пантера, самый сильный зверь джунглей. Члены этого общества узнавали друг друга по рычанию «роу-роу».

– Примитивные голые люди! – посетовал Шеннон.

– И слабые, потому что они еще не имели языка!

– А что, Союз Борьбы имел тоже свой девиз?

– Да! – Окойе за считанные мгновения помолодел на десять лет. Его лицо осветилось одухотворенной гордостью. Он, как дирижер в большом оркестре, широко взмахнул обеими руками и громко, нараспев произнёс:

– Ухуру!

– Свобода! – эхом повторил вслед за ним Шеннон. – Так как же всё-таки случилось, что у власти оказался Кимба?

– Всё сложилось очень банально. Лидеры «пантер» присоединились к Союзу борьбы. Как говорят, на выборах нового генерального секретаря они поддержали кандидатуру Кимбы. Я тогда был в Биафре и не знаю всех деталей. Кимба пригласил русских и китайских советников, которые обеспечили ему преимущество на выборах. Остальное тебе известно.

– Слушай, Вайант, а что случилось с Мутото?

– Он эмигрировал и сейчас живёт где-то в Луисе, говорят, процветает...

Беседу прервал Барти. Он доложил, что Горан починил замки в винном погребе и радиорубке. Потом он осмотрел стоявшие во дворе машину, снял с неё радиатор и отправился его запаивать на «Тоскану». Чиприани пообещал помочь с перегородками и дверьми.

Вслед за Барти ввалился Тимоти, котрый коротко доложил, что миномёты установлены на заднем дворе дворца и готовы открыть огонь в любую минуту.

– Что с нашим местом высадки?

– Дюпре и я уничтожили все следы. Упаковка ракетниц сожжена и сброшена в море.

– Молодец! Что с Санди?

– Его разместили в отдельном кабинете на первом этаже. Он дышит, но пока без создания. Ему бы сейчас врача...

– Доктор, Вы можете осмотреть его? – обратился к Окойе Шеннон.

– Конечно.

После беглого осмотра Санди глава революционного правительства вынес свой вердикт:

– Крови потерял немного, ранения множественные, но касательные, так что должен выжить. Как только появится транспорт, повезём его в госпиталь.

На связь вышел Валленберг. Он сообщил, что Чиприани на «зодиак» отправился на берег. Остальные лодки подняты и уложены в трюм, Горан чинит радиатор, а он ждёт дальнейших распоряжений. Шеннон был доволен: к девяти часам утра в городе было тихо, приборка дворцовой территории была почти завершена, а ремонт внутренних помещений начат. Его несколько беспокоили только корабль на рейде и уехавший с Площади Победы в аэропорт грузовик. «Уоки-токи» лежал на коленях: его тихое равномерное потрескивание подбадривало. Он ждал тревожных сигналов от Лангаротти и Земмлера, но их небыло. Это вселяло надежду в том, что организованного сопротивления не будет.

Оба его соратника прибыли во дворец почти одновременно. Они нашли Шеннона в одной из парадных столовых дворца. Он уписывал за обе щеки, обнаруженный на дворцовой кухне хлеб с джемом.

– Присоединяйтесь, – промямлил он. Курту и Жан-Батисту не нужно было намекать дважды. Со знанием дела они быстро распотрошили холодильник. Не успели они присесть, как на кухню вошёл Окойе:

– Я повторно осмотрел Санди. Он серьёзно ранен и не приходит сознания. До прибытия кареты скорой помощи за ним присмотрит лейтенант Слит. Он бывший аптекарь, получил некоторую медицинскую подготовку и один или два раза действовал как мой помощник. – Он помолчал и потом тихо добавил. – Без срочного хирургического вмешательства он вряд ли выкарабкается. Мне очень жаль.

Непроницаемо чёрные глаза доктора странно блеснули в полумраке комнаты. Шеннон перевёл взгляд на потупившего взгляд Земмлера.

– На войне, как на войне, – философски произнёс Жан-Батист, желая немного разрядить обстановку.

– Теперь о главном, – продолжал доктор. – Мои люди в полицейских казармах арестовали вице-президента Шинру, – Шеннон удивлённо посмотрел на Земмлера, тот хмыкнул и отвёл глаза. – Под диктовку лейтенанта Эйнекса он подписал указ о передаче своих полномочий мне.

Лангаротти перевёл взгляд на Шеннона, вопросительно сдвинув брови. Тот повел головой, приказывая всем молчать.

– Мудрый ход, доктор, – тихо произнёс он, – но есть еще один вице-президент, и его мы пока не нашли. Кстати, пусть этого ... Ши... Ши... ну доставят сюда. Так надёжнее...

– Хорошо, – Окойе попятился к выходу. – Я пошлю за ним лейтенанта Ракку и двух своих людей.

– А это кто ещё такой? – спросил Шеннон.

– Я его знаю, – перехватил ответ Жан. – Он из полицейского управления. Правда, утром был ещё сержантом.

– Понятно, – потянул Шеннон. – Вайант, среди твоих людей есть радиотехник? – фамильярно крикнул он вдогонку Окойе.

– Спросите у лейтенанта Слита, – послышалось из коридора. – Он отвечает за всю нашу технику.

– Я видел двух техников с радиостанции, – хмуро произнёс Лангаротти.

– Надо будет их отыскать, – озаботился Шеннон. – а то скоро останемся без связи.

– Курт у нас полно времени, расскажи-ка нам что произошло в казармах, – неожиданно попросил корсиканец.

– Да, что там произошло? – повторил Шеннон. – Столько неожиданных поворотов...

Курт начал методично перечислять все перебиты боя. Оба его товарища внимательно слушали, лишь изредка перебивая. Особенно их интересовали заключённые, находившиеся в бараках. Кто они?

– Ну, а теперь что? – спросил, закончив свой рассказ, Земмлер.

– Будем ждать, – ответил Шеннон.

– Чего?

– Заказчика. Впрочем, если хочешь потренируй людей Окойе. Судя по твоему рассказу, они не выдержат длительного боя...

– Пожалуй ты прав, Кот. Пойду, займусь муштрой...

– Алемано, – проворчал Лангаротти, смотря в спину уходящему Земмлери...

Шеннон ковырял в зубах спичкой и молчал. Он думал о Жанни Дюпре и Марке Вламинке, которые лежали внизу на полу, и о Джонни, которому уже никогда не придется добывать себе на ужин очередную козу. Стараясь не мешать своему командиру, Лангаротти решил заняться любимым занятием. Он не спеша обмотал левую кисть кожаным ремнем и стал молча водить по нему лезвием ножа, изредка посматривая на командира. Курт нервно курил, усевшись на подоконник. Его «шмайсер» с полным магазином был прислонён к стене...

АЭРОПОРТ

Солнце сияло, кокосовые пальмы шелестели от липкого бриза, утренняя прохлада быстро таяла под лучами тропического солнца. Духота врывается в комнату через разбитые окна дворца.

– Будем ждать нового правительства, – после долгой паузы произнёс Шеннон, размышляя вслух. – Вайянт скоро сделает заявление свое по радио. Его люди потихоньку всё прибывают и прибывают...

– Курту будет кого муштровать. Пора подумать об их тактической организации, – Лангаротти прервал тираду шефа.

– Надо брать столицу под контроль...

– А аэропорт? – поинтересовался Жан.

– Чёрт с ним, сами сбегут... – безмятежно ответил Кот.

Вдруг на востоке вспыхнули цепочки разноцветных ракет. В лучах тропического солнца они были почти незаметны, но их было много. Это явно не был салют в честь революции.

– Кто-то подаёт сигналы. Всё-таки надо выслать дозор в аэропорт, – промолвил Жан, невозмутимо продолжая водить ножом по ремню. – и, заодно, проверить как там дела у Патрика.

– Вот и двигай, – ответил Кот. – Нечего здесь маячить. Возьми автобус, Тимоти и его людей. Выясни там обстановку и сообщи мне.

Жан спустился вниз. На заднем дворе он видел Курта что-то внушающего столпившимся вокруг него неграм в военной форме. Они стояли полукругом вокруг него и жадно слушали. Тимоти был на кухне, куда он заскочил в поисках воды:

– Собери своих людей у автобуса, – приказал ему Лангаротти. – На всякий случай, возьми с собой базуку и пяток снарядов к ней.

Жёлтый школьный автобус стоял перед заблокированными воротами дворца. Лангаротти отобрал из толпы Курта ещё восемь человек и повёл к автобусу. У отеля «Индепенденс» они свернули влево на площадь Победы. Она была безлюдна. О ночных событиях напоминали закрытые наглухо двери правительственных учреждений и, стоящие рядом люди с винтовками. Они были одеты в невообразимые лохмотья. Автобус притормозил у полицейского управления: Жан вышел из душевой кабины и направился ко входу. На веранду медленно вышел Хорас и приветственно поднял руку:

– Добрый день, мон генераль, – шутливо произнёс он. – Ваши распоряжения выполнены. Все объекты на площади охраняются. Вы, я смотрю, с подкреплением. Это хорошо...

– Что хорошо?

– Я Вашим протеже-контрабандистам раздал свои карабины и тот хлам, что удалось собрать на площади. Вы сами знаете на что он годится...

– Подкрепление прибудет позже, – резко оборвал его Лангаротти. – Мне нужен Патрик.

– А, Ваш человек, – потянул Хорас. – Он – в здании банка. Вон там! – Он махнул рукой в сторону белого здания с зелеными жалюзи напротив. – Там сейчас прохладнее всего...

– Я туда загляну. Оставайтесь здесь и ждите, к Вам из дворца будет направлен патруль.

– Как там мой сержант?

– Ракка? Он уже лейтенант.

– Я же говорил, что он имеет большие перспективы...

Жан высадил из автобуса двух добровольцев и бегом пересёк площадь. Когда он подошёл к двери банка, сомлевший от жары оборванец вытянулся и неуклюже взял свой ржавый винчестер «на караул». Лангаротти ему кивнул и приоткрыл дверь:

– Патрик, Патрик! – позвал он.

Ответа не последовало. корсиканец достал президентский "браунинг" и вошёл во внутрь. За ним последовали добровольцы с автоматами наперевес. Первыми, что бросилось в глаза Лангаротти в помещении банка, была наваленная в углу зала гряда матраса и брошенный котелок. Жан поднял глаза кверху и увидел, что в нескольких местах крыша прохудилась. Влага сочилась сквозь образовавшиеся щели в прямо операционный зал, образуя грязные разводы на потолке. В помещении царил полный хаос, кучи бумаг разлетелись по полу, в беспорядке были навалены бухгалтерские книги, печати, штемпеля и прочие принадлежности,

Простенок, соединявший зал с кассой, был выломан. Жан направился прямо к пролому. Здесь за стойкой царил такой же хаос: кассовые аппараты были вскрыты, ящики взломаны, стулья опрокинуты. Он осторожно двинулся по коридору вглубь здания, методически обыскивая кабинеты. В одном из них он наткнулся на шкаф, занимавший половину стены и открыл его. Все его полки были забиты пачками, издали похожими на писчую бумагу хорошего качества. Корсиканец взял один лист. На ощупь он вызвал какую-то знакомую ассоциацию. Он посмотрел на просвет и увидел водяные знаки. Теряясь в догадках, Жан-Батист не поленился и достал из своего кармана тысячефранковую купюру, прихваченную во дворце. Корсиканец не сдержал своего изумления и громко произнёс:

– Точно. На этом они печатают свои деньги!

Его гулкий голос разлетелся по пустому помещению. На звук выскочил ошалелый и расстрёпанный Патрик, который, по-видимому, дрых на диване в соседнем кабинете. Его лицо было широко и добродушно, нос почти плоский, а рот растянулся в блаженной улыбке. В руках у него была полупустая бутылка арака.

– Патрик! Ты что творишь, – прикрикнул на него Лангаротти. – Смирно!

– А, мсье Жан, – устало произнёс тот. Белки больших черных глаз навывкате, в желтых прожилках сверкнули в полумраке помещения. – Я немного устал и решил прилечь ненадолго. Смотрите, что я нашёл...

Жан посмотрел под ноги и увидел, что рядом с диваном свалены в кучу пачки местной валюты различного достоинства.

– Хотите? – Патрик протянул Лангаротти недопитую бутылку арака.

– Прекрати немедленно, – Лангаротти зловеще повысил голос. Сзади послышался звук шагов: в помещение вошли люди Жана. Командный тон сразу подействовал на африканца, который немедленно вскочил и отдал честь развёрнутой ладонью.

– Докладываю! Банк захвачен, мародёры прогнаны, имущество захвачено, всё взято под охрану. У меня было десять человек, не считая тех двух полицейских, – он неопределённо мотнул головой.

– Где остальные люди?

– Одного оставил при входе, а остальных во главе с Мозесом отправил в министерский квартал.

– Мозес?

– Это тот контрабандист. Он очень деловой парень, мсье...

– Кот! У Патрика всё в порядке, – сообщил по рации Лангаротти. – Здесь есть десяток добровольцев. Они ненадёжны, их надо сменить.

– Доктор обещал дать своих людей для усиления полиции, последовал ответ. Жан скривился от этой новости. – Прикажи Патрику вести добровольцев во дворец, как только их сменяют. Посмотрим, что это за фрукты...

– Ты слышал? – Лангаротти спросил подчинённого. – И дай мне бутылку! Я тебя спасаю от трибунала.

– Слушаюсь, сэр.

– Где твоя рация!

– Вот, мсье...

– Вот, что. Я сейчас подгоню автобус и пришлю сейчас своих людей. Упакуйте все местные фантики в мешок и отнеси их мне.

– Слушаюсь, мсье.

– Не перебивай. Когда мы уедем, обшарьте остальные здания. Может чего там найдёшь? Больше не пить! Это приказ!

Переговорив с Лангаротти по радиации, Шеннон спустился на плац, где Горан закончил ремонтировать грузовик. Даже в тени пальм было влажно и душно. Он постучал ногой по заднему скату, потом по переднему. Обойдя машину, он оказался рядом с плацем. Десяток рекрутов под командованием Барти проводили строевые занятия, остальные под чутким надзором Земмлера учились пользоваться автоматами. Рядом с ним стоял незнакомый африканец с нашивками лейтенанта. При виде Шеннона он лихо козырнул:

– Лейтенант Пренк! Привёл пополнение.

Шеннон вяло козырнул ему и подошёл к немцу:

– Как продвигаются дела, Курт?

– Среди этих засранцев действительно удалось найти несколько бывших солдат, – приятно удивил Курт своего начальника. – Из них я могу сформировать два полноценных патруля. После нормальной тренировки я сделаю из них неплохих бойцов. Главное, чтобы у них было желание ими стать. Кстати, там у церкви я видел пару исправных покрышек для Горана. Что ещё, командир?

– Проследи, чтобы в составе патрулей был проводник из местных. Один во главе с Джинджи я пошлю в порт, а второй оставлю охранять дворец. Если останутся свободные люди, отдай их Тимоти. Пусть учит обращаться с миномётами.

– Задачу понял!

– Лейтенант Пренк, Вы поступаете в распоряжение капитана Земмлера! – устало кивнул Кот и направился во дворец, насвистывая «Испанский Гарлем». Он зашёл в комнату, где находился Санди. Его безжизненное тело лежало в комнате для прислуги на жёсткой койке. Тишина нарушалась только свистящим тяжелым дыханием раненого. Он все еще не приходил в сознание.

– Он так и не приходил в сознание. Надо срочно отвезти в местный госпиталь, может быть там смогут помочь, – за спиной раздался шелестящий голос Слита. – Я должен идти в радиорубку, сэр Пусть с раненым останется кто-то из прислуги...

Шеннон согласно кивнул, не отводя глаз от соратника.

Автобус отъехал от банка, как только в него загрузили деньги, и медленно покати́л из города. На выезде он обогнал испуганную толпу растрёпанных женщин, которая двигалась прочь из города. За плечами они несли детей, а на головах – туго набитые баулы, в которых было, видимо, все их ценности. Для того, чтобы попасть в аэропорт требовалось свернуть направо с Равнинной Дороги, единственного асфальтированного шоссе, ведущего вглубь страны. Неожиданно небольшая группа зангарских солдат, перегородивших дорогу. Навстречу им вышел офицер и закричал.

– Какого черта Вы бежите из города?

Лангаротти догадался, что он говорит, прикрыл лицо рукой и переместился к выходу. Тем временем, зангарец просунулся в переднюю дверь, выхватил пистолет и приказал:

– Быстро освободить автобус! Строится! Вы все поступаете под мою команду! Я – начальник гарнизона майор Рбако!

– Вы арестованы, – спокойно произнёс Лангаротти, приставив к его шее свой любимый нож.

Только теперь до злополучного Рбако дошло, что в автобусе сидят люди, одетые в незнакомую военную форму.

– Это вторжение? Война? – озадачено спросил он, упавшим голосом. – С кем?

– Революция, – уточнил корсиканец. – Именем Совета национального спасения Зангаро Вы арестованы. Отдайте Ваше оружие!

Прищурившись, офицер смотрел по сторонам, как бы оценивая расстояние, и неожиданно сиганул в сторону. Раздался резкий звук и лезвие ножа корсиканца вошло ему в шею по самую рукоять. Нелепо раскинув руки, офицер упал в двух шагах от своих солдат, опешивших от неожиданности. Увидев направленный на них «шмайсер», они молча вытянули руки вверх и даже не попытались бежать. Послав пару бойцов собрать их оружие, Жан-Батист перевернул труп офицера и спросил:

– Кто это был?

– Судя по форме и знакам различия, майор президентской гвардии... – пояснил кто-то из добровольцев.

Асфальтированная дорога шла по дну лощины и через большую рошу выводила прямо к зданию аэровокзала. Не зная обстановки, Лангаротти решил не рисковать и разведать объект. Проскочив лощину, он приказал остановить автобус прямо за ней. Корсиканец не хотел лезть на рожон: по его знаку люди развернулись в цепь. Неожиданно на дороге появился мотоцикл с коляской. Он выскочил из-за роши, скрывавшей комплекс строений, гордо именуемый Национальный Аэропорт имени Жана Кимбы. Так, по крайней мере, было написано на указателе, стоявшем у края дороги.

Мотоцикл нёсся на предельной скорости, которую мог выжать из своего аппарата с учётом качества дороги. Корсиканец машинально вскинул «шмайсер» и дал очередь. Он вспомнил, что при стрельбе из него надо занижать прицел, только после того как нажал на спуск. Ствол повело вверх, и пули хлестнули не по шинам, а по ветровому стеклу. Мотоцикл врезался в приподнятую каменную бровку края дороги и слетел с неё. Мотоциклист и сидевший в коляске лейтенант опрокинутые ударом отвалились назад. Они оба были мертвы. Лангаротти осмотрел их трупы и, не обнаружив ничего заслуживающего внимания, подал знак двигаться вперёд. Его люди развернулись в жидкую цепь и через несколько минут вышли к краю лётного поля. Со стороны шоссе оно было ограждено невысоким валом и обнесено колючей проволокой, а единственный въезд на него перекрывал тяжёлый красно-белый шлагбаум.

Аэровокзал Кларенса помещался в небольшом деревянном здании, не имевшем даже телефона. Невдалеке от него высилось покосившееся трёхуровневое строение, которое служило контрольной вышкой. Массивный каменный забор, отделял два полукруглых ангара, стоявшие поодаль. К нему примыкал навес, из которого выглядывал нос древнего «фоккера» F25. Заняв удобную позицию на сейбе, он обнаружил, что все подступы заняты вооружёнными людьми. В бинокль Жан прекрасно видел позиции противника: первая линия представляла собой обложенный мешками с песком импровизированный блиндаж, защищавший шлагбаум, и несколько плохо отрытых окопчиков, в которых сустились более десятка солдат. Вторая линия вражеской обороны проходила в двухстах метрах от ангаров и состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и отдельными ячейками автоматчиков. Атаковать эту позицию своими силами было самоубийственно. Он связался с Шенноном по рации:

– У нас проблема. Люди Кимбы укрепили аэропорт основательно и сами не уйдут. Придётся штурмовать...

– Да, это проблема... Я вышлю к тебе на помощь Курта, Он возьмёт грузовик, людей, миномёт, базуку, рации... Жди!

Командир наёмников посмотрел во двор и увидел Окойе и Бенъярд осматривают трупы. Он крикнул им через окно:

– Доктор, похороны убитых придётся отложить из-за осложнения обстановки в районе аэропорта. Сколько у Вас свободных людей?

– Полковник, их много, но следует подготовить. Вы не можете их бросить прямо в мясорубку – вмешался в разговор Бенъярд.

– Не беспокойтесь. Я пошлю ваших людей на замену Патрику и Джинджи. Он уже должен завершить зачистку восточной части города и порта.

Доктор Окойе сосредоточенно морщил лоб:

– Ну, тогда можно выделить человек двадцать. Пусть их возглавит Пренк. У него всё-таки есть боевой опыт. Бенъярд нужен мне здесь.

– Бенъярд, Барти сейчас раздаст оружие и форму, – обратился Шеннон к помощнику Окойе. – Пошлите их на Площадь Победы сменить Патрика. Я прикажу ему и Джинджи поспешить со своими людьми к аэропорту. Курт, бери Тимоти, людей Барти, миномёт, грузовик, пару полевых телефонов из подвала и дуй на помощь Жану. Аэропорт надо занять до полудня любой ценой!

Земмлер бросился бегом выполнять задания командира. Его громкие команды заполнили двор. Десять минут спустя единственный исправный грузовик битком набитый его людьми подъехал к воротам резиденции. За рулём сидел лейтенант Пренк. Охранники откатали ржавые железные бочки, загораживавшие проезд, и отряд Курта направился по Прибрежному шоссе прямо на восток.

Минут через пять после отъезда группы Земмлера во двор вошли несколько человек. Впереди них важно вышагивал тщедушный человек в полицейской форме. За ним два конвоира вели человека в цветастой рубашке. Командир что-то сказал своим солдатам и поспешил на плац. Конвоиры опустили свои автоматы и стали о чём-то толковать с подскочившими к ним волонтерами. Щуплый командир подбежал к доктору и, топнув ногой, приложил руку к кепи:

– Лейтенант Ракка доставил бывшего вице-президента Шинру. Какие будут приказания!

Шеннон с любопытством смотрел на доктора, ожидая его реакции. Вдруг лицо Окойе исказила гримаса. Кот проследил за его взглядом. Двое оборванцев из числа рекрутов набросились на пленника, повалили его на землю и стали избивать его ногами. Один глаз жертвы запыл от удара, изо рта текла кровь. Конвоиры стояли рядом и ничего не предпринимали. Окойе наблюдал за этой картиной, стоя у окна второго этажа. Ему было неприятно, и он отвернулся. Маленький лейтенант стоял спиной к происходящему и, казалось, не замечал, что происходит. Он застыл по стойке смирно, ловя взгляд доктора. Поймав насмешливый взгляд Кота, Окойе тихо попросил:

– Пожалуйста, помогите...

Кот направился к воротам. Оборванцы продолжали пинать распростёртого человека ногами, размахивая катаной над его головой и что-то крича. Рекруты, которым Барти раздавал винтовки, вдруг бросили строй и бросились глазеть на экзекуцию. Схватив автомат, сержант бросился к командиру.

– Барти, утихомирь их, – крикнул Кот.

Прозвучала очередь из автомата поверх голов, солдаты отшатнулись, но оборванцы продолжали пинать Шинру. Один из них вызывающе пялился на сержанта, коротко замахнулся и резко опустил катану на свою жертву. В его глазах стояла животная ненависть. Ни мига не сомневаясь, Кот бросил в него нож: лезвие с хлюпаньем вошло в грудь мерзавца по самую рукоятку, тело обмякло и осело рядом с трупом бывшего вице-президента. Сообщник убитого жутко закричал и рванул в сторону ворот. Барти повёл стволом.

– Не надо, – остановил его Шеннон. – Достаточно...

Он подошёл к телам и нагнулся пощупать пульс. Оба туземца были мертвы. Шеннон тогда не знал, что убил одного из смертников, приговорённых Кимбой к казни. Он обернулся: Окойе внимательно наблюдал за происходящим. Кот медленно подошёл к доктору и вручил "вальтер":

– Держи, Вайант, на всякий случай...

– У меня есть свой, – последовал ответ, – с Биафры. – Он распахнул полу своего пиджака: у него из-за пояса торчала рукоятка Кольта 45 калибра.

– Мне кажется, что для главы государства он великоват, – весело подмигнул Кот. – Бери Вайянт! Этот удобнее носить...

– Спасибо! – доктор с благодарным взглядом опустил браунинг в карман своего белого полотняного пиджака.

– Бенъярд, – обратился он к своему адъютанту. – Разошлите-ка приглашения местным общественным деятелям и вождям. Нам надо, чтобы они поддержали революцию.

По дороге в аэропорт грузовик обогнал две небольшие группы вооружённых людей, двигавшихся на восток. Курт, сидевший за рулём грузовика, узнал среди них Патрика и Джинджи. К моменту его прибытия Лангаротти незаметно разместил своих людей на подступах к взлётной полосе. Его боевая линия проходила по опушке рощи в десятке метров от здания аэровокзала. Жан сообщил:

– У них четыре пулемёта, два из них зенитных. Один установлен в первой линии.

– Только идиот поставит тяжёлое пехотное оружие в первую линию! Жаль, что у нас нет удобного наблюдательного пункта.

– А вон тот холм? – спросил его стоявший рядом Тимоти, показывая на земляную насыпь, расположенную в стороне от взлётной полосы дороги.

– Он простреливается.

– Но зато оттуда будет виден весь аэропорт как на ладони!

Тем временем, люди Курта развернулись на краю лощины влево от боевой линии. Курт изложил свой план:

– Тимоти ударит из миномёта по окопам, а Аб долбанёт из базуки по блиндажу у шлагбаума. Потом он присоединится к тебе. Как только начнём атаку, прорывайся со своими людьми в здание аэровокзала, Жан.

– Хорошо! А ты, как будешь действовать?

– Я возьму с собой полевой телефон и пару автоматчиков для прикрытия. Немец отложил свой «брен» в сторону, доставая пистолет.

Уже через две минуты Курт и его люди лезли вверх, разматывая на ходу телефонный провод. Они не успели добраться и до половины подъема, как послышался свист пули и полетели комья земли: их заметили. Прижимаясь к скале, Курт и его группа обогнула опасное место и начала пробираться по дальнему склону к вершине.

Сверху вражеские линии были видны как на ладони. От выдвинутого вперед небольшого блиндажа с пулеметом в тыл вела неглубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков и одиночные окопы, в которых шевелились люди. На расстоянии около километра по прямой была ясно видны ангары аэродрома.

– Шеннон говорит, что здесь может быть человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, больше, – подумал вслух Курт. Запищал полевой телефон.

– Алло! Алло! Через минуту открываю огонь. Наблюдайте!

– Сделай сначала пристрелочный выстрел, Тимоти! Север-восток-восток, дистанция 650 метров.

– Есть!

Курт бросил взгляд на позиции своих людей: примерно половина из них залегла под командованием Пренка на лётном поле, а остальные сгруппировались вокруг Тимоти и его миномёта, словно для молитвы. В 10.32 в лощине раздался хлопок: Тимоти начал стрельбу. Курт поднес к глазам бинокль, чтобы увидеть разрыв. Над холмистой местностью вдали от шлагбаума взметнулся фиолетовый дым: недалёк. Курт прикинул в уме расстояние и угол обстрела.

– Еще один пристрелочный выстрел, Тимоти! – рявкнул он в трубку. – Пятьдесят вперед и тридцать вправо.

Следующая мина упала прямо за шлагбаумом. Она упала на открытом месте, не причинив заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны кукурузной соломы и клубов дыма, закрывших часть поля.

– Небольшой перелет, – сообщил Курт, привставая, и тут же плюхнулся вниз, услышав знакомое посвистывание пуль. Оптика, отразив солнце, выдала противнику его местоположение. Не в силах поразить его миномёт и людей, укрывшихся в лощине, защитники аэропорта начали обстреливать из пулемета его наблюдательный пункт. В течение нескольких минут Земмлер даже не пытался поднять голову: рой свинца с визгом проносился над холмом. Одна из пуль уже на излёте случайно задела автоматчика, заставив его сползти вниз. Потеряв цель, вражеский пулемет прекратил огонь. Курт посмотрел в сторону и увидел Патрика, развёртывающего свой отряд в цепь слева от его позиции. Он призывно махнул ему рукой и убедился, что тот увидел и понял приказ. Неожиданно на месте шлагбаума вспухло облако взрыва: базука Аба сделала своё дело.

– Тимоти, возьми десять метров ближе и начинай огонь по окопам! – закричал Земмлер в телефон. Курт стал ждать появления Патрика, вслушиваясь в звуки боя. Тимоти стрелял с короткими перерывами: это подтверждало лёгкое покашливание его миномёта. Сигарета почти полностью истлела, когда к нему подполз Патрик.

– Атаку на контрольную вышку начнёшь по моему сигналу, а пока оставайся здесь вместо меня. Я пойду к миномёту.

– Хорошо, сэр.

Спустившись в лощину, Курт взял «брен» и распорядился оттащить раненого. Затем он вызвал по радиации корсиканца:

– Как дела, старик?

– Лучше не бывает. Патрик привёл подкрепление?

– Да. Я их развернул слева от энпэ.

– Мне кажется, что они готовят контратаку и попытаются захватить гребень лощины!

— Думаю, он удержится...

– Люди Джинджи уже на подходе.

– Тогда мы легко отобьёмся.

– Пусть будет предельно внимателен!

– Само собой. Их настильный огонь не достаёт цели, а мы с Тимоти рано или поздно разворотим эту нору. Как подтянется Джинджи, начнём штурм. Сначала захватим контрольную вышку, а затем блокируем ангары. Будь готов!

– Шесть человек вышли из здания аэропорта и двинулись вдоль дороги! – сообщил Лангаротти. Я отправил четверых людей на перехват.

– Угу, понял.

Земмлер двинулся к краю лощины, где залегли люди Пренка. Они изредка постреливали в воздух: противник был слишком далеко, чтобы по нему вести прицельный огонь.

Едва мины начали часто рваться вокруг блиндажа, противник вновь открыл ответный огонь по гребню лощины. Курт заметил, как один из его бойцов сполз вниз. Наконец, одна из мин взорвалась над блиндажом. Оттуда послышались крики, но стрельба не прекратилась. Противник поливал гребень с такой яростью, что находится на нём стало опасно. Курт приказал своим людям отползти вниз. Неожиданно в роще, где располагались люди Лангаротти, вспыхнула перестрелка. Из окопов противника в направлении гребня выскочили человек тридцать. Особенно их было хорошо видно Патрику: они бежали, ложились и снова вскакивали.

– Атака по фронту! – сообщил он по телефону Тимоти. Тот сразу сообщил об этом Земмлеру.

Курт приказал Пренку с автоматчиками выдвинуться на гребень. подпустить нападающих метров на пятнадцать-двадцать. Бойцы сработали великолепно, уложив сразу одиннадцать

человек. Курт поддержал их огнём из своего «брена» и снял еще двоих. Двенадцатый выстрел из миномёта оказался особенно удачным: снаряд попал в блиндаж, и пулемет окончательно умолк. Три автоматчика, засевших в окопах, были подавлены, а четвертый смолк сам: вероятно, заклинило ствол. Люди Землера редкой цепью двинулись вперёд. С гребня было видно, как уцелевшие солдаты противника откатываются ко второй линии обороны аэропорта.

На лужайке перед аэровокзалом вспухло облако взрыва: это Тимоти перенёс огонь вглубь расположения противника. Через несколько секунд его сухой звук достиг наблюдательного пункта Патрика.

– Неделет тридцать метров, – сообщил он. В бинокль Курт видел, как на белой террасе аэровокзала появились четыре фигурки. Следующая мина взорвалась прямо среди них: они попадали. Затем трое поднялись и потащили четвертого внутрь. Тем время, третья мина разорвалась на крыше и осыпала их обломками черепицы.

– Жан, цель накрыта! – сообщил по радио корсиканцу Курт. – Готовь атаку....

Следующим миномётным выстрелом была зажжена легковая автомашинa, стоявшая справа от здания. Остальные снаряды попали в стены, которые, похоже, не особенно от этого пострадали. Тем временем, бой в роще затих. Люди Лангаротти неожиданно открыли огонь и вывели четверых из шести бойцов. Уцелевшие солдаты сделали несколько ответных выстрелов, бросили пару гранат и отошли. В результате этого скоротечного боя трое бойцов из группы корсиканца получили ранения. Единственный здоровый боец прибежал в расположение доложить обстановку. Жан-Батист набрал Курта:

– Я воспользуюсь общим замешательством и атакую аэровокзал.

– Принято! Переносу огонь на ангары! – ответил Курт и приказал Тимоти перенести огонь вторую линию. – Лейтенант Пренк присоединится к вашей атаке.

Выстрелом из базуки ла Крете превратил двери здания в щепки. Люди Лангаротти одним рывком пересекли несколько метров отделявшие их от цели и ворвались внутрь. Жан оглянулся и увидел, как двое его бойцов упали. Один из них не шевелился, а другой пытался отползти в сторону. Внутри аэровокзала кипел яростный бой, в котором автоматчики корсиканца имели подавляющее огневое преимущество. Несколько минут спустя к атакующим присоединился лейтенант Пренк со своим людьми. Увидев их, уцелевшие солдаты противника бросились к ангарам, бросая оружие.

Жан-Батист обошёл захваченные позиции, изучая обстановку. В конце зала вылетов он обнаружил нескольких пленных. Их оказалось всего трое: остальные успели отступить. Его люди не жалели патронов и часто добивали уже поверженных противников: он им не мешал. Среди уцелевших пленников оказался военной интендант. Он оказался худошавым молодым человеком с неуловимой примесью семитской крови. Он неловко сидел на табурете: руки у него были сзади крепко стянуты бечёвкой. Корсиканец сел напротив и, поигрывая ножом, приступил к допросу.

– Имя, должность. Переведи, – обратился он к Пренку.

– Джойд Куома, интендант, – неожиданно ответил пленник на хорошем французском языке с неуловимым акцентом.

– Расскажите о себе? Где обучались? – тон вопросов корсиканца несколько смягчился.

– Я из вину, но родился в Туреке, в семье плотогона. Грамоте научили в миссии, после был принят в отряд проводников. Я был послан в Алжир на курсы автомехаников. По возвращении получил назначение в интендантство Зангаро. Я троюродный брат второй жены министра...

– Как Вы оказались в аэропорту?

– Вчера, я принял военный груз из Гвинеи. Самолет сел поздно, его едва успели разгрузить до темноты. По приказу заместителя начальника президентской гвардии майора Буассы

я загрузил несколько ящиков в свой грузовик, который отогнал на Площадь Победы. Я его оставил у полицейского управления под охраной агентов секретной полиции и пошёл спать.

– Дальше!

– Сразу после того, как утихла стрельба во дворце ко мне прибежал Рбако и приказал бежать на площадь к грузовику, и я выполнил приказ, – сказал Джойд Куома с некоторым достоинством. – Когда я появился у грузовика, там царил суматоха. Солдаты что-то кричали своим командирам и пытались залезть в мой грузовик, те пытались навести порядок. Неожиданно агенты открыли огонь по ним. Кое-кто упал, другие побежали вглубь аллеи...

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Его маленькие раскосые глазки перебежали с одного наёмника на другого, стараясь понять, чего от него добиваются. Жан-Батист, как обычно, полировал свой нож, что всегда чрезвычайно нервировало всех окружающих.

– Ты, рассказывай, рассказывай, – дружелюбно проговорил он. Во взгляде пленника появилась надежда, его голос окреп и он, задышавшись от неведения и пережитого страха, продолжил:

– Тут появился Буасса на своём джипе. Рядом с ним сидел белый пилот. Он выстроил нас в колонну и приказал двигаться в сторону аэропорта. Меня посадили за руль и приказали ехать туда же. Когда я приехал, здесь уже было много солдат. Мне приказали загнать грузовик в ангар, а самого посадили за руль джипа. Вместе с Рбако мы должны ехать в «Индепенденс» за вторым пилотом. Не успели мы отъехать, как появилась машина министра торговли и промышленности Дерекка с семьёй, – Он кивнул на «фольксваген» приткнувшийся рядом с аэровокзалом. – Министр лично был за рулём. Едва он выскочил из машины, Буасса велел мне идти в здание аэровокзала и ждать распоряжений, а сам пересел в джип и вместе с Дерекком поехал к дальнему ангару. Я не стрелял по вашим людям. У меня даже нет оружия...

– Так что, Буасса всем здесь заправляет?

– Я н...не знаю, честно – глаза Куомы следили за остриём ножа Лангаротти, плавно скользящем вверх-вниз по ремню. – Мне кажется ... Буасса выполнял чьи-то приказы. Вы же меня не убьёте?

– Пока, нет, – сказал Жан и тихо добавил. – Если, конечно, ты сказал правду.

Интонация корсиканца ввела пленника в ступор. Второй защитник аэровокзала еле-еле говорил по-французски, хотя, по его словам, и состоял в охране одного из посольств. Так что только от него было мало. После первых взрывов у дворца его товарищи решили сбежать домой. Они бросили пост и двинулись на восток, по дороге разграбили какую-то лавку и пошли из города. Вблизи от аэропорта они наткнулись на большую группу своих. Офицеры угрозами заставили их присоединиться, пристрелив на месте одного солдата. В аэропорту ему приказали строить блиндаж из мешков с песком. Всем руководил офицер, явно не из Зангаро...

– Почему ты так решил, – спросил Жан.

– Он приказы отдавал через переводчика, масса.

– Офицер не говорил по-французски?

– Очень плохо, масса.

Третий пленный служил в охране аэропорта. По его словам, караул подняли по тревоге сразу после начала канонады. Примерно через час после пальбы прибыл министр иностранных дел Оббе. Его сопровождали два охранника и ещё какие-то люди. Он сразу укрылся в диспетчерской, а автомобиль приказал загнать в ангар. На рассвете появился грузовик с курсантами военной школы, вооружённых русскими автоматами. Их командир принял командование на себя и сразу стал готовиться к обороне. Одна группа солдат была подчинена двум курсантам и направлена к Равнинной Дороге под командованием майора Рбако. Он перехватывал беглецов из города и под конвоем отсылал в здание аэровокзала.

Пленник сопровождал одну из таких групп, когда началась стрельба и на опушке появились люди Курта. Им приказали их атаковать, но, попав под огонь, они сбежали. Свою винтовку

он бросил... Допрос остальных пленных позволил установить силы противника: они потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, в строю осталось около пятидесяти бойцов. Оценив обстановку, он отправил нескольких своих людей в разведку.

Лангаротти связался с Земмлером и сообщил ему новости:

– Аэровокзал – наш! У меня есть пленные и информация о противнике.

– Жан, я не могу атаковать в лоб: у них "калаши" против наших «шмайсеров». Поэтому луплю по ним из миномёта до тех пор, пока не кончатся мины. Но я приказал Патрику занять контрольную вышку. Поддержи его огнём с фланга!

– Хорошо. Я окажу ему помощь.

Выключив рацию, Лангаротти прислушался: равномерно, будто молот в районе ангаров ухали разрывы мин. Он подошёл к разбитому окну аэровокзала и стал с любопытством наблюдать за их действием. При очередном выстреле опоры навеса не выдержали, и часть его обрушилась. Вспыхнул пожар. Он связался с Куртом и Тимоти:

– Вы сможете полностью развалить ангары?

– Нет, – последовал лаконичный ответ. – У меня почти не осталось фугасных снарядов.

Занятые тушением пожара защитники ангаров несколько ослабили огонь. Этим воспользовался Джинджи, овладевший контрольной вышкой. Результат не замедлил сказаться: через несколько минут из ближнего ангара вышли три человека с белым флагом. Они прошли некоторое расстояние в направлении группы Джинджи и остановились. Огонь с обеих сторон прекратился.

– Надо переговорить с ними, – связался Жан с Куртом. – Думаю, они сдаются. Требуй безоговорочной капитуляции, но сам не суйся...

– Я пошлю Джинджи.

У диспетчерской вышки поднялись два человека и через поле пошли навстречу. Жан наблюдал в бинокль как после пары фраз обе группы разошлись. Джинджи в сопровождении бойца неторопливо направился назад, когда им в спину ударила пулемётная очередь. Боец упал в неестественной позе, но прикрыл своим телом Джинджи. «Слава Богу, жив!» – подумал Жан, когда увидел, что его подчинённый медленно пополз за пригорок. Земмлер вышел на связь:

– Я со своими людьми выдвигаюсь к тебе: здесь мне делать нечего.

– Возьми с собой Джинджи.

– Естественно, думаю, что Патрик здесь сам управится.

– Ему на замену пошлю лейтенанта Пренка.

Через десять минут Жан и Курт уединились в кабинете начальника аэровокзала. Он был ранен: шальная пуля задела запястье правой руки. Рана была не опасная, но болезненная. Кто-то из бойцов её наскоро обработал и подвесил руку на перевязь. Крепко прижимая раненую руку, Джинджи ввалился дверь кабинета и встал навытяжку перед командирами.

– Садись, Джинджи, ты же ранен, – нарушил молчание Жан-Батист и указал на плетёный стул, стоявший у стены. Боец с видимым облегчением уселся, положив большую руку на колено.

– Рассказывай, что случилось?

– Сам не понимаю. Я обратился к ним на французском и потребовал сдачи, но они даже не дождалась перевода. Один из переговорщиков на странном английском категорически требовал выпустить их самолёт. В противном случае он грозил перебить заложников. «Сообщи своим начальникам, что у нас в плену двое журналистов,» – сказал он. Мне показалось, что это был кубинец...

Жан-Батист не сдержался и грязно выругался:

– Не хватало осложнений с европейской прессой, – проворчал Курт.

Джинджи продолжал:

– Согласно Вашей инструкции я не согласился на их требования и категорически потребовал безоговорочной капитуляции. Тогда главный из них, не сказав ни слова, повернулся и

пошёл назад. Я последовал его примеру. Затем они открыли пулемётный огонь. Надо было мне их сразу пристрелить...

– Этого ещё не хватало, – вздохнул Лангаротти, внутренне соглашаясь с логикой Джинджи. – Курт! Нам нужно что-то придумать.

Вдруг из-за дальнего ангара вырулил «фоккер». Виляя из стороны в сторону по полю, самолёт выкатился на полосу и пошёл на взлёт. Тимоти попытался открыть по нему заградительный огонь из своего миномёта. Однако, ни он, ни Патрик, корректировавший его огонь, не обладали способностями Жанни Дюпре, и поэтому первый разрыв лег далеко в стороне. Земмлер вдруг подумал, что мог бы выстрелить лучше, чем они...

Жан бросил взгляд на часы: с начала всей операции прошло не более часа. Следующий выстрел был точнее, но к этому времени самолётик набрал скорость и оторвался от земли. Ещё мгновение, и он скрылся за кромкой леса. Проследив за его полётом, Земмлер принял решение:

– Жан останешься здесь с Джинджи, Тимоти, двумя бойцами, ранеными и миномётом. Я возьму Пренка, Патрика и остальных, пулемет и базуку.

– Что ты собираешься делать?

– Штурмовать ангара. Тревожьте их миномётным огнём.

– Как долго?

– У меня есть три сигнальные ракеты. Когда увидишь их, прекращай огонь!

Несколько минут спустя Курт и его люди двинулись к ангарам. Среди них легко можно было различить Курта с «бреном» наперевес и здорового негра, тащившего на плече базуку. Миномёт Тимоти продолжал равномерно посылать мины в сторону ангаров, неприцельно обстреливая пулемётные гнёзда. Из-за дыма, пыли и расстояния было трудно определить нанесенный урон. После тридцать пятого выстрела, наконец, заговорил пулемет Курта, следом заухали снаряды базуки. Когда дымный след сигнальной ракеты показался над одним из вражеских блиндажей, Тимоти прекратил огонь. У него оставалось всего две мины.

На другой стороне лётного поля вспыхнула перестрелка: люди Курта атаковали ангара с фронта и с тыла. С облегчением Жан отметил, что пулеметы врага молчат. Схватка затянулась: то и дело слышались взрывы гранат, глухо рвались снаряды базуки. Через четверть часа все стихло. Не скрывая беспокойства, Жан стал вызывать Курта. Он долго не выходил на связь. Примерно через пять минут Земмлер явился сам:

– Рация повреждена, – пояснил он, задыхаясь от быстро бега.

– Чем закончилась твоя атака?

– Дело было горячим, но окопы захвачены.

– Много ли жертв?

– У нас пятеро убитых и дюжина раненых.

– Кто убит?

– Трое людей доктора и двое добровольцев. Там, – он махнул в сторону поля, – ещё трое тяжелораненых. Если их быстро не доставить в госпиталь, то они умрут. Я приказал их тащить в автобус.

Жан согласно кивнул головой и поинтересовался:

– А у тех что?

– Много убитых и раненых. Человек двадцать забаррикадировались в ангарах. Им удалось унести пулемет... – После небольшой паузы Курт добавил. – Тимоти был просто великолепен! Без него... и без миномёта, нам пришлось бы туго. Три последних выстрела угодили прямо в окопы. Потрясающий эффект! Сам увидишь.

– Будем продолжать штурм?

– Мины в нескольких местах попали в ограду и повредили её. Следует продолжить обстрел.

– К сожалению, они на исходе. Осталось всего пара выстрелов...

– Жаль. Их хватит только на пристрелку. Чтобы полностью снести этот треклятый забор, нужно приблизиться на расстояние прямого выстрела из базуки. Их пулемёт этого не даёт: у него очень удобный сектор обстрела.

– Надо что-то придумать.

– Когда я полз назад, я видел что-то вроде сточной канавы, ведущей в направлении ангаров. Если туда послать подрывников...

– Отличная идея! – воскликнул Жан, – Я иду делать бензиновую бомбу, а ты с Пренком отыщи среди пленных проводника.

Бензиновую бомбу сделать не трудно. Всякий диверсант или террорист знает, как она устроена. Взяв из грузовика небольшую канистру с бензином, Жан направился в бар аэровокзала. Затем он его разлил в шесть бутылок из-под минеральной воды, добавил по пригоршне сахарного песка, взятого из вазы и, аккуратно завинтил пробки. Теперь дело было за Земмлером. Пренк довольно быстро нашёл нужных людей, выставив на обозрение мешок с местной валютой, который прихватил Жан из банка. Как выяснилось, местные франки здесь именовались кимбами.

Проводниками быть вызвались четверо пленников. Все они были из племени бакайя. Ни один из солдат или проживавших в лагере беженцев-ибо, не изъявили желания рискнуть своей жизнью. Один из потенциальных проводников на плохом английском важно произнёс:

– Мы согласны отнести эту штуку за пятьдесят долларов.

Даже привыкший ко всему Земмлер был поражён: люди готовы рисковать своей жизнью за сущие гроши. Он не колебался ни секунды и, открыв мешок, достал три запечатанные пачки по 10000 кимб. В каждой из них было ровно сто купюр по сто кимб. По официальному курсу это было вдвое больше, чем просил проводник. По мнению Пренка, на местном чёрном рынке её хватало, чтобы купить долларов шестнадцать-семнадцать.

Бакайя подозрительно посмотрели на деньги, глаза у них при виде загорелись, но потом потухли. Они отошли в сторону и пошептались. К Земмлеру подошёл другой проводник и произнёс:

– Масса, мой товарищ плохо знает английский, он хотел назвать другую цифру...

– Какую? – нахмурился Курт, который привык к подобным уловкам жуликоватых ибо.

– Он имел в виду, что каждый из нас хочет получить по тридцать долларов!

– Всего-то, – облегчённо выдохнул немец и ещё пачку. – Этого вам точно хватит?

– Да, масса, – волонтёр проворно подхватил деньги и пошёл к своим товарищам. Они ещё немного поговорили между собой, а потом, сложив свои нехитрые пожитки в кучку, подошли к немцу:

– Мы готовы, – сказал первый из них.

– Вот, – Земмлер вручил каждому из них по бутылке. – Прoberётесь по канаве, подожгите и бросите их ко входу в ангар. Ясно? Пренк повтори на их наречии. Лейтенант повиновался.

– Понятно, масса, – поклонились проводники.

– Обращаться с огнём умеете?

– Конечно, масса. Не сомневайтесь...

– Не страшно?

– Нет, масса. Ведь у нас есть вот это, – ибо достал кусочек белой материи, окрашенный по краям в разные цвета.

– Что это?

– Освящённый нашим святым платок. Я в нём неуязвим.

– У твоих товарищей тоже есть такие?

– Да.

– А у остальных?

– Нет. У них нет. Они не верят посланиям отца Харриса. Может дадите и две оставшиеся бомбы, – сказал он.

– Зачем?

– На всякий случай! Вдруг пригодятся...

– Бери, мне не жалко. Сейчас мы откроем заградительный огонь. У вас будет несколько минут, чтобы под его прикрытием добежать до канавы.

– Спасибо, масса, – доброволец махнул рукой своим товарищам. – Мы пошли.

– Вперёд! Пусть вас защитит этот самый ваш Харрис! – Земмлер направился к аэровокзалу, чтобы с его крыши проследить за атакой. Внутри его единственного зала жара была невыносимой, от жужжания мух гудело в ушах, а обзор был затруднён. Обнаружив лестницу, ведущую наверх наёмники забрались по ней на крышу, где за металлической конструкцией одной из антенн оборудовали себе довольно сносный наблюдательный пункт. Между ними стояла полупустая бутылка местного арака, прихваченная немцем из зала. Наблюдая за происходящим в бинокли, они по очереди они прикладывались к ней.

– Жан-Батист, видишь этих болванов, – показал на перебегающих по канаве подрывников Земмлер.

– Да!

– Их защищает от пуль волшебный платок отца Харриса, а нас – нет.

– Вот как? А кто это такой?

– А чёрт его знает? Их пророк, наверное...

– Скорее пройдемце...

Минут через десять раздался мощный взрыв и рядом с одним из ангаров вспухли несколько раскалённых красных шаров. Затем пришла очередь базуки Аба. Её снаряд ударил в камень ограды. Полетели осколки. Когда дым и пыль от обоих взрывов рассеялась в злосчастном заборе зияли две большие дыры, в бинокли было хорошо видно как солдаты противника бежали к ангарам. Их люди поднялись и неровной цепью стали приближаться к забору. Едва они его достигли, от дальнего ангара отъехали две машины – джип и грузовик – и покатали к дальнему концу лётного поля.

– Курт, ты видишь их?

– Кого? – последовал ответ.

– Машины...

– Нет. Много дыма...

– Бегут! Мы не успеем их перехватить.

– Никуда не денутся, – меланхолично ответил Курт, фокусируя свой бинокль. – Там широкая дренажная канава. – Он тут же вызвал Тимоги. – Дай дюжину выстрелов по тем двум машинам.

– Мы уже израсходовали сорок пять мин, – доложил Тим, – у меня осталось две!

– Давай...

Впереди уходящих машин с интервалом в десять секунд вспухли два разрыва. Осколки мин заделали джип и развернули его перпендикулярно взлётной полосе. Грузовик помчался дальше, но угодил в дренажную канаву и застрял. С крыши наёмники наблюдали, как большая группа людей бросила машины и скрылась в джунглях.

– Далеко не уйдут, – произнёс Курт и демонстративно стал смотреть на ангар: люди Патрика и Джинджи приближались к ограде с двух сторон. Ударил очередной выстрел из базуки: снаряд попал в амбразуру и вражеский пулемёт замолк. Над иссечёнными осколками ангаром появился белый флаг.

– Сдаются? Давно пора, – Курт полез с крыши вниз.

– Ты куда? – окликнул его Жан-Батист, продолжавший следить за беглецами.

– За трофеями... – огрызнулся Курт. Недолго думая, корсиканец последовал за ним.

Внутри второго ангара раздалось несколько выстрелов: по-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто хотел драться до конца. Белая тряпка исчезла, потом появилась опять. Затем раздался сильный взрыв, опять прозвучало несколько выстрелов и всё стихло. Опасаясь подвоха, повстанцы не вылезали из укрытий, но огонь прекратили. Через проем выбитых ворот ангара вышел офицер с развернутым носовым платком.

– Патрик, приведи его ко мне! – приказал Земмлер, который тем временем спустился с крыши. Жан следовал за ним.

– Это мы подождли, – над Лангаротти завис один из добровольцев и зашептал прямо ему в ухо. – Меня зовут Бембе. Я, Поль, Роса и Умбала – разведчики. Там справа есть канава, мы по ней подобралась к этим бакам. Солдаты в нас не стреляли потому, что не видели, а только кричали: «Горим, горим!» Они сидели в укрытиях по четыре человека.

– Можете забрать свою награду в автобусе, – отмахнулся от надоедливой Бембе Жан.

Парламентёром оказался юноша с измученным лицом и запавшими глазами.

– Вы сохраните жизнь моим людям, если мы сдадимся? – спросил он по-французски.

– Вас будут судить, . А если вы не сдадитесь, мы сделаем вас покойниками менее чем за пять минут. Выдайте нам старших офицеров и чиновников и выходите на поляну с поднятыми руками.

Офицер безвольно опустил руки:

– Наш командир сбежал. Его адъютанта нам пришлось оглушить; когда мы выбросили белый флаг, он стрелял в нас, но он жив.

– Понятно. Сообщите своим людям, чтобы выходили, мы ждем.

Из обеих строений стали выходить люди с поднятыми руками. Своё оружие они складывали в кучу у бреши в каменном заборе, по обе стороны которого стояли люди Джинджи. Более двадцати уцелевших вояк безропотно выстроились у каменной ограды, заложив руки за головы. Двое бойцов выволокли адъютанта Буассы. Хотя он был без сознания, к нему приставили караул. С автоматами на изготовку Земмлер и Лангаротти подошли к ним, чтобы извлечь трофеи. Всё военное снаряжение было потрепано, измято и запачкано. Ржавые и грязные карабины Маузера калибра 7.92 были свалены в кучу. Земмлер взял наугад один из них, вынул затвор и, направив ствол на свет, осмотрел его. Слой грязи, песок, пыль, сажа, ржавчина и даже частички земли предстали перед его глазами.

– Непонятно, как они создали такую плотность огня? – задумчиво промолвил Земмлер.

– А мы сейчас спросим у этого, – Жан указал ножом на одного из пленных, носившего штатское платье.

– Почему у него? – заинтересовался Курт.

– А, я думаю, это один из их главарей. Смотри как на него смотрят остальные.

– Патрик! Тащи-ка сюда этого перца. – Курт показал пальцем на пленного, одетого несколько более опрятно, чем другие. Двое волонтеров тычками подогнали жертву.

– Кто такой? Твоё звание? Должность? Отвечай быстро! – заорал на него по-французски Курт. Пленник молчал, делая вид, что не понимает.

– Придётся его резать, – Лангаротти вынул свой нож и перекинул его из руки в руку. Глаза жертвы следили за лезвием, играющим в бликах полуденного солнца.

– Не надо крови, Жан, – миролюбиво промолвил Курт по-французски. – Он и так нам всё скажет. Так ведь?

Пленник от неожиданности кивнул и, тем самым, окончательно выдал себя.

– Так кто ты и как тебя зовут?

– Я -Фортус Кан, начальник администрации аэропорта, – французский выговор пленника был ужасным, но речь понятна, а рассказ занимателен. – Ночью аэропорт охраняет дюжина солдат, полицейские и таможенники появлялись здесь только днём. После обстрела казарм в аэропорт сбежалось много солдат, сотрудников безопасности и штатских. С рассветом появи-

лись Буасса и Оббе, потом Дерек. Министры думали сразу сбежать, но майор им помешал. Они спорили до тех пор, пока не прибыли кадеты военной школы. Ими командовал иностранец, которого все звали «Гид». Никто не знает из какой страны он происходит, но кожа у него была пятнистая...

– Как это, – перебил рассказчика Земмлер,

– Лицо, ступни и руки у него чёрные, ладони и лодыжки – жёлтые, а глаза-косые, как леопарда, – уверенно заявил Фортус Кан. – Все его считают духом, воплощением джу-джу президента Кимбы. Всем было запрещено близко к нему подходить и разговаривать.

– Кимба мёртв, – сообщил Жан.

– Не может быть, – уверенно сказал Фортус Кан.

– Может, сам видел. Продолжай!

– После этого Гид стал высылать курсантов в дозор, чтобы собрать побольше людей, а остальным приказал строить блиндажи. Он хотел послать лазутчика в город, но никто не хотел идти. Министры были против, говорили, что нет оружия. Многие солдаты бросили свои винтовки по дороге. Тут на опушке появились ваши люди. Началась стрельба. Я не умею стрелять

...

– Рассказывай, рассказывай, – добродушно сказал Земмлер.

– Гид приказал солдатам подняться и идти в атаку, поскольку курсанты оказались под огнём. Наши... – Фортус Кан поперхнулся, – ... солдаты попали под огонь и отошли. Тут у бензохранилища начался пожар, а затем разбили шлагбаум. Гид и Буасса стали ругаться, чуть не подрались. Они говорили между собой на каком-то странном языке. Я такого раньше не слышал. Министры их с трудом разняли. Тут начались взрывы среди блиндажей. Солдаты из них побежали. Гид приказал курсантам по ним стрелять, но это не помогало. Увидев, что нас осталась только половина от прежнего числа, Гид приказал кадетам распаковать оружие с одного из грузовиков и раздать всем такие маленькие пулемёты. Он приказал готовить их к бою, но у них, к сожалению, не было каких-то деталей.

– Что? Какие орудия? Покажи!

– Вот эти, – он показал на несколько сваленных в груды автоматов с дисками.

– ППШ, – пояснил Курт, поднимая один из них.

– Тяжёлая штука, – задыхаясь от напряжения посетовал Лангаротти.

– Тяжёлая, но убойная, – парировал Земмлер.

Оставив пленника под надзором Патрика, наёмники направились в ангар. Они обнаружили там Пренка и Тимоти. Под их руководством бойцы методично сортировали брошенное оружие. Земмлер с любопытством стал его осматривать: "Вот на полу валяется с юности знакомая «швейная машинка». Рядом на ремне висит старый добрый сорок третий "гевер" с чешской маркировкой". Тем временем, Жан в стороне от груды оружия обнаружил три миномётные ствола разного диаметра. Рядом в трёх окованных железом деревянных ящиках с китайскими иероглифами лежали мины.

– Я знаю, как из них стрелять, – с гордостью сказал Тимоти, проследивший взгляд немца. – Баас Дюпре меня научил ещё там, в Биафре. К сожалению, для больших миномётов нет опорных плит...

– Годные к употреблению винтовки мы составляем в пирамиды, а негодные сваливаем в ту кучу, – подключился к разговору Джинджи. Жан-Батист с сожалением констатировал, что груды на полу прибывает гораздо быстрее, чем заполняется пирамида. Он окликнул приятеля, который вертел в руках какую-то штурмовую винтовку:

– Курт, ты что, заснул? Давай продолжать допрос!

– Нет, просто отвлёкся, – немец резко повернулся к пленному. – Рассказывай, что было дальше!

– После того, как солдаты стали убегать со второй линии Оббе по-тихому сел в самолёт и улетел. Гид опять сначала долго ругался на непонятном мне языке, а потом отправил к вам парламентёров. Я был среди них. Нам надо было выяснить, кто вы такие. После первых слов вашего офицера я сразу понял, что он иностранец. Когда мы сразу вернулись и доложили Гид приказал открыть огонь. Мне, право, очень жаль...

– Продолжай!

– Мы сторожили у забора, когда взорвалась цистерна. Потом я увидел, что Гид и Дерек, что-то жгут. Когда они сели в машины и уехали, люди в штатском стали разбегаться. На нас была военная форма и мы решили сдать. Вот и всё... Ах, да! Вот! – он протянул немцу машинописную страницу. – Это я нашёл среди документов штаба...

Курт развернул листок.

– Ого, смотри Жан, это какой-то перечень оружия.

Жан-Батист отвёл Курта в сторону и тихо ему сказал:

– Интересный тип! Смотри как его французский резко улучшился к концу рассказа.

– Как я этого не заметил, – хмыкнул Курт, говоривший на французском с чудовищным акцентом. – Я его повезу к Шеннону.

Жан посмотрел на листок, затем на – солнце: оно стояло в зените, и вызвал по радиации командира:

– Аэропорт полностью очищен от противника. Какие будут указания?

Чужой корабль на рейде заставлял Шеннона нервничать всю первую половину дня. Обстановка в аэропорту его волновала мало, поскольку он прекрасно знал, что его друзья справятся с задачей. Поэтому он нимало не удивился, когда Жан ему доложил о захвате аэропорта.

– Пусть Земмлер возвращается. Он мне нужен здесь. Организуй охрану объекта и осмотра окрестности!

– Что делать с пленными?

– Отсортируй офицеров и отправь их с Земмлером. Остальных отправь своим ходом.

– У меня тут целая масса оружия!

– Отбери годное к употреблению, остальное – уничтожь. Всё!

Лангаротти оглянулся в поисках немца. Стоявший рядом с ним, Патрик сразу понял его:

– Они пошли туда, – махнул он рукой в сторону лётного поля. Корсиканец увидел, как Курт и Аб с полудюжиной бойцов идут к брошенным на краю поля машинам.

Рядом с джипом группу Курта обстреляли. Сухие выстрелы из «калашниковых» сыпались со стороны опушки, находившейся от них на расстоянии трёхсот метров. Засвистели пули. Земмлер, казалось, не обращал на них никакого внимания. Его люди следовали примеру. Пригибаясь, они продвинулись ещё на пару десятков метров и укрылись за джипом. Тут Аб стал прилаживать базуку на плечо, но Курт жестом остановил его:

– Безрезультатно! Слишком большая дистанция, – сказал он. Аб послушно опустил ствол. Минут пять он сидел под прикрытием кузова. Вдруг где-то наверху зашелестела мина. Она плюхнулась на опушке за канавой. Немец резко обернулся, отслеживая направление выстрела:

– Никак Тимоти подвезли мины? – прокричал он в уоки-токи.

– Всё шутишь! Просто ему удалось освоить трофейный миномёт. У нас целый ящик выстрелов к нему. – ответил Лангаротти, Корсиканец видел в бинокль, как Земмлер припав на колено обстреливает из своего «брена» опушку. Его бойцы образовали редкую цепь, но почти не стреляли: опушка находилась за пределами огня «шмайсеров». Немец снова вышел на связь:

– Очень хорошо. Обстреляйте опушку джунглей..

– Тимоти стреляет почти наугад. Укажи цель дымовой гранатой или ракетой.

– Ага, сейчас, разбежался, – стал ругаться Земмлер. – Вот только ракетницы у меня нет. Хотя, подожди...

Земмлер знаком подал команду Абу. Тот приладил к плечу базуку и сделал выстрел. Снаряд разорвался метрах в ста от опушки. Лангаротти сориентировался по разрыву:

– Внимание! Начинаем!

Примерно через пару минут где-то за аэровокзалом раздался характерный хлюпающий звук. Новая мина зашелестела в воздухе в направлении опушки. На этот раз багрянец вспух у края небольшой группы деревьев, откуда стрелял пулемёт. Расплывчатые серые завитки возникли на месте взрыва, и ветер медленно погнал их на север. Рядом ударила вторая мина. Курт по радиации вызвал Жана:

– Передай Тимоти мою команду! Беглый огонь!

Вновь заухал миномет, исправно отправляя смертельные заряды в цель. Миномётчики действовали быстро и слаженно, исправно отправляя свои выстрелы в цель.

Курт и его бойцы видели, как осколочные мины прицельно ложатся на позиции противника. Одна за другой они поднимались в воздух, а затем падали в самый центр рожицы: две, четыре, восемь, двенадцать... Некоторые мины разрывались прямо в воздухе, поливая землю смертоносным дождем раскаленной добела шрапнели. От неё загорелся подлесок. Дым пожаров и пыль от разрывов закрывали обзор. Единственное, что можно было разглядеть среди черно-серо-коричневых клубов, была очередная вспышка при очередном разрыве. У Тимоти осталось только три снаряда, когда Земмлер вновь вышел на связь:

– Жан, прекращайте обстрел!

– Хорошо.

Обстрел прекратился, но Курт, как опытный командир, решил задержать выдвижение на минуту: он не хотел подставиться под последнюю случайную мину. Выждав положенное время, он скомандовал:

– Вперёд!

Одним броском он и его люди преодолели пространство, отделявшее его от дренажной канавы, в которой застрял грузовик. Сидеть в канаве было безопасно, но нечистоты, мусор и отвратительный запах делали пребывание в ней невыносимым. Лежа в дренажной канаве, он внимательно оглядел опушку. Полтора десятка мин превратили роскошные джунгли в дымящийся пустырь. Без единого выстрела его люди двинулись дальше, достигли опушки и углубились в лес, но никого не обнаружили.

Прислонившись к обугленному стволу пальмы, он вызвал своего напарника:

– Здесь никого нет.

– Вообще-то, Кот приказал тебе возвратиться во дворец...

Оставив Аба у покалеченных машин, Земмлер направился к закопченному зданию аэровокзала. За ним тенью следовал Аб. По дороге, он не удержался и заглянул во второй ангар...

ПОЛДЕНЬ

Услышав по радио заветные слова про кассаву и манго, специальный представитель сэра Джеймса Мэнсона, генерального директора горнодобывающей компании «МэнКон», Саймон Эндин вышел на балкон отеля «Эксцельсиор» и закурил сигару: «Жара и сырость – вот первое впечатление...» – вспомнил он слова Грэма Грина, глядя на окутанный предрассветной дымкой Уарри. Тропическая зелень не могла скрасить убожество города: жестяные крыши, белеющие проемы окон, аляповатые вывески лавок и магазинчиков. Нижняя часть города тонула во мгле, но за ней уже едва угадывался силуэт собора. Рой туземных лодок заполнял гавань, окружая стоящие в ней парходы. Всё понемногу приходило в движение.

– Проклятый богом край, – подумал Саймон. – Малярия, жара и москиты!

Два ночи назад он прилетел в Уарри. "МэнКон" позаботился о нём и снял на три ночи лучший номер в лучшем отеле этого африканского города. Цена бронирования оказалась сме-

хотворной: она составляла всего девять фунтов за сутки. За два последующих дня этот город уже успел ему порядком надоесть. В местную специфику его посветил Ричард Брайант, сотрудник «МэКона» по зарубежным контрактам:

– На первых порах в Уарри, как и в любой другой африканской стране, ни один человек не будет заниматься вашим делом, если не положить ему на лапу даже, если у вас за спиной будет стоять сам президент. Взятки будут варьироваться от пачки сигарет до крупных банкнот. Возможно, деньги понадобятся и для оплаты услуг местных сутяг, которые называют себя адвокатами. Они организуют необходимые политические связи, соберут нужные документы, будут следить за ведением дел и, что более важно, проверят, все ли поучаствовали, выделяя деньги на взятки. Они также подтвердят, что ни один из чиновников не получил свою долю дважды...

Вчера утром Эндин позвонил управляющему местным филиалом «Бэрклеиз Банк». Они договорились о встрече через полчаса. Эндину требовалось сто банкнот по пятьсот африканских франков и еще десять тысяч долларов чеками по пятьдесят и сто долларов, а также банковская ячейка для их хранения. Управляющий его не ожидал вовремя. Когда Эндин вошёл к нему в кабинет, он доел грейпфрут и очень удивился его пунктуальности. Управляющий менее всего удивился просьбе своего клиента и даже пошутил:

– Как известно, здесь, в Африке, деньги и взятки начинаются там, где тормозит марксизм. Кому это предназначается, сэр?

Эндин многозначительно хмыкнул, не желая развивать тему. Управляющий решил её больше не развивать. Саймон предпочёл оговорить с банкиром о простом устном коде, которым будет пользоваться, если будет давать какие-либо финансовые указания по телефону. Эндин должен был вызвать своего менеджера по имени Гарри, а затем произнести фразу «солёный ветер», менеджер должен был повторить её и получить новый ответ «морской орёл». Если пароли не будут произнесены в нужном порядке, клерк не станет подчиняться инструкциям, которые последуют от клиента, и должен управлению банку. В свою очередь, тот немедленно сообщит об этом сэру Джеймсу Мэнсону или его заместителю Мартину Торпу.

Общие знакомые в метрополии, схожее воспитание и взгляды расположили двух англичан друг к другу. Когда представитель «МэнКона» покинул помещение банка, его управляющий поймал себя на мысли, что слегка расстроен расставанием с таким приятным человеком. Обычно, когда в африканской столице появляется свежий человек, ему следуют приглашения от остальных белых сходить в клуб, потом зайти в бар, выпить немного, а вечером – встретиться в ресторане. Также поступил и управляющий банком в отношении своего нового клиента. В предвкушении своего нового приключения Эндин пренебрёг этим приглашением и весь вечер боролся со скукой. Утром он взял такси отправился на уединённую виллу, расположенную на берегу океана.

Внешность доверенного Мэнсона была обманчива. При внешнем лоске безупречного происхождения в нём жила душа бандита. Это был человеком того сорта, какой всегда можно встретить в самых шикарных и изысканных игорных клубах, это вышибалы с блестяще подвешенным языком и железными кулаками, которые никогда не пропустят миллионера без поклона, а девицу без щипка. Его отличие от них заключалось в том, что благодаря своей смекалке он достиг стал управляющим весьма богатым и престижным игорным клубом в Лондоне. Для того, чтобы так лавировать между изяществом и жестокостью, требовался определенный ум. Вместе с тем, Саймон считал, что ему хватит и одного миллиона фунтов, а для этого достаточно быть тенью своего патрона – сэра Джеймса Мэнсона. Игривое отношение к жизни позволяло ему содержать шестикомнатную квартиру на Рассел-Сквер, «шевроле корветт», девчонок. Эндину нужен был такой хозяин, как Мэнсон, как и сэру Джеймсу часто требовались услуги такого Саймона Эндина.

Вилла располагалась на небольшом полуострове, обдуваемом со всех сторон ветрами. Это был небольшой домик, в котором уже несколько дней проживал полковник Боби, которого Мэнсон прочил в президенты Зангаро. Его охранял Эрни Локи. Это был выходец из лондонского Ист Энда огромного роста и весьма крепкого телосложения. Его порекомендовали Эндину его приятели, как одного из самых надежных охранников в Уайтчэпеле. Саймон решил, что хороший телохранитель в Ист Энде автоматически будет также хорош и в Африке. Формально Локи был нанят «МэнКоном» для проведения геологоразведочных работ в качестве охранника. На самом деле его задачей было обеспечение личной безопасности Эндина и присмотр за будущим президентом Зангаро.

В январе прошлого года президент Кимба издал указ, заочно приговорив полковника Антуана Боби к смертной казни за государственную измену. Бывший главнокомандующий армии Зангаро, проживал в Котону, где снимал небольшую виллу. Это был самый надежный способ избежать требования покинуть страну со стороны правительства Дагомеи. Причиной неожиданного конца карьеры полковника была примитивная жадность.

Когда в столицу осенью прошлого года пришел корабль с грузом медикаментов и наркотических средств для госпиталя ООН, армия конфисковала груз в порту и украла половину. Боби лично руководил операцией, и украденные лекарства были проданы на черном рынке. Львиная доля от продаж должна была быть передана лично президенту. От директора госпиталя Кимба узнал, что стоимость украденных лекарств существенно превышала ту сумму, которую передал ему Боби. Президент вышел из себя и послал своих личных охранников на поиски Боби. Они прочесали весь город и арестовывали всех, кто попадется на пути или просто привлечет их внимание, но Боби удалось ускользнуть. Главнокомандующий уселся в джип и направился к северной границе. Не доезжая пары миль до границы, он бросил машину и обошел контрольный пункт кругом, через заросли. В Гвиании ему было оставаться опасно, и он перебрался в Дагомею, где в течение года сильно поиздержался. Здесь его нашли агенты "МэнКона" и предложили своё покровительство.

Саймон встречался с Боби только два раза. В начале апреля назад шеф послал его в Котону, чтобы он в качестве представителя «Бормак Трейдинг Компани» встретился с полковником. Боби представлял собой неуклюжего громилу, звероподобной внешности, с огромными кулачищами, подчеркнута грубого в обращении. Белки его маленьких глаз были покрыты сеткой красных прожилок, что придавало им зверское выражение. Такое сочетание пришлось Эндину по душе. Ему было наплевать, к каким трагическим последствиям может привести Зангаро власть Боби. Он легко убедил изгнанника, что руководство фирмы поражено его умственными и деловыми способностями и мечтает пригласить на работу в качестве своего консультанта по Западной Африке с окладом в пятьсот фунтов в месяц.

Как и предвидел хитроумный шеф, самовлюблённый полковник не удосужится выяснить, ни что такое «Бормак», ни проверить полномочия Эндина, ни выяснить круг обязанностей, которые он должен будет выполнять: кроме хорошей зарплаты Бобби ничего не интересовало. У этого бедолаги в кармане действительно было пусто, и для него предложение Эндина было манной небесной. Он подчеркнута углубился в изучение контракта, но англичанин с удовлетворением отметил, что перейдя ко второй странице, которую Саймон предварительно специально перевернул вверх тормашками, Боби даже глазом не моргнул. Он был неграмотным или с большим трудом различал буквы.

Тогда Саймон перечислил условия контракта на той смеси языков, которой они пользовались: что-то среднее между французским и афро-английским диалектом. Боби угрюмо кивал, впившись своими маленькими злыми глазами в текст. Эндин подчеркнул, что Боби должен оставаться на своей вилле или поблизости от нее в ближайшие два-три месяца, пока Эндин снова не навестит его. Англичанин обнаружил, что на руках у Боби был еще действительный дипломатический паспорт Республики Зангаро. Он, остался у него со времен какого-то офи-

циального визита за границу, который он совершил однажды в компании министра обороны. Незадолго до захода солнца Боби накарябал в конце документа закорючку, которая должна была сойти за подпись. На самом деле она ничего не значила. В дальнейших контактах с Боби не было ровно никакого смысла вплоть до известий об успешном окончании операции. В случае провала знакомство с опальным полковником было бы опасно как для него, так и его хозяйина. Теперь нужный момент наступил: Боби, как глава революции, должен был подписать концессию с корпорацией «Бормак».

Неделю назад изгнанник был срочно привезён в Уарри под предлогом встречи с нанимателем. В аэропорту его встретил Эрни, который поселил его на небольшой вилле, арендованной «МэнКоном». Вчера утром Эндин провёл её инспекцию и убедился, что полковник энергичен и здоров. Во дворе виллы дворе стоял однотонный американский грузовичок синего цвета. Эрни показал под сиденьем водителя тайничок. В нём хранился «Ремингтон 870» и две дюжины зарядов к нему. Для отвода глаз в кузов грузовика были загружены ящики с обувью и нижним бельём.

Весь последующий день прошёл в нервном ожидании события, которое могло круто развернуть жизни целой страны, полковника Боби и, естественно, Эндина. Оно могло превратить его из управляющего казино и бонвивана в настоящего миллионера. Одиночество, москитная сетка над кроватью и обязательная ежедневная порция хинина выводили его из себя. Завтра Эндину предстоял нелёгкий день, надо было выспаться, но он никак не мог успокоиться. Не зная, чем себя занять, он позвонил дежурному администратору и сделал заказ:

– Мне нужны две бутылки «Уайт Хорс», таблетки от малярии, порошок для очищения воды и репеллент от насекомых. А еще мне понадобятся сто пятьдесят пачек сигарет, двенадцать колод игральные карты. Прошу их доставить в камеру хранения отеля не позднее восьми утра завтрашнего дня.

Рассвет 12 июля 197.. года застал Эндина за составлением телеграммы своему патрону. В сдержанной манере он извещал о смерти любимого дяди и своём твёрдом намерении немедленно помочь племяннику получить наследство. Удовлетворённый своим творением, он позвонил на виллу и дал первые указания:

– Эрни! Сейчас не время спать. Ещё проверь состояние грузовика, а затем буди Боби и приезжайте ко мне в отель к половине восьмого. Возьми всё необходимое для него и для себя. Жду в холле отеля.

Повесив телефонную трубку, Эндин заказал завтрак в номер, в ожидании его, принял душ и приступил к сборам. На диван полетели шесть пар носков для буша, шесть пар нижнего белья, полотняная рубашка и бриджи, две пары солнечных очков, англо-французский словарь, сверток с умывальными принадлежностями, рулон туалетной бумаги, паспорт и другие важные бумаги. Он нагнулся, подбирая с пола еще одну пару высоких носков для тропиков, упавшую на пол рядом с креслом, и осторожно уложил их на верх маленькой кучки багажа: Саймон был очень аккуратен и не выносил беспорядка. Затем он снял золотые часы и застегнул вместо них на запястье дешёвые, но водонепроницаемые. Открыв стенной сейф, помещавшийся за поворачивающимся шкафом в спальне, он уложил туда свои золотые часы и вынул тупорылый «смит и vesson» модели 0.38/200 – довольно мощное для своих небольших размеров и, главное, надёжное оружие. Точно такой же был и у его телохранителя.

Ровно в половину восьмого Эндин одетый в белый полотняный костюм, пробковый шлем и высокие кожаные ботинки на шнуровке спустился в холл и заказал джин с тоником. Несмотря на столь ранний час он был забит народом. Местные констебли с выставленным напоказ оружием, громко разговаривающие у стен и за стойкой бара, с ними женщины с цветом кожи от черного до нежно-коричневого, некоторые были уже пьяны; несколько европейцев: белые люди с военной выправкой, но в штатском; несколько небрежно одетых искателей приключений с горящими глазами, беседующих с африканцами, одетыми в хорошие костюмы; группа журна-

листов, сидящая с видом стервятников за одним столиком; одинокая плачущая белая женщина со спящим ребенком на коленях. Все без исключения истекали потом. С чувством превосходства Саймон с удовольствием сделал глоток. Него было прекрасное настроение.

– Двойной «эспрессо»! – небрежно бросил и демонстративно развернулся к стойке спиной.

– Что с ней? – спросил он портье по-английски, указав жестом на женщину.

– Муж исчез. Сегодня утром она приехала из аэропорта в отель, а его здесь нет. Позавчера уехал в буш...

– Понятно, – протянул Эндин. – Геолог?

– Какой там... – махнул рукой портье. – Обыкновенный контрабандист, подпольно скупает слоновую кость. Небось, срочно свалил за товаром...

Саймон присмотрелся к женщине: она была молода и миловидна, а славянские скулы и русые растрёпанные волосы придавали её заплаканному лицу определённый шарм.

– Вот что, – сказал он портье, протягивая ему через плечо две купюры по пятьсот местных франков. – Помогите ей... за мой счёт... Кстати, как там мой заказ?

– Он скоро будет доставлен, – портье подозвал одного из коридорных и что-то прошептал ему на ухо. Саймон, мелкими глотками отхлёбывая кофе, наблюдал как тот провожает женщину и её ребёнка к лифту. Коридорный ей что-то ей бойко рассказывал, и она согласно кивала в ответ. У самых дверей лифта она обернулась и встретилась взглядом с Эндином, который, улыбнувшись, поклонился ей в ответ, а затем отвернулся к стойке:

– Есть ли в отеле комната для переговоров.

– Конечно есть, мсье. Я немедленно её Вам подготовлю, – последовал ответ. – Что туда подать: кофе виски, коньяк?

– Сельтерской – Эндин представил, как скривилось лицо портье, и усмехнулся...

В ожидании свиты Саймон сел за столик, заказав «двойной эспрессо». Без двух минут восемь в фойе вошёл Эрни, весь потный и красный. Он был одет в джинсовый костюм. На ногах были коричневые сапоги, а на голове – такого же цвета стетсон. «Какой нелепый и не удобный для их путешествия наряд, – подумал Саймон. – Но, что с него возьмёшь – кокни!». Эрни буквально выхватил бутылку колы из автомата и плюхнулся в кресло напротив:

– Всё готово, шеф. Ниггер в машине! Мне пришлось двадцать минут кряду его уговаривать, чтобы он ехал со мной в отель. Этот здоровенный битюг трусоват, он наверняка получил звание полковника наверняка не за личное мужество и отвагу. Мне кажется, шеф, что он не захочет ехать с нами, когда узнает...

Эндин нахмурился. Он несколько не обольщался в способностях кандидата в правители Зангаро. В своём докладе Мэнсону Саймон сам дал уничтожающую характеристику Боби: «Человек-горилла. Мозгов практически нет, только звериная хитрость. Конфликт между ним и Кимбой – обычная свара бандитов, которые не поделили добычу...». Но сейчас на кону стояли сотни миллионов и его личная независимость в будущем.

– Хорошо. Эрни, немедленно тащи этого засранца туда, – он показал в сторону переговорной.

Когда приказ был исполнен, он подозвал портье:

– Месье, – обратился он к нему, – сделайте так, чтобы нас не беспокоили! И, – он промедлил. – Поставьте ящик сельтерской в кузов вон того грузовичка... – он указал на синий форд, стоявший на стоянке отеля.

Боби почти сразу согласился подписать контракт с «Бормаком», уступая концессию в Хрустальных горах за номинальные два процента от валовой добычи. Дата на контракте была проставлена началом августа. Эндин запечатал три экземпляра контракта «Бормаком-Зангаро» в три разных конверта и направил экспресс-почтой своему шефу. Другие два экземпляра он собирался положить в банковскую ячейку. Всё вроде бы шло по плану. Вот тут и возникла

непредвиденная задержка. Боби стал упираться, когда ему предложили немедленно ехать в Кларенс, требуя гарантий безопасности. Следующие полтора часа прошли в жёстком прессинге бывшего главнокомандующего Зангаро. У того, естественно, были свои резоны.

Антуан Боби был продуктом налета винду на деревню бакайя лет сорок назад. При колониальном режиме он был капралом в колониальной жандармерии и получил примитивную военную подготовку. Когда его уволили за пьянство и нарушение субординации, Кимба взял его к себе, поскольку ему был нужен хотя бы один человек, способный отличить ствол от приклада. Кимба пригрел Боби и даже выдвинул его на пост командующего армией, так как понимал, что гораздо лучше, если полу-кайя будет проводить карательные операции против своих соплеменников – оппонентов Кимбы. Бакайя ненавидели его за жестокое обращение с ними армейских отрядов, а командовать солдатами-винду он тоже не мог. Всё это время Эрни простоял у входа в комнату с заряженным револьвером, отрабатывая свой гонорар. Он несколько раз входил в комнату, угрожающее выпячивая наплечную кобуру. В конце концов, не выдержав столь сильного давления, полковник Боби сломался. Единственное, что он вытребовал для себя, это право ехать инкогнито на свою родину.

Пока Эрни доставал облачение для нового правителя Зангаро, Эндин спустился в холл. Довольный собой, он вновь заказал «двойной эспрессо», а в переговорную приказал подать континентальный завтрак на двоих. Без четверти девять прибыл заказ и всё было готово к поездке. Минут через десять в холле появился Боби в огромных и очень темных очках, одетый в бубу – длинный белый балахон, походивший на ночную сорочку. Так обычно одеваются либо местные толмачи, либо личные слуги. Его сопровождал Эрни. Увидев их, Саймон отдал ключи от своего номера невозмутимому портье:

– Я вернусь завтра вечером после охоты. Распорядитесь, пожалуйста, загрузить мой багаж и заказанные вещи в грузовик.

Операция в банке заняла совсем немного времени. Обслуживание в «Барклейз» оставалось, как всегда, на высоте. Эндин положил два экземпляра контракта между Зангаро и «Бормаком» в свою банковскую ячейку, взял оттуда пакет с деньгами и чеками. Эндин, Локи и Боби выехали из столицы северной республики в половине десятого утра, и им предстояло преодолеть сто миль до Кларенса. В десяти милях от Уарри под колёсами их автомобиля началась узкая, в буграх и выбоинах полоса дорога. Она представляла собой полосу красной земли, расчищенная бульдозерами среди зарослей кустарника или прорубленная сквозь густой лес.

Стоял сухой сезон, и эта просека была покрыта слоем пыли, которая густым облаком поднималась за машиной. Едва начнутся дожди, дорога станет скользкой, словно в гололед, а каждый ее километр превратится в экзамен по мастерству вождения. Кузова разбитых автомобилей в придорожных кюветах подтверждали, что далеко не всем водителям удалось с честью выйти из этого испытания.

Расстояние до границы их грузовик покрыл за два с половиной часа. Порой казалось, что он несётся на бешеной скорости, то взлетая на холм, то стремительно скатываясь вниз. Мотор перегрелся, и металл жёг Эндину ноги сквозь подошвы лёгких туфель. Ощущение скорости было обманчивым: стрелка спидометра редко доходила до цифры тридцать. Иллюзию создавали тряска, скачущий за окном пейзаж, запах бензина и жара.

Пропускной пункт располагался в тени громадной секвойи. Из путаных объяснений Боби, Саймон понял, что обе её стороны охраняли солдаты из племени винду. Грузовик беспрепятственно миновал гвианийскую границу. Стоявший у шлагбаума офицер бегло просмотрел документы и взял под козырёк. Через десять метров началась территория Зангаро. Из поведения её стражей было совершенно ясно, что они слыхом не слыхивали о событиях в столице. У Эндина и Локи документы были в порядке, но начальник караула, похожий больше на жирного борова, чем человека, долго вертел их в руках. Увидев белых, он вышел из убогой будки

с амбарной книгой в руках, в которую записывал прибывающих, и, ковыряясь в носу, долго листал страницы, что-то пытаясь высмотреть.

В паспортах, которые они ему вручили, между первой и второй страницами лежало по красивой банкноте в пять гвианийских фунтов. Они сразу перекочевали в карман офицера. После этого он осмотрел паспорт со всех сторон, прочитал все страницы, просмотрел их на свет, повернул вверх ногами, подробно ознакомился с примечаниями на внутренней стороне обложки. Спустя пять минут после начала этой процедуры Эндин заволновался, вдруг что-нибудь не так. Вдруг консул при выдаче визы допустил ошибку? Тут офицер посмотрел на них и сказал:

– Вы – американцы, проезжайте! – и, по примеру своего коллеги, отдал им честь, во все глаза пялясь на Локи. Эндин с облегчением понял, что этот человек не умеет читать. На забившегося за ящики с обувью и бельём Бобби солдаты не обратили никакого внимания. Боров сделал знак рукой своим солдатам: перегородившая дорогу, упала и грузовик поехал по совершенно разбитой дороге. Эндин сел вместо Локи за руль и приказал на всякий случай ему достать дробовик. Без каких либо происшествий они продолжали свой путь на юг и после двух часов невообразимой тряски достигли Равнинной Дороги – примитивного шоссе, ведущего к столице. Когда до Кларенса оставалось несколько миль, у них лопнула шина.

Тем временем, Курт заглянул во второй ангар. Через несколько минут оттуда донеслась отборная немецкая брань:

– Доннер веттер! – кричал Курт. – Наши мерзавцы сожгли такую машину. – Я правильно сделал, что не раздал им гранаты, а то бы они разнесли здесь всё! Этот Бембе – идиот. Зачем он сжёг такую прекрасную машину? Она всё равно никуда бы не уехала...

Жан услышал ругань и заглянул в открытый створ ворот и увидел, как Земмлер горестно стоит над обгоревшим остовом БМВ. Вокруг в испуге застыли повстанцы.

– Успокойся и поезжай к Шеннону, – требовательно произнёс Жан. – Он тебя ждёт. Возьми автобус и обоих важных пленников. Думаю, Кот сможет узнать от них ещё что-нибудь полезное. Ещё надо доставить в госпиталь тяжелораненых. Впрочем, остальным тоже надо сделать перевязку. Я поручу Джинджи и Тимоти загрузить грузовик трофеями и отправлю его следом.

Когда Земмлер уехал, Лангаротти послал Патрика осматривать лётное поле. Пренк следил за погрузкой, покрикивая на нерадивых работников, а Тимоти возился с миномётами, подготавливая их погрузке в «унимог». Наблюдая за сортировкой пленных, Жан-Батист изредка поглядывал за людьми, медленно бредущими по открытому пространству в направлении брошенных машин. Они достигли брошенного на краю поля и стали подавать знаки руками.

– В машину! – скомандовал Жан стоявшим вокруг бойцам. На скорости он проскочил через лётное поле к месту перестрелки. Его люди высыпали из кузова и присоединились к людям Патрика, вытаскивавшим грузовик из канавы. Только подогнав, свою машину его удалось вытащить на поле.

Пока солдаты возились с грузовиком, Жан решил осмотреть окрестные джунгли. Ему повезло больше Земмлера: он обнаружил следы основной группы беглецов. К началу миномётного обстрела она углубилась в джунгли на полтора-два километра. Её бойцы были вооружены новыми русскими автоматами, что давало им неоспоримое преимущество перед его людьми в бою на дальних дистанциях. Преследовать беглецов с горсточкой не обученных людей не было смысла. Он вернулся к своим людям как раз в тот момент, когда они вытолкали грузовик из канавы. Наскоро залатав брешь в ограде, они взяли на буксир джип с заглушим мотором и спущенными скатами и потащили его к ангарам. Второй грузовик, за рулём которого сидел Патрик, на пробитых скатах медленно следовал за ним. В его кузове что-то гремело, но у Жана не было ни времени, ни желания посмотреть, что это такое. Затасив в ангар разбитые авто-

мобили, Лангаротти связался с командиром и доложил обстановку. в ответ он услышал недвусмысленный приказ:

– Жан, ты нужен здесь! Оставь за себя Патрика, а Джинджи поручи отконвоировать пленных. У него это хорошо получается...

– Джинджи ранен в руку!

– Ах, да! Забыл. Тогда распусти пленных по домам. Они не представляют никакой опасности.

– Так и сделаю. Я оставлю здесь человек десять и лейтенанта Пренка.

– Лучше Джинджи. Скажи ему, что пришлём замену вечером, или, в крайнем случае, утром следующего дня. Не думаю, что ему что-то угрожает. Вояки Кимбы должны были давно сбежать из города. Вряд ли поблизости есть какое-нибудь боеспособное подразделение противника. Разве что несколько одиночек.

– Надеюсь, что ты прав, Кот. Я обследовал место боя. По-видимому, на опушке был оставлен сильный арьергард, который должен был нас задержать. Курт подумал, что ему сильно повезло, когда у вражеского пулемётчика не выдержали нервы, а то бы потерял всех своих людей.

– Я же приказывал Вам не лезть. Ты тоже хорош!

– Кот! Я же служил в разведроте парашютного полка, имею опыт.

– Хорошо. Что ещё можешь сказать о противнике?

– Человек двадцать – тридцать. Среди них есть женщины. Идут на восток. Они вряд вновь будут пытаться отбить аэровокзал.

– Я тоже очень на это надеюсь, – рассеянно сказал Кот. Его голова уже давно была занята абсолютно другими проблемами, чем охрана аэропорта.

– Мы устроим у контрольной вышки аэропорта укрепленное гнездо из мешков с песком: ни один самолёт не сможет сесть без нашего ведома.

– Хорошо.

– Я оставлю Джинджи ящик осветительных ракет и пару ящиков гранат, питание и питьевую воду на неделю. На вышке установим два прожектора с батареями и трофейный пулемёт. Жаль к нему мало патронов...

– Одобряю. Как закончишь – выезжай!

– Джинджи, временно назначаю тебя комендантом аэропорта, – крикнул Жан. – Возьми мешки с песком и обложите ими контрольную вышку!

Джинджи и Патрик при помощи пленных стали сооружать блиндаж из подручных материалов. Минут через десять подошёл Патрик:

– Мешков не хватает, босс.

– Соберите обломки забора, – быстро разрешил проблему Жан-Батист, – возьми из здания аэровокзала матрасы, набитые пальмовым волокном, они легко остановят любую стрелу и даже пулю. Ангары запирайте, а подходы держите под наблюдением. Чтобы машины были в целости!

– Так точно!

Ещё через пятнадцать минут импровизированное укрепление было готово. Кольцо из мешков, камней и матрасов, высотой до плеча, легко вмещало десять человек с оружием и припасами и имело бойницы для кругового обстрела. Лангаротти спрыгнул внутрь и оценил сооруженное укрепленное гнездо.

– Остальные в машину! – коротко он приказал. – Патрик, оставь им ящик «Кроненбурга».

– Полный ящик? – Патрик не скрывал своего неудовольствия таким расточительством.

Он уже перетасил всё содержимое бара в грузовик.

– Мой кредит недостаточно хорош?

– С вашим кредитом все в порядке, босс, – признал собеседник и перешел на английский для протеста. – Меня больше всего волнует возмещение столь дорогостоящего товара.

– Патрик! Ты зря теряешь время!

Земмлер загнал автобус на задний двор резиденции Кимбы. Он распорядился отвести пленников на первый этаж, а сам направился к Шеннону. По дороге ему бросился в глаза торчащий из-под брезента труп человека в цветастой рубашке, в котором признал Шинру. «Я чего-то не понимаю,» – подумал он. Когда Курт вошел в главный зал президентского дворца, Шеннон на повышенных тонах спорил с Окойе...

– Вы не должны давать амнистию этим головорезам. Мы бы и так с ними разделались, – доносился до него голос доктора.

– Наша задача – подавить сопротивление, а не убивать пленных без суда и следствия. Чем больше их сбежит в свои леса, тем лучше. Если вы хотите...

Звук шагов Земмлера заставил Шеннона обернуться. Его опередил доктор:

– А, майор! Поздравляю с победой, – начал было доктор, но Шеннон резко оборвал его:

– Курт! Надо срочно забрать всё оружие из полицейских барачков. Справишься?

– Угу. Вот только выпью...

Кот встал и вытолкнул своего помощника из помещения. Придвинувшись вплотную к нему, он яростно зашипел:

– Ты что, пьян?

– Ну да, немного хапнул. Что нельзя?

– Не сегодня.

– Ладно, посмотри, – Курт протянул ему машинописный листок, взятый в аэропорту.

Шеннон пробежал по нему глазами:

– Ладно. Езжай в бараки, у нас ещё много дел.

Прихватив пару бойцов, Курт пошёл к автобусу. Доехать до полицейских барачков было делом нескольких минут. Люди Эйнекса приступили к погрузке оружия в салон. С ним пришлось повозиться, поскольку двери автобуса узкими для ящиков. Курт быстро решил эту проблему. Он поручил Эйнексу доставать винтовки по отдельности и поставил трёх солдат в цепочку. Курт стоял в салоне и укладывал оружие плашмя прямо на сидения. Каждая передача из рук в руки занимала полторы-две секунды. Патроны, благо их было немного, ссыпали в холщовый мешок. Он взглянул на красные стрелки своих часов. Вся процедура заняла не более четверти часа. Повесив на дверях здания амбарный замок, Курт передал ключ Эйнексу:

– Ты снова тут главный!

Негр выпятил грудь и приосанился.

– Не зазнавайся, Тебен, – Курт дружески похлопал его по плечу. – Лучше наведи здесь порядок: собери трупы, убери мусор...

Негр удивлённо уставился на наёмника:

– Как это? У меня всего несколько солдат...

– Используй пленных, – посоветовал немец, садясь за баранку. Автобус натужно завёлся и потащился ко дворцу.

Издаലെка Курт увидел, как синий грузовичок медленно сворачивает ко дворцу с Прибрежного шоссе. – Кот, к тебе гости, – сообщил он по рации.

– Как заедут во двор, заблокируй выезд, а потом поднимайся на второй этаж. Пока не услышишь выстрелы, не светись, – последовал приказ. – И поторопи Жана. Вы наверху мне нужны оба.

– Сию минуту.

ОШИБКА САЙМОНА ЭНДИНА

Обливаясь потом, Эрни Локи долго менял колесо на грузовичке. Стояла полуденная жара и он, скинув джинсовую рубашку, полуобнаженный, матерясь крутил ручку домкрата. Боби,

скинувший свой дурацкий балахон, вылез из кузова и стоял рядом, напряжённо поглядывая по сторонам. Он был в парадной форме с знаками отличия полковника зангарской армии. Фуражка была надвинута низко на лоб, а на поясе его висела колониальная кобура из жёлтой кожи. Из неё торчала ручка револьвера 45 калибра. Энди периодически бросал взгляд на кусты, держа наперевес дробовик. В этом месте дорога была покрыта бетоном, и поэтому дело шло споро.

Установив колесо, Эрн облегло вздохнул и полез в кузов за сельтерской. Вот тогда неприятности и начались. Группа солдат, убежавших из Кларенса, выскочила на южную обочину дороги и накрыла полудюжиной выстрелов. Все они не достигли цели: Энди не растерялся и дважды разрядил по ним свой дробовик. Лес откликнулся новой серией выстрелов. Забыв про свой револьвер, Боби испуганно юркнул в кузов, едва не сбив выбирающегося из него Локи. Тот чертыхнулся и бросился в кабину. Пока он заводил двигатель, Саймон успел сделать пару выстрелов из ремингтона с положения стоя. Как только грузовик начал двигаться, Энди вскочил на подножку, закричав Боби, чтобы тот стрелял. Он бросил в кабину пустой ремингтон и достал револьвер. Эрн удалось проскочить две мили в сторону Кларенса, когда стало ясно, что у грузовичка вновь спустило колесо. Выехав на открытое пространство, Энди и Локи вышли из кабины, чтобы осмотреть повреждения и выяснить, что случилось с их пассажиром. Они его обнаружили спрятавшимся в дальнем углу кузова с выпученными от ужаса глазами. На нём вновь был одет дурацкий балахон.

– Дерьмо, – прошипел Эрн с тем неподражаемым ист-эндским акцентом, который всегда отличал кокни. Саймон смотрел на пустое колесо и, методично заряжая дробовик, спросил:

– Как думаешь, доедем?

– Ну если только очень медленно... – последовал ответ. Через минуту грузовичок на первой скорости двинулся дальше.

Доклад Курта застал Шеннона в кладовой, куда поместили пленных. Кан и Куома стояли перед ним по стойке смирно и наперебой выкладывали всё, что знали.

– ...У солдат были винтовки «Маузер», калибра 7.9 мм, президентская гвардия и курсанты имели автоматы Калашникова...

– Здесь подробнее, – сказал Шеннон. – Сколько, каких, откуда...

– Всего привезли девяносто автоматов сорок седьмой модели. Судя по маркировке их делали китайцы. К ним прилагались боеприпасы, обмундирование, снаряжение и даже ножи.

– Куда же они все делось? – перебил пленника спросил немец. – Я нашёл всего десять штук!

Куома безучастно пожал плечами:

– Не знаю.

– Я знаю, – произнёс Фортус Кан. – Сорок семь автоматов продали на чёрном рынке. На них вице-президент купил себе новый БМВ. Она обошлась ему в тринадцать миллионов...

– Наверное, он заплатил громадную страховку, – наивно предположил Земмлер. – Здесь же никто водить толком не умеет...

– Зачем она ему? – возразил немцу Шеннон. – Он же- **ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ**.

Но Курта беспокоил другой вопрос:

– Это та машина, что сгорела в аэропорту?

– Да, мсье, – одновременно сказали оба пленника.

– Надо организовать поиски русских автоматов. Нельзя, чтобы они осели среди населения! Займись этим немедленно, Курт!

– Да, Кот! Непременно, – немец сорвался с места и побежал отдавать соответствующие распоряжения.

– Куома, продолжайте рассказывать, что знаете.

Вежливый тон главы наёмников расслабил бывшего интенданта. Он говорил скороговоркой, будто боялся, что его перебьют:

– Автоматические пистолеты «скорпион» были только у сотрудников службы безопасности. Они их всегда носили с собой. Наверное, ещё несколько штук должны лежать на складе, но точно не знаю. Там ещё должны быть пулемет. Боеприпасов к ним было мало. Мы очень ждали их из Гвинеи...

– Перестань тараторить, – оборвал его словоизвержение Шеннон. – Я не так хорошо знаю диалект лингвала, чтобы следить за ходом твоей мысли. Лучше расскажи мне сколько у Кимбы было людей? Где они размещались?

– На довольствии состояло почти восемь сотен человек: полицейские, солдаты, гвардейцы. Денег на их содержание никогда не хватало. Квартировали они, главным образом, в столице. Сотня-полторы солдат были разбросаны по стране. Правда, многие из них только числились на службе...

– Как это?

– Кто-то болел и лечился дома, кто-то был в отлучке. Таких было примерно человек двести, может больше. Ещё была гражданская полиция, жандармерия и таможенная служба. Их сотрудники набирались из кайя. Они, хотя и носили оружие, но не имели патронов к нему. Кимба лично следил за этим.

– А курсанты?

– О про них я знаю мало. Их снабжали отдельно, говорят возили продукты прямо из посольства...

– ... и деньги. Они были набраны всего два месяца назад. Их обучали иностранные советники, – вставил Фортус Кан.

Приказав Барти стеречь пленных, Шеннон поднялся в Зал Заседаний, который по совместительству являлся столовой Кимбы. Там уже было более-менее прибрано: длинный стол накрыт скатертью, а вокруг него расставлены венские стулья. Их было ровно четыре. Три из них стояли спиной ко входу в кабинет.

– Вайянт, прошу пройти вон туда, – Шеннон указал Окойе на дверь, ведущую в кабинет, а сам встал у окна. Он посмотрел на часы: они показывали половину второго.

На вызов Курта Жан-Батист отреагировал не сразу. На своём грузовике он по ошибке свернул на другую улицу и заплутал в центре города. Двухтонный грузовик с трудом маневрировал по грязным улочкам, сжатым плотными рядами одноэтажных домов. Краска с их стен слезла, разноцветные потеки, оставленные дождями, делали их похожими на пыльные шкуры зебр. На покосившемся пороге, в проёмах щелистых дверей сидела какая-то дородная негритянка. Она торговала жареными бананами, очищенными апельсинами, вяленой рыбой и другой снедью. Бананы жарились на закопченных жаровнях, пара детишек раздували угли круглыми лопатками, сплетенными из пёстрой соломки.

– Как проехать на Площадь Победы, – спросил Патрик, знавший несколько слова на сакуйя. Женщина что-то залопотала и стала жестикулировать. Из её объяснений было невозможно что-то понять. После четверти часа плутаний они оказались на Площади Победы и с удивлением обнаружили, что аллеи вокруг площади заполнены зеваками и торговцами. Всё оставалось по-старому, будто и не было никакой стрельбы. Оборванцы уже не стояли у дверей зданий, двери которых были по-прежнему закрыты. Он поймал себя на мысли, что хочет обыскать помещения в поисках чего-нибудь ценного. Корсиканец только приготовился отдать эту команду своим солдатам, как поступил чёткий и недвусмысленный приказ ехать во дворец. Тяжёлый военный грузовик двинулся прямо через толпу зевак и через несколько минут оказался на Прибрежной Дороге, ведущей ко дворцу.

Эндин и его спутники без происшествий добрались до Кларенса. У отеля они даже вынуждены были сбросить скорость. Узкая улица, ведущая на Площадь Победы, была запру-

жена всевозможным транспортом: ручные тележки, велосипеды, телеги фермеров, запряженные медлительными волами, пара автофургонов... Казалось, все было спокойно и продолжалась мирная жизнь. Синий грузовичок медленно протиснулся сквозь это столпотворение на Прибрежную Дорогу. Баррикада у ворот уже была разобрана и Локи подогнал грузовичок прямо ко входу в особняк, загороженному безжизненно повисшим ковром.

Эндин осторожно вылез из машины, взяв свой дробовик наперевес, и подозрительно огляделся. Его смущали не временная дверь и другие повреждения на фасаде, а восемь молчаливых чёрных охранников, стоявших на террасе. Из окна второго этажа его окликнул Шеннон, знавший его только под псевдонимом:

– Мистер Харрис!

– Все в порядке?

– Конечно, – ответил Шеннон. – Но все же лучше вам зайти внутрь. Пока все тихо, но скоро должны появиться любопытные.

Вылезая из машины, Эндин пропустил Боби и Локи немного вперед. Они первыми вошли за коворовую занавеску, заменявшую дверь в здание. Убедившись, что там безопасно Саймон вошел вслед за ними. Они поднялись на второй этаж в зал. Окончательно успокоившись, Саймон поудобнее устроился на стуле, прислонив ружьё к стене. Слева от него сел Боби, а справа – Локи, а Шеннон – напротив. Закурив сигару,

Эндин наивно предположил, что теперь здесь распоряжается он, и потребовал полного отчета о происшедших ночью событиях. Шеннон все подробно пересказал.

– Охрана дворца?

Вместо ответа Шеннон подвел его к одному из окон, выходящему на задний двор, и распахнул ставни. Трупы, покрытые циновками, прямо кишели мухами. Эндин едва взглянул на штабель из трупов и тут же отпрянул от окна. Краем глаза Кот увидел, как въезд во двор перекрыл жёлтый автобус.

– Прислуга? – спросил Эндин.

– Там же. В живых осталось только шесть: стюарды и повара...

– Армия?

– Не существует! С полсотни, может и больше убиты в здесь и казармах, остальные разбежались. Оружие бросили все, кроме, пожалуй, нескольких дюжин человек, у которых остались винтовки. Проблем с ними никаких.

– Не сказал бы. Нас по дороге обстреляли и не только из винтовок.

– Мы считаем, что несколько десятков человек бежали из аэропорта на восток, в Страну Винду. Не думаю, что они будут представлять какую-то опасность.

– Как с оружием?

– Большая часть исправного оружия собрана и доставлена во дворец. Всё сложено в винном погребе и находится под охраной.

– Радиопередатчик?

– Внизу, на первом этаже. В рабочем состоянии. Мы пока не проверили всю электропроводку, но, похоже, что он работает на собственном дизельном генераторе.

Эндин удовлетворенно кивнул.

– Ну, что ж! – сказал он после небольшой паузы. – Новому президенту осталось только объявить о перевороте, происшедшем этой ночью, о своем приходе к власти, сформировать правительство и приступить к работе.

– А как быть с охраной? – спросил Шеннон. – Из прежних функционеров на месте не осталось ровным счётом никого. Может быть кто-нибудь и вернется, но не думаю, что винду будут лояльны новому правительству. Эмигранты смогут организовать...

Эндин улыбнулся.

– Как только они узнают, кто новый президент, то сбегутся словно мухи на мёд. А пока здесь будет работать ваша группа. Я им доплачу. В конце концов, они тоже черные, а я уверен, что ни один дипломатический представитель не в силах отличить одного черномазого от другого.

– А Вы? – спросил Шеннон.

Эндин пожал плечами.

– Я смогу. Но это не имеет значения. Кстати, разрешите вам представить нового президента Зангаро.

Он жестом показал на полковника Боби, который в это время со снисходительной улыбкой осматривал комнату, так хорошо ему знакомую:

– Командующий зангарской армией, главный организатор и творец переворота, новый президент Зангаро. Полковник Антуан Боби.

Шеннон поднялся, взглянул на Боби и почтительно склонил голову. Улыбка Боби расплзлась еще шире. Шеннон показал на дверь в конце столовой.

– Может быть, господин президент желает ознакомиться со своим кабинетом? – язвительно сказал он по-английски. Эндин перевел. Боби кивнул и побрел по кафельному полу в указанном направлении. Шеннон прошел следом. Дверь за ними закрылась, и несколько мгновений спустя грохнул одинокий выстрел. Когда Шеннон вновь появился в столовой, Эрни, положив руку на рукоять своего револьвера, поинтересовался:

– Что это было?

– Выстрел, – так же спокойно сказал Шеннон. Эндин резко поднялся и пошел в соседнюю комнату. Остановившись в дверном проеме, он медленно повернул к Шеннону внезапно посеревшее лицо.

– Вы застрелили его, – прошептал он севшим голосом. – Пройти весь этот адский кровавый путь и застрелить Боби! Вы сумасшедший, Шеннон! Вы совсем спятили! Вы не понимаете, что наделали, кретин, маньяк, наемный идиот...

Шеннон сел за стол и с нескрываемым интересом стал наблюдать за Эндином. Краем глаза он заметил, как рука Эрни потянулась к револьверу, скрытому под рубашкой. Вдруг прозвучал новый выстрел. Он показался Эндину гораздо громче, так как прозвучал совсем рядом. Кокни выскочил из кресла и распластался на полу. Он был мертв: пуля пробила позвоночник. Земмлер появился в дверях кабинета позади Эндина, а со стороны коридора бесшумно вошел Лангаротти. В руках у обоих были «шмайсеры». Шеннон вытащил руку из-под крышки дубового стола и положил на нее пистолет Макарова. Из ствола вился голубоватый дымок. Эндин сидел, сгорбившись и втянув голову в плечи, совсем забыв о своём «Смит и Вессоне» в плечевой кобуре. Ему ещё не приходилось встречать такого страшного и непредсказуемого человека, как Шеннон. Командир наёмников, казалось его не замечал:

– Курт! – властно произнёс он. – В порт хочет войти какое-то судно под красным флагом: то ли русские, то ли китайцы. Разберись!

– Вальденберг лучше в этом разбирается, – проворчал Курт. – Ты бы лучше его спросил, а не отсылал чёрт знает куда...

– !!!

– Ну иду, иду... – Земмлер зашпешил в радиоузел. Шеннон поднялся со стула. – Жан, займись транспортом.

Саймон безучастно смотрел как двое безоружных негров по очереди вытащили трупы Локи и Боби во двор. Шеннон стоял у окна и наблюдал, как под руководством Лангаротти солдаты перекидывают не пробитое колесо на синий грузовик. Брезент с кузова был снят, груз унесён, а на скамье расселись трое африканцев с автоматами. Еще двадцать в полном обмундировании и при оружии неровно строились в ряд снаружи дворца.

– Пошли, – сказал он Эндину, протягивая ему бутылку с водой. – Я отвезу Вас на северную границу. Оттуда доберетесь пешком.

– Разве Вы не возьмёте меня в заложники?

– А зачем? Вы, мистер Эндин, не представляете для меня опасности, а для нашего заказчика Ваша жизнь, впрочем, как и моя, ничего не стоит...

Саймон машинально отвинтил крышку, сделал глоток и двинулся следом за наёмником. В коридоре у разломанной двери им встретился высокий африканец лет сорока с печальными глазами, чуть припадающий на левую ногу. Он был одет в европейское платье: костюмы его были сильно поношены, брюки пузырились на острых коленях длинных и тощих ног. Шеннон обменялся с ним несколькими словами:

– Все в порядке, доктор?

– Да. Пренк нагнал сюда сотню людей, чтобы все здесь убрать и вычистить. Еще пятьдесят придут к вечеру, для починки оборудования. К семерым зангарцам, которые значились в списке неблагонадежных, уже сходили домой, и они согласились мне служить. Они будут вечером.

– Прекрасно. Ну что, доктор, можете организовывать новое правительство.

– Вы уверены, полковник, что все кончено? – спросил Окойе. Разговаривая, он имел привычку по-птичьи склонять голову набок, словно искоса рассматривая собеседника.

– Думаю, да. Город прочесан. Режим Кимбы пал. Вице-президент убит. Министры бежали. У нас достаточно сил, чтобы обеспечить оборону Кларенса, а вашим «офицерам», – тут он не смог сдержать улыбку, – надо взять под охрану гражданские объекты в городе. Патрули в Страну Кайя будут высланы после того, как приведём в порядок автотранспорт. Так, что формируйте Комитет Национального Спасения.

– Хорошо, я так и сделаю, – Окойе тоже стал прислушиваться звукам, раздававшимся с улицы.

– А теперь, пока у вас есть время, составьте информационный бюллетень от имени нового правительства. Его нужно передать по радио как можно скорее. Сейчас мистер Земмлер попытается наладить передатчик, а то ваш Слит никуда не годиться. Я его беру с собой – пусть охраняет северную границу. Если Земмлер не справится с радиостанцией, воспользуйтесь для ретрансляции «Тосканой».

– К половине пятого текст моего выступления будет готов.

– Не забудьте объявить в декларации о мобилизации бывших жандармов. Что еще?

– Только одно, – сказал доктор. – Недалеко от берега стоит русский корабль «Комаров» и подает сигналы с просьбой разрешить ему войти в гавань.

– Как наладите радиосвязь сообщите на корабль: «Просьба отклоняется. Точка. На неопределенный период. Точка».

Доктор поднялся по лестнице в президентский кабинет, а Шеннон повёл Эндина к грузовичку. Он лично сел за руль и, вывернув на дорогу, двинулся в сторону границы. Синий грузовик быстро проскочил город и несся по полуострову мимо жалких лачуг иммигрантов-рабочих. Там, казалось, все было в движении. Эндин с удивлением обнаружил, что на выезде из города стоит часовая, вооруженный карабином. Он отсалютовал проезжавшей машине. Шеннон ответил ему кивком головы. Он притормозил у поста и что-то коротко приказал. В кузов залезли ещё несколько вооружённых людей. Машина тронулась дальше...

У Эндина чувство смертельной опасности постепенно сменилось тягостной мыслью о потерянном куше.

– Кто это был? – с горечью спросил Эндин, нарушив молчание.

– Человек в коридоре? – переспросил Шеннон.

– Да.

– Доктор Вайянт Окойе.

- Вероятно какой-то знахарь?
- Нет, врач. Доктор наук с дипломом Оксфорда.
- Ваш друг?
- Да. Можно так сказать...

Оба европейца надолго замолкли. Шеннон периодически пытался с кем-то связаться по радиации, но помехи глушили звук. Вскоре радиосигнал пропал вовсе. Когда грузовик повернул на север, Эндин наконец произнес:

– Вы погубили одно из самых грандиозных и выгодных предприятий, когда-либо замышлявшийся. Вам этого, разумеется, не понять. Для вас это слишком сложно. Но мне бы хотелось узнать только одно, почему? Почему, во имя всего святого, вы сделали это?

Шеннон на мгновение задумался, с трудом удерживая грузовик на ухабах, уступившей место гудроновому покрытию.

– Вы совершили две ошибки, Саймон, – размеренно произнес он.

Эндин вздрогнул от неожиданности, услышав свое имя.

– Вы посчитали, что раз я наемник, то наверняка тупица. Вам ни разу не пришло в голову, что мы все с вами наемники, вместе с сэром Джеймсом Мэнсоном и большинством власть имущих в этом мире. Вторая ошибка заключалась в том, что вы решили, что все негры одинаковы, только потому, что вам они кажутся такими.

– Я вас не понимаю.

– Действительно, прошлой ночью произошел военный переворот, но он совершался не в расчете на полковника Боби и не от его имени.

– А кто же имелся в виду в таком случае?

– Генерал.

– Какой генерал?

Шеннон назвал ему имя. У Эндина от ужаса отвисла челюсть.

– Только не Оджукву. Его разбили, он – изгнанник.

– В данный момент да. Но не навечно же. Эти иммигранты-рабочие – его люди. Их прозвали «африканскими евреями». Полтора миллиона их рассеяно по африканскому континенту. Во многих странах они выполняют основную работу и определяют умственный потенциал. Здесь, в Зангаро, они живут в бараках за Кларенсом. Вы тщательно исследовали ситуацию в Зангаро. Вам даже удалось обнаружить, что основная работа здесь делается руками рабочих-иммигрантов. Их здесь десятки тысяч. Вам не пришло в голову, что они являются самостоятельной общиной. Они – третий этнос в этой забытой Богом стране, наиболее сообразительный и работающий. Дайте возможность, и они превратятся в политическую силу. Новая армия, а значит, и опора власти, будет набрана из числа представителей этой прослойки, как, кстати, сейчас и случилось. Те солдаты, которых вы видели, не из племен винду или бакайя. Когда Вы прибыли во дворец, их было полсотни. Сегодня к ним добавится еще столько же. Через пять дней у меня будет уже более четырехсот бойцов, пусть недоученных, но достаточно надежных для того, чтобы поддержать новое правительство. Они станут реальной властью в стране.

– Что будет с Зангаро теперь? – продолжил он расспросы.

– Власть перейдет к Комитету Национального Согласия, – сказал Шеннон. – Четверо человек от винду, четверо от бакайя, двое представителей от иммигрантов. Но армия будет набрана из тех людей, что сидят позади вас. Эта страна будет использована, как военная база и штаб командования. Отсюда прошедшие подготовку новобранцы в один прекрасный день вернутся на родину, чтобы отомстить за то, что с ними сделали. Возможно, что генерал переедет сюда сам и устроит здесь свою резиденцию, фактически взяв в руки управление страной.

– Этот болван, безумный идеалист, кретин-мечтатель...

– Осторожнее, – предупредил Шеннон.

– Это еще почему?

Шеннон кивнул головой в сторону, за плечо.

– Они тоже служили у генерала и понимают, о чём мы с Вами говорим.

Эндин повернулся и в ярких лучах солнца различил неподвижные силуэты солдат. Свет падал так, что выражение их лиц было невозможно разглядеть.

– Не может быть, чтобы они настолько хорошо понимали по-английски.

– Того, что сидит посередине зовут Гебе Слит, – мягко сказал Шеннон, – когда-то он был аптекарем. Когда его жену и четверых детей раздавил бронетранспортер, он взял в руки оружие. Их выпускает в Ковентри фирма «Алвис». С тех пор он не любит людей, имеющих к этому отношение.

Эндин на некоторое время замолк, переваривая услышанное. Потом он сорвался на крик:

– И вы надеетесь, что вам это сойдет с рук? Против Вас будем не только мы, но и Британия, Нигерия, ООН и даже Восточный блок! Все!

– Саймон, Вы собирались поставить во главе страны эту слюнявую обезьяну-полковника Боби, и надеялись, что все будет шито-крыто. По крайней мере, это правительство будет сравнительно умеренным. Кстати, мне известно о платиновом месторождении где-то в недрах Хрустальной горы. Несомненно, что новые власти его обнаружат и займутся разработкой. Но если вы точите на него зубы, то придется платить. Настоящую, рыночную цену. Так и передайте сэру Джеймсу Мэнсону, когда вернетесь домой. Может вы ещё сможете договориться. Ведь в некотором смысле, – тут Шеннон криво усмехнулся. – Новый режим – ваш должник...

Впереди, за поворотом, показался пограничный пропускной пункт. Новости в Африке распространяются быстро, даже в отсутствие телефонов. Зангарских пограничников на посту не было видно, но шлагбаум был опущен. Подъехав к нему, Шеннон остановил машину и указал рукой вперед.

– Отсюда пойдете пешком, – сказал он и жестом приказал Слиту выгрузить из кузова багаж. Когда Саймон выбрался из кабины, его взгляд пылал нескрываемой ненавистью.

– Вы так и не сказали, почему, – произнес он. – Вы объяснили, что и как, но почему?

Шеннон посмотрел вперед на дорогу.

– Почти целых два года, – сказал он задумчиво, – я наблюдал, как гибнут от голода люди. Около миллиона детей погибли на моих глазах, благодаря таким людям, как вы и Мэнсон. И происходило это оттого, что вы и вам подобные стремились получить все большие доходы, опираясь на жестокие и совершенно продажные диктатуры. И при этом все творилось якобы во имя закона и порядка, легально, на конституционных основаниях. Пусть я солдат, пусть я убийца, но я не садист, черт возьми! Я давно понял, как это делается, зачем и кто стоит за всем этим. На виду обычно оказываются несколько политиков и служащих Форин Офис, но они всего лишь свора кривляющихся обезьян, не видящих дальше своих бюрократических стычек и проблем собственного переизбрания на следующий срок. За их спинами всегда прятались невидимки-мошенники вроде вашего дражайшего Джеймса Мэнсона. Вот почему я это сделал. Расскажите Мэнсону, когда вернетесь. Я хочу, чтобы он знал. Передайте от меня лично. А теперь вперед! Безопасность гарантирую: я не стреляю в спину даже злейшим врагам.

Солдаты уже вылезли из кузова и осторожно подали Эндину его дорожный чемодан. Саймон быстро нагнулся и достал из него свой толстый портмоне. Он с удивлением обнаружил, что лежавшие в нём деньги находятся в полной сохранности. Пройдя десять ярдов, Саймон с яростью бросил чемодан на землю и обернулся. Он захотел выхватить револьвер и разрядить весь барабан в этого наглого наёмника, нарушившего его планы на будущее, но благоразумие взяло верх, и он сдержался.

– Не советую тебе возвращаться в Лондон, Шеннон, – крикнул он. – Мы знаем, как найти управу на таких, как ты.

– Не вернусь, – прокричал в ответ Шеннон. И тихо добавил: – Мне это больше ни к чему.

Он сел в грузовичок, завёл его и развернул по направлению в Кларенс. Лейтенант Слит и трое его солдат остались охранять шлагбаум.

Гвианские пограничники с интересом наблюдали за кричащими друг на друга белыми бвана. В отличие от Зангаро, политический режим в их стране был устойчив и не разрывал связей с прежней метрополией. Её президент всегда мог рассчитывать на помощь великой державы, гарантировавшей независимость, её корабли, самолёты и парашютистов. Когда Эндин подошёл к их посту, они проверили документы и, проверив их, отдали ему честь. Через час неудачливый организатор заговора трясся в разболтанном грузовике, украшенном оптимистичными надписями: «С нами бог» и «Человек вечен». Несмотря на розданные колоды игральных карт и сигареты, место в кабине ему не досталось. Его заняла дорожная жена комиссара дистрикта, направлявшаяся в столицу за покупками.

Пристроившись на заменявшей сиденье доске спиной к кабине водителя, Саймон Эндин старался удержать свой дорожный чемодан между коленями, и пытался определить расстояние до Уарри. Слева расположилась пышная матрона с массивными золотыми серьгами в ушах, а справа сел пожилой мужчина с густой проседью в коротко подстриженных волосах. Он сразу же привлек внимание Эндина достоинством, с которым держался в невероятной толкучке перед отъездом грузовика, и внутренней сосредоточенностью умного тонкого лица. В его фигуре, закутанной в кусок ткани, чувствовалась сила. Многим пассажирам он был знаком, и они почтительно его приветствовали, называя «бвана Дого». Вероятно, если бы не долгая дорога и не многочисленные толчки на ухабах, когда путешественников буквально бросало друг на друга, Эндин не сумел бы завязать разговор со своим суровым соседом. В конечном счете их знакомство состоялось, когда вождь извинился по-английски. Саймон узнал, что Дого принадлежит к бакайя.

В годы второй мировой войны несколько кланов покинули Зангаро и перебралась в Гвианию. Их возглавил сын верховного вождя Кваме Адингра. Он сумел убедить своего отца, что переселение спасет народ от притеснений. Около десяти тысяч человек пошли в это добровольное изгнание. Слушая Дого, Эндин вспоминал, как свыше ста лет назад Давид Ливингстон писал в своих африканских дневниках о том, что банту покидали свои деревни, когда тирания вождя становилась непереносимой. Они уходили на новые земли, и правитель оставался без подданных. В Зангаро история повторилась, правда, на этот раз люди спасались от произвола колониальных властей. Увлеченный расспросами, Саймон не заметил, как доехал до города. Портовом квартале грузовик резко затормозил и остановился. Уставшие пассажиры торопливо соскакивали на мостовую, хватали свои вещи и быстро растворялись в уличной толпе.

Одуревший от тряски Эндин вылез из кузова последним и огляделся. На Уарри быстро опускались сумерки. Витрины магазинов фешенебельного бульвара Независимости уже были закрыты стальными решетками. Тяжелой громадой над улицами нависали несколько хмурых многоэтажных зданий. Пожав руку Дого и отдав ему бутылку виски, он взял такси до «Эксцельсиора». Водитель недоверчиво оглядел европейца в измятой и грязной одежде, но пятифунтовая купюра в руках Эндина развеяла его сомнения.

Такси медленно катил по улицам старого города, на которых мелькали силуэты редких час прохожих. Торговые кварталы засыпали тяжелым сном усталого человека. Только в ресторанах отелей оглушительно гремел оркестр, от которого дрожали здания. Терраса ресторана была заполнена тщательно одетыми европейцами и местными жителями в красочных национальных костюмах. Судя по стоянке многие из них приехали на собственных автомашинах. Здесь проводились деловые и интимные встречи за бутылкой хорошего французского вина, рождались интриги и заключались сделки.

Территорию «Эксцельсиора» отделяла изгородь из густого, коротко подстриженного кустарника. Когда на его террасе заиграла музыка, у изгороди столпились люди. Они не решались подойти ближе и часами стояли там, слушая музыку. Над кустарником, освещенным цвет-

ными лампочками, были видны только их лица – неожиданно красные, желтые, зеленые, как маски фантастического театра. Для них вход в ресторан отеля был закрыт. Его преграждал не только полицейский, обычно дежуривший здесь вечерами. Пестрые фонарики ограды обозначили социальный и культурный барьер. К тому же очень высокий. Для стоявших за изгородью подняться на гостиничную террасу, было так же трудно психологически, как человеку застенчивому войти в большой зал, переполненный незнакомыми людьми.

Пройдя сквозь толпу зевак, Саймон просто отодвинул в сторону не ожидавшего от него такой наглости полицейского. Прямо перед ним ко входу ресторан проследовал в кольце прихлебателей и политических клиентов какая-то важная шишка из местного правительства. Он, видимо, искал разрядки в царящей здесь шумной, свободной атмосфере. Его взгляд небрежно скользнул по мятому костюму Эндина, его дешёвым часам и запялённым туфлям. Издав звук, похожий на мычание коровы, местный бонза брезгливо отвернулся. Не обращая на него внимания, Эндин двинулся через холл. В нём тихо играла музыка, черные официанты бесшумно скользили среди гостей, разнося подносы с коктейлями и сэндвичами.

С террасы раздавались громкие веселые голоса, женский смех, звуки оркестра, шуточные или чуть грустные песни. Остро чувствовалось, что постояльцам и гостям отеля глубоко безразличны судьбы тех, которому они навязывали свою волю. Они и сами были слугами: одни – международных монополий, другие – государственного аппарата. Их помыслы были без остатка отданы делу, которым они занимались, – политическим интригам, производству, получению прибылей, собственной карьере. В лучшем случае они хотели бы быть умными хозяевами на этой земле, ни минуты при этом не сомневаясь, что их культурное превосходство, богатство и раса предоставляют им место в элите, а туземцам отводят роль «дровосеков и водоносов», как говорят в таких случаях англичане.

Осознавая себя частью этой толпы, Эндин подошёл к стойке и взял ключ от своего номера «люкс» у всегда невозмутимого портье:

– До утра меня не беспокоить, – властно сказал он. Бой услужливо схватил его пыльный чемодан и потащил к лифту. Следуя за ним, Саймон ощутил на себе несколько любопытных взглядов. Поднявшись в номер, он заказал ужин и сразу полез в душ. Пытаясь отвлечься, Эндин из чемодана достал бутылку «Уайт Хорс» и поставил перед собой. С каждым глотком виски, переживания дня постепенно отходили на второй план. Мрачные мысли расползались по углам, возникали какие-то мимолётные идеи, которые тут же забывались. С каждым глотком у Эндина усиливалось ощущение, что всё обойдётся и будет хорошо. Ополовинив бутылку, неудачливый эмиссар сэра Джона Мэнсона пил до тех пор, пока не закончилась бутылка. После этого он провалился в тяжёлый и глубокий сон. Сквозь он не услышал, ни, как доставили в номер ужин, ни рвущуюся сквозь окна какофонию звуков ночного Уарри.

ОТЕЛЬ «ИНДЕПЕНДЕНС»

Когда Курт освоился в радиоцентре дворца, он обнаружил, что радист как-то бестолково общается с капитаном «Комарова» на странной смеси нескольких языков. Отобрав у него микрофон, он довольно скоро выяснил, что конечным пунктом назначения русского парохода является Кларенс. Судно доставило срочный груз для Зангаро и ждёт лоцмана. Он связался с Шенноном по радиации:

– Кот, советский сухогруз «Комаров» вторично просит разрешения войти в порт, чтобы выгрузить какое-то оборудование и группу геологов.

– Пошли русских к черту, – помехи сильно исказили голос начальника. – Точнее, вежливо сообщи им, что порт на ближайшую неделю будет закрыт для всех морских судов. Вежливо! А потом повтори первую телеграмму! Затем свяжись с Вальденбергом и прикажи ему

идти в порт Уарри... – тут связь с командиром окончательно прервалась. Он больше на связь тоже не выходил. Курт попытался связаться по рации, но это тоже не удалось.

Расстроенный происходящим Земмлер поднялся на кухню в поисках чего-нибудь съестного. Тут ему на глаза попала открытая бутылка пива, которую он умудрился осушить в три глотка. Прихватив кусок хлеба, он, жуя, вернулся в радиорубку и отправил телеграмму на «Комаров». Потом он связался с Патриком, который доложил, что отвёл пленных в полицейские казармы и ждёт дальнейших распоряжений. Курт отправил его патрулировать в порт, чтобы убедиться в уходе советского судна. Затем он растянулся на стуле и захрапел прямо в радиорубке.

Всё это время Жан-Батист и Барти сидели в винном погребе, изучая наследство Кимбы. После того, как Горан запустил дизель, в помещении было светло. Барти вскрывал все ящики подряд, выкладывая содержимое для осмотра, а корсиканец сверял их со списком. В пяти ящиках были совершенно новые чешские карабины, по десять штук в ящике, хорошо смазанные и тщательно упакованные. К каждому карабину прилагалось по пять обойм, штык и устройство для чистки. Отдельно лежал снаряжатель и промасленный свёрток. Лангаротти поднял один карабин и прочёл:

– VZ33. Странная маркировка, никогда такую не видел...

В следующих двух ящиках лежало по дюжине «вальтеров» в каждом. Каждый пистолет хранился в отдельной промасленной коробке, все устройства для чистки и запасные обоймы были в комплекте. Перебрав оружие, Лангаротти и Барти продолжили осмотр. Цинковые ящики с тысячей патронов каждый, один подле другого. Полевые радиостанции «Телефункен» и аккумуляторы к ним в полном комплекте

За коробками с сухим молоком обнаружилась ниша, в которую был вмурован сейф. Жан-Батист решил подняться за связкой ключей, которую нашёл утром. Почему-то он был уверен, что один из её ключей обязательно подойдёт. По дороге он заглянул в радиорубку, где обнаружил спящего Земмлера. «Пусть поспит,» – решил он. Связка валялась в спальне там же, где её бросил Жан-Батист. Вернувшись, корсиканец легко подобрал ключ к замку. Заскрипев дверца отворилась, открыв проход в небольшой бункер размером где-то два на два метра. В нём стояли два одинаковых ящика из стали. Ключи к ним отказались в той же связке. В первом из них находились золотые монеты. Жан-Батист взял одну из них и стал вертеть в руках:

– Смотри, Барти, это – двадцать долларов!

Негр потянулся и взвесил монету в руке:

– В ней граммов тридцать никак не меньше, сая ...

– Никогда раньше не видел таких.

– Я тоже.

Они начали считать монеты, но когда дошли до тысячи, то сбились со счёта.

– Чёрт с ним, – в сердцах сказал Лангаротти, хлопнул крышку ящика и повернул ключ. Во втором ящике тоже были золотые монеты. Только их номинал был меньше. Поверх них лежали банкноты и массивный золотой портсигар. Лангаротти подумал: «Сколько всего можно сделать на эти деньги». Когда он хотел зачерпнуть горсть золота, его рука наткнулась на какой-то плоский предмет. Он извлёк его из-под груды монет папку из крокодиловой кожи. При тусклом свете лампы он разобрал надпись на золотой табличке «Торговый дом Аграта». Закрыв второй ящик, напарники опечатали сейф и вернулись в погреб. При тусклом свете лампы Жан-Батист решил изучить содержимое папки. Однако в ней оказались страховой полис на имущество и бумажный листок, испещренный бесчисленным набором цифр и букв. "Видимо здесь что-то зашифровано. Ну ладно, Шеннон разберётся, – усмехнувшись подумал он. Пока он возился с папкой, Барти достал пистолет, обойму к нему и увлеченно снаряжал её патронами. Он закончил своё дело и, вставив обойму передёрнул затвор:

– Хороший все-таки пистолет придумали чехи.

Жан сердито ответил:

– Это не чешский пистолет, а немецкий. Система «вальтер».

Заложив нишу ящиками, Жан-Батист запер погреб на ключ и поставил у его входа часового. Оружие из винного погреба диктатора не шло в никакое сравнение с ржавыми железьяками, которые привезли из барачных и аэропортов. Правда, надо признать, что трофейный пулемёт и два «скорпиона» были в приличном состоянии, как и немногие винтовки. Ещё меньше было патронов. У больших миномётов не было опорных плит, а число зарядов к ним минимально. А вот подвал президентского дворца позволял вооружить сразу полсотни человек. Довольный собою, он вышел во двор и сообщил адъютанту Окойе о результатах проверки.

Полуденная жара постепенно спадала. Несмотря на физическую усталость, Лангаротти спать не хотел. Он заявился на кухню в поисках чего-нибудь съестного и наткнулся на своего давнего знакомого – сержанта Ракку, который держал под мышкой какой-то тук. Увидев Лангаротти, он встал по стойке смирно. Его лицо приняло сначала удивлённое, а затем плутоватое выражение.

– Что ты здесь делаешь?

– Вот несу эту к Вам. – Жан-Батист сразу признал дробовик Харриса, оставленный у стены в столовой.

– Что ты делал наверху, – строго спросил Лангаротти.

– Ждал распоряжений президента! – Ракка в порыве даже притопнул ногой.

– Ну что, дождался?

Щуплый полицейский отрицательно покачал головой.

– Ладно, ступай вниз и сдай это добро Барти. Обязательно проверю, – корсиканец снисходительно махнул рукой. Ракка бегом бросился из помещения. Не найдя ничего съестного, Жан вновь спустился в оружейную. Он достал из ящика два «вальтера» и цинк с патронами.

Откуда-то выглянул заспанный Барти. Заметив начальника, снаряжающего обоймы, он удивлённо уставился на него.

– Это – мне и Земмлеру, – пояснил француз. – Ракка приходил?

Барти отрицательно мотнул головой. Жан-Батист рассовал пистолеты и обоймы по карманам и запер погреб на ключ. Стоявший у дверей погреба часовой неуклюже попытался взять на караул. Корсиканец похлопал его по плечу и направился в радиорубку. На этот раз он всё же разбудил Земмлера:

– Курт, я тут видел отель. Пошли перекусим!

– А? Что? Босс сказал, что нам нельзя светиться...

– Брось! Я всё продумал! Возьмём наверху гражданскую одежду. Пистолеты я достал. Деньги у меня есть. – Жан достал из сумки толстую пачку африканских франков и кимб. – Барти скажем, где нас искать. Возьмём с собой рацию, когда босс будет в зоне её действия: он обязательно нас наберёт. Часа за два управимся...

– Ну, не знаю...

– Они тут сами справятся, а если что Барти и Тимоти присмотрят за дворцом, доктором и его людьми.

– Ну, ладно...

– Я уже связался с Патриком и сказал, чтобы ждал нас у отеля.

– Хорошо! Пошли, а то меня после арака с пивом немного мутит! Заодно и узнаем, что к чему...

Около четырех часов пополудни два очень загорелых европейца, одетых в лёгкие светлые костюмы, бодро шагали по прибрежному шоссе в сторону города. Их сопровождали два негра в камуфляже со «шмайсерами» в руках и пангами на поясе. Африканское солнце нещадно палило им в спину.

Отель «Индепенденс» был единственным местом в Кларенсе, где Кимба разрешал селиться иностранцам. Вообще-то «отель» было не совсем подходящее слово для этого заведения. С провозглашением независимости главная гостиница города выродилась в ночлежку. Её преимущества заключались в том, что здесь была своя дизельная электростанция и автостоянка.

По мнению Шеннона, директор гостиницы Жюль Гомез был свой человек. В последние дни Французского Алжира, он продал свой процветающий бизнес по производству сельхозтехники. С вырученными средствами он перебрался во Францию, но год спустя понял, что не сможет жить в атмосфере Европы, и стал присматривать себе другое местечко. На свои сбережения он приобрёл в Кларенсе самый шикарный отель и существенно улучшал его год от года. В 1828 году, когда полуостров был аннексирован голландцами, новенькая гостиница получила название «Амстердам». При них истинными хозяевами города оставались метисы, побочный результат португальской колониальной политики. В них смешалась кровь арабов, португальцев и индийцев. На протяжении столетий они были полновластными хозяевами на полуострове, а на побережье жили чернокожие жители из племени бакайя. Они строили травяные хижины и разводили тощий скот, который с завидным упорством истребляли местные паразиты и хищники. С ними метисы завели меновую торговлю и воевали.

На протяжении веков не раз и не два до полуострова доносился угрожающий барабанный бой, а джунгли заволакивались дымом – это горели туземные деревни. В Кларенсе возникали и разорялись торговые дома, которые вывозили в Европу слоновую кость, каучук и, конечно, чёрное дерево. Вслед за ними на побережье была построена первая католическая миссия. Вдали от побережья, в джунглях за горами, жили племена винду, переселившиеся из глубин Африканского континента. Они появились незадолго до прихода голландцев, и обрабатывали те небольшие клочки земли, которые им удавалось отвоевать у джунглей. Каждые три-четыре года они бросали это место и перебирались на новое. Метисы предоставили винду самим себе.

В середине прошлого века при негласной поддержке голландцев за Хрустальными Горами возникла военно-торговая империя. Её возглавил некий араб с Анжуана по имени Мурат. За семь лет он подчинил всех бакайя и большую часть винду. Благодаря обучению во французской школе Мурат хорошо знал, как надо вести себя с белыми. Став повелителем обширной территории, он запретил работоторговлю и объявил христианство своей официальной религией. В Кларенсе и на побережье велась меновая торговля: за слоновую кость и каучук расплачивались каменной солью и патронами, хотя имели хождение восточноафриканские шиллинги, гульдены, колониальные франки, талеры Марии Терезии и индийские рупии. Мурат всячески поощрял приток в страну миссионеров, и вскоре в его ставке появилось целых три епископа: англиканский, католический и лютеранский. Вслед за ними потянулись многочисленные секты: квакеры, моравские братья, баптисты, мормоны... Все они безбедно существовали на благотворительные пожертвования. В результате в казну непрерывным потоком пошли деньги, да и репутация Мурата за границей значительно укрепилась.

Год за годом торговля колонии хирела и, естественно, перестала интересовать метрополию. В 1873 году голландские колонии в Африке были проданы англичанам. В канун их высадки отель сгорел дотла, но затем был выстроен заново и переименован в «Викторию». После Берлинского конгресса Зангаро, как и некоторые другие территории Африки, сменила владельца. Вывеска над дверью была спешно перекрашена и читалась уже как «Роял». Когда в начале XX века в метрополии произошла революция, Кларенс, будучи главным портом протектората, стал формально считаться частью владений туземного царька, живущего где-то в джунглях. В ту пору владельцем отеля оказался ливанский армянин, чудом избежавший турецкой резни. Он перекрестил отель в «Империал», но в этот раз оно продержалось недолго.

Результатами правления Мурата стали такие нововведения как водопровод и электричество, которые функционировали асинхронно. Однако для полной реализации проектов как всегда не хватило средств. По этой причине в Кларенсе водопроводом считалась локальная сеть, привязанная к трём водонапорным башням. При перебоях электричества, которое после получения независимости, подавали всё более хаотично и только на несколько часов в сутки, насосы не работали, и вода в кранах через некоторое время исчезала. Поэтому в отеле появился первый в стране дизельный генератор. Спорадические попытки модернизации страны, предпринятые наследниками Мурата, привели появлению в Кларенсе интернациональной общины. Она состояла из различного рода авантюристов, коммивояжёров и лиц без гражданства. Они почти полностью вытеснили метисов из сферы торговли.

В правление внука Мурата страну опустошили две межплеменные войны. В результате последней династия прекратилась, а протекторат перешёл под опеку Лиги Наций. Страна была настолько бедна, что ни одна из великих держав на неё не позарилась. Во время Великого Кризиса территория протектората была окончательно объединена с колонией, а его границы обрезаны наподобие спичечного коробка. Второстепенное европейское королевство ухватилось за бесполезную территорию в надежде разбогатеть, и отель возвратил свое прежнее название «Роял».

В предвоенное десятилетие он был местом встреч колонистов. Одни из них ещё в двадцатые годы заложили на побережье плантации кофе, какао и кокосовых пальм, другие занимались разведением хлопка и безжалостной вырубкой тропических лесов, которые покрывали западные склоны Хрустальных Гор, третьи торговали... Эти господа регулярно получали так называемые «розовые билеты» от своих жен, которые отпрашивались у супругов на вечер для того, чтобы провести его в «Рояле» с каким-нибудь красивым туземным мальчиком. Говорят, что в нём во время своих путешествий останавливались Ивлин Во и Грэм Грин. Время шло. Один за другим белые колонисты были сражены жарким, влажным климатом и мошкой. Книги необходимо было окуривать каждые полгода, а бедняжки-жены с наполненными слезами глазами уже давно бросили все попытки устроить уютные виллы на своих плантациях. Поэтому семьи колонистов были вынуждены постепенно перебираться поближе к берегу. Кто в Кейптаун или Бразавиль, кто в Брюссель или Париж, и, наконец, в «Резидент-отель» в Лондоне. Там они продолжали влачить свое существование, играть в бридж и вспоминать старый добрый отель «Роял».

В 1945 году наследники армянина продали отель какому-то экстравагантному американцу. Он его полностью снёс старое трёхэтажное здание и на его месте перестроил новое четырёхэтажное, перекрестив в «Рузвельт Хилтон». Несмотря на длиннющие и мрачные коридоры, минимализм и убожество планировки, отель считался самой престижной гостиницей в Кларенсе. С её крыши открывался вид на океан, а к услугам тех, кто не боялся заразиться холерой или тифом, на ней имелся даже бассейн. В 1963 году он вновь получил название – «Эксельсиор». С 1965 году администрацию отеля стал страдать привлечением к судебной ответственности король Макензуа Второй, владелец отеля в Уарри, который имел такое же название. Это было одной из причин, по которой владелец переуступил гостиницу Гомезу. Тот сменил название отеля, в который уж раз за свою историю, на «Экселенц».

Отель оставался излюбленным местом для колониальных чиновников даже после строительства ещё одной убогой бетонной коробки, получившей название «Бристоль». В ней по сей день было двадцать восемь номеров – деревянных стоил, раскрашенными в розовый, зелёный, голубой и серый цвет, и две душевые. Это заведение оказалось столь неудачно расположенным, что его владелец, немец по национальности, быстро его продал семье Вонг и стало местом проживания местных торговцев и сменил своё название «Насьональ».

Когда колония получила независимость, Гомез сменил название своего заведения на «Индепенденс», но это ему не помогло. Вскоре хозяев обеих гостиниц информировали о том,

что отель будет национализирован, и ему будут платить в местной валюте. Француз, впрочем, как и его конкурент-китаец, согласились занять должность управляющего, надеясь, вопреки всему, что когда-нибудь все снова изменится к лучшему. Гомез рассчитывал, что ему и хоть что-то останется от его единственного имущества на этой планете, чтобы обеспечить ему старость. В качестве директора он занимался приемом гостей и обслуживал бар, где с ним познакомился Шеннон.

Два европейца с морским загаром поднялись по ступенькам крыльца на широкую, с деревянным полом веранду, которая обегала вокруг всего отеля. Над стойкой портье едва трепетал огонёк керосиновой лампы. С каждой секундой воздух в холле отеля постепенно нагревался, поскольку кондиционер не работал.

– Извините, господа, ежедневная поломка электросети, – встретил их у входа портье. – Через несколько минут хозяин запустит дизель. Одну минуту!

Секунд через пятнадцать после слов портье, словно по волшебству загорелся све, закрутились вентиляторы и зашипел кондиционер. Из бокового помещения вышел европеец чуть старше пятидесяти лет. Он был невысокого роста, коренаст; его черные волосы были коротко подстрижены. Его живой и умный взгляд сразу расположил к нему гостей:

– Жюль Гомез, директор, – любезно представился на английском он и сразу же пошутил. – Что вам угодно?

– Мы бы хотели пообедать...

– Прошу Вас, мсье, следуйте за мной, – Гомез сразу перешёл на родной язык, признав в Лангаротти соотечественника. – Вместо того чтобы по-честному отдать Богу душу, электростанция Кларенса прибегает к ежедневному отключению электричества.

Постоянно оглядываясь, наёмники пошли вслед за директором. Внутри, в медном полумраке вестибюля, можно было разглядеть плетеные стулья, расставленные вокруг низеньких темно-красных полированных столиков, причем над каждым из них висела лампа под украшенным бисером абажуром. За ними располагался зал, который имел отдельный выход на веранду. Очевидно, что он использовался для того, чтобы выбрасывать вон слишком загулявших или нежелательных клиентов. В глубине располагалась барная стойка, светлое пятно, находящееся на стене за ним, говорило о том, что оттуда недавно сняли картину или портрет. Справа от него наверх взбегала деревянная лестница, а за ней располагалась открытая дверь, которая вела в столовую отеля. Как в европейских туалетах, пол и стены столовой были выложены белым кафелем, а маленькие столики были накрыты клеенками. В глубине зала стоял бильярдный стол. Когда-то он был центром местного общества, но с отъездом знатоков пребывал в забвении. В начале семидесятых уже мало кто помнил правила карума, а набор шаров не позволял играть привычную пирамиду. Когда Жан и Курт вошли в бар, он был почти пуст, поломанные стулья без спинок окружали покосившиеся столики. За стойкой бара, прямо под голой лампочкой, виднелась засиженное мухами и вконец потрескавшееся зеркало. На стойке было несколько стаканов из толстого стекла, но бутылок нигде не было видно. Под потолком болтался вентилятор, напоминавший пропеллер самолёта. Он судорожно, конвульсивно подергивался, пытаясь разогнать спёртый воздух. Несмотря на его потуги, в помещении было душно.

Винная карта также не вызывала энтузиазма: помбе, мерисса, пара сортов пива африканского розлива, пальмовое вино, кубинский ром, арак различной крепости и подозрительного вида виски. В меню, помимо местных блюд, значились: антрекот, фрикасе, бефстроганов и филе тунца. Со слов Шеннона приятели знали, что меню в «Индепенденсе было обязательным. По утрам: корнфлекс или порридж-овсянка, яйца вареные или жареные, с сосиской или с ветчиной. Ещё можно заказать жареную селедку. И, конечно, тосты, джем, плохой кофе. Масло местного производства – солёным. Обеды здесь были такие же безвкусные – порошок суп «магги», жёсткая говядина или козье мясо с приправой из консервированных овощей, непо-

нятно из чего сделанное желе и водянистое мороженое. И только по большому благу можно было рассчитывать на дичь или оленину, а иногда и свинью.

– Проходите, мсье, к сожалению, вы попали к нам не в лучшие времена. На прошлой неделе здесь хорошо повеселились президентские гвардейцы и пока не расплатились за это, – такое пояснение запущенности внешней обстановки бара последовало от худощавого и лысого человека, который стоял, опираясь локтями о стойку бара. Его голубая рубашка и джинсы находились в таком состоянии, как будто он не снимал их с себя несколько недель. – Позвольте представиться, Жюль Гомез, бармен и, по совместительству, директор.

Бывшему владельцу, а ныне директору отеля «Индепенденс» было немногим больше пятидесяти лет. Это был типичный «пиед нуар». В душе он с большим предубеждением относился к неграм. Независимо от их политической ориентации он их всех делил на две категории: мелких жуликов и грабителей с большой дороги. Три месяца назад, он приставил к Шеннону своего соглядатая, мальчика лет десяти по имени Бонифаций. Только позже Кот понял настоящую причину – Гомез оказывал подобную услугу всем своим гостям, хотели они того или нет. Если иностранного туриста почему-либо арестуют и отвезут в участок, мальчишка через кусты рванет к Гомезу и все расскажет. Он, в свою очередь, доведет информацию до швейцарского или немецкого посольства, чтобы кто-нибудь начал переговоры об освобождении, пока арестанта не забили до полусмерти.

Внезапное появление Жана и Курта в единственном отеле Кларенса вызвало настороженный интерес как у директора, так и завсегдатаев бара, не решавшихся покинуть отель.

– Что вы пожелаете? – Гомез подвёл наёмников к столику у стены.

– Пива и что-нибудь пожрать, – в лоб заявил Курт на своём корявом французском. – Я голоден как волк.

– Прошу, мсье, присаживайтесь. Выбор у нас не богат, но вы будете довольны. У нас есть свежий «Примус».

– Я предпочитаю «Кроненбург», – заявил Лангаротти.

– Увы, он у нас кончился... – вежливо сказал Гомез.

– Хорошо! Давай «Примус»!

– И пару антрекотов, – Жан уловил доносившийся с кухни слабый аромат жареного мяса.

– Сию минуту, мсье! Могу предложить Вам жареную свинину и дичь...

– Давай свинину!

Не успели наёмники усесться за столик, как к ним подошёл лысоватый мужчина небольшого роста, одетый в поношенный костюм для сафари. Его выцветшие голубые глаза вызывающе блестели из-за стальной оправы очков, а непомерно большой, обожженный до красноты нос задорно морщился.

– Позвольте представиться, Борлик, Вильк Борлик, охотник и коммерсант, – вежливо сказал он и поставил на стол пару «Кроненбурга». – Вы позволите присесть.

– Присаживайся, мы не против. Не так ли, Курт? – Жан подмигнул Земмлеру. Немец кивнул, уткнувшись в меню.

– Выпьем!

– Выпьем!

– Я слышал Вы заказали свинину! Сегодня у здесь очень разнообразное меню.

– А что так?

– Ну, во-первых, у меня вчера была удачная охота. Я притащил нашему хозяину трёх индеек и муравьеда...

– Так вы охотник?

– Да, – пан Борлик выпятил грудь, а потом ехидно улыбнулся и продолжил, – а, во-вторых, сегодня под колёсами машин погибли несколько свиней

К тому времени, как были опустошены пятнадцать банок «Примуса» – за счет Жана, – наёмники уже знали, что их новый знакомец родом он был откуда-то с Карпат, что перебрался он сюда ещё в тридцать пятом году. Будучи еще юнцом Вильк начитался книжек Буссенара, Жюля Верна и Конрада. Теперь он жаловался на то, что мэтры пера нагло обманули его. Местное солнце опалило его редкие волосы и выдубило кожу.

– Наверное, Буссенар писал специально с той целью, чтобы его читатели не узнали правду об Африке, – распаялся папаша Вильк. – Ведь читателям что было нужно? Им подавай честных и преданных слуг из числа туземцев, которым неведомы понятия «обман» и «предательство», которые вечно будут обмахивать тебя пальмовым опахалом при свете луны на пляжном пикнике. Им подавай смуглых служанок, у которых груди размером с кокосовые орехи и которые будут вечно покачиваться перед твоими глазами. Почитатели Майн Рида и Буссенара не хотели и слышать о мошке и инфекциях, о жаре, которая душит тебя почище любой веревки. Они до сих пор не верят в то, что у здешних женщин груди похожи на бурдюки, из которых вылили предварительно всю воду.

– Подтверждаю, что многие жители Зангаро – люди очень симпатичные, если не сказать добрые. Однако, никто ещё не сумел их убедить в том, что активная деятельность намного полезнее безделья, – засмеялся Алекс, – а умение клянчить, важнее желания работать.

– Курва! Здесь мне всё надоело! – патетически воскликнул вдруг пан Борлик, воздев руки кверху.

Подвыпивший Курт подвинул еще одну банку с пивом к этому говорливому поляку и спросил в лоб:

– Тогда что тебе мешает вернуться обратно на родину?

– Куда? В Закопане? Здесь Кимба только грабит, ну может немного побьёт, но всё же чувствуешь себя белым человеком, да и заработать можно. А там меня ожидает и то, и другое, да ещё ограбят и мозги все попарят байками о социализме, что всё так и надо!

– Какие страшные твои Закопаны, – ехидно улыбнулся Земмлер.

– Они не страшные, они красивые. Это в Польше сейчас страшно. Вообще для Европы я уже непоправимо отощал, слишком постарел и вообще сломался. В Западной Африке я подметил только две хорошие вещи. Во-первых, жизнь дешевая. А во-вторых, не надо платить деньги за курорт у моря. Но если бы этот старый козел Буссенар был бы еще жив, я бы все отдал за то, чтобы только придушить его. Не люблю писак... – Борлик кивнул в сторону сухощавого мужчины с выгоревшими льняными волосами, который, пристроившись в углу, что-то черкал, кажется, стенографическими знаками, в свой блокнот для рисовальной бумаги.

– Это Алекс. Приехал в Кларенс на Праздник Независимости. Работает из Уарри сразу на несколько парижских газет. Кроме того, сотрудничает под другим именем с целой сетью американских изданий, не говоря уж об «Ассошиэйтед Пресс» и «БиБиСи». Бедняге приходится каждый материал переписывать четыре раза, и каждый раз по-новому. Небось писательская чесотка замучила.

Алекс воспринял тираду Борлика как должное. Было видно, что они давно знакомы:

– Ты опять за старое, папаша Вильк, – добродушно заворчал он. – Не волнуйся, не замучила. – Журналист бросил ручку, встал, потянулся и почесал свою грудь, обросшую спутанными, рыжими, как у викинга, волосами, которые топорщились из-под распахнутого ворота рубахи. У него был взгляд человека, который вполне был способен выпить стакан пива, купленного другим, а потом описать его в четырех разных материалах как бокал с двойным виски.

– Вы к нам надолго, господа? – обратился он к наёмникам. – Меньше слушайте этого старого пердуна, Виля. Скажу по секрету, он – браконьер. Снабжает хозяина нашего шалмана Гомеза свежей дичью. А ещё он обдурит любого туземного торговца, всучив ему нейлон вместо шёлка, а тушёнку вместо консервированной ветчины.

– Не любишь ты меня, Алекс, – произнёс Борлик, картинно протянув к нему руки. Журналист не понял шутки, и возмущённо уставился на торговца.

Тот как ни в чём не бывало продолжал. – Ты что не знаешь, чем я промышляю? Я прослышал, что сегодня должен прийти пароход из России...

– Не придёт, – перебил его захмелевший Земмлер. – Порт закрыт...

– Откуда Вы это знаете, – ухватился за его слова журналист.

– Знаю, и знаю. – продолжал брюзжать Курт. – Я много чего знаю!

– Мы тут по коммерческой части, – попытался перебить коллегу Жан-Батист. – Сегодня в обед приехали на машине. Привезли мужское бельё и обувь.

– Из Уарри? – не унимался Алекс.

– Его самого, – промямлил Курт.

– Вы что, начитались О’Генри? Кто здесь носит бельё или обувь? – едко заметил Борлик. – Даже солдаты здесь зачастую ходят босиком. Вот старожилы рассказывали, что в 1924 году аскари съели за один присест тысячу пар сапог.

– Да вы что? Не может быть! – картинно воскликнул Жан-Батист, пытаясь сменить тему разговора.

– А где вы останавливались в Уарри? – продолжал допытываться Алекс.

– Господа, ваше жаркое, – Гомез поставил на стол два прожаренных куса говядины, заправленных овощами и рисом. Не обращая внимания на собеседников, Курт и Жан набросились на еду. Это дало им возможность не отвечать на неудобный вопрос Алекса.

– Позвольте поинтересоваться, вы надолго в наши края? – после некоторой паузы повторил вопрос Гомез.

– Пока не знаю, это вряд ли, – начал было Курт и осёкся, когда Жан его незаметно ткнул в бок. В баре повисло молчание. С отсутствующим видом папаша Вильк, взяв в руки банку пива, подошёл к музыкальному автомату и, бросив монетку, стал выбирать мелодию. Алекс многозначительно молчал, а Гомез сделал вид, что протирает бокал.

После того как мелодия отыграла, пан Борлик стал вертеть рычаг настройки своего транзисторного приемника. Стул, на котором он сидел, каким-то чудом еще сохранил четыре ножки-обрубка, но шатался так, что, сидя на нем, нельзя было даже вытянуть ноги, так как в любую минуту можно было благополучно растянуться на полу. Сначала слышалось только шипение и какие-то неразборчивые восклицания, наконец, удалось поймать мрачную военную музыку. В приемнике послышался вдруг какой-то душераздирающий вопль, музыка пропала, и дальше слышалось лишь ровное гудение. Борлик попытался вновь поймать частоту, но с первого раза ничего не получилось. Желая разрядить обстановку, Гомез обнадёжил старика:

– Радио твое накрылось, но мальчик миссис Вонг тебе его живо починит. Кроме него, никто не сможет. – Несмотря на увещевания директора отеля, папаша Вильк продолжал крутить ручку настройки. Алекс пояснил:

– Ронни Вонг – один из двух настоящих радиомастеров в Кларенсе. Кстати, в этом кроется одна из тех причин, по которым Вонги пользуются здесь таким влиянием. Бакайя ни бельмеса не соображают в технике, так что Ронни является единственным местным наладчиком всякой аппаратуры. У него нет конкурентов.

Гомез кивнул, соглашаясь с журналиста:

– Он просто втыкает новые батарейки в транзисторы, заливает масло в пересохшие моторы и заклеивает проколы в колесах велосипедов. А иначе туземцы уже давно выкинули бы все на помойку.

– Понятно!

– Во второй раз мистер Вонг уже поступает хитрее, – продолжил свой рассказ Гомез. – Он говорит, что аппарат уже окончательно сломался. Туземец идет покупать новый велик или швейную машину, а Рон быстренько чинит сломанную вещь и перепродает ее другому.

– Можно сказать, что Ронни осуществляет круговорот хлама в природе! – папаша Вильк захохотал.

– Это интересно! – сказал Курт. – Сели батарейки в приемнике – тащи его на свалку, проколоти шину – долой весь велосипед. Копи на новый! Я хочу здесь открыть бизнес! Дайте адрес этого виртуоза!

– Его найти проще простого! Отель «Насьональ» – вотчина мадам Вонг.

– У вас здесь есть конкуренты, Жюль? – вмешался в разговор Жан.

– Не совсем, не совсем... – угрюмо промычал директор отеля. – Всё здесь собственность народа...

– В «Насьонале» белые никогда не останавливаются, – вновь пояснил Алекс. – там место для арабов, греков и прочих цветных...

В этот момент Борлик наконец поймал по радио что-то членораздельное. Военный марш резко прервался. Стали раздаваться какие-то крики и свист, и вдруг объявили о выступлении доктора Окойе. Голос по радио звучал торжественно и мощно. Создавалось впечатление, будто он хотел уверить слушателей в том, что смотрит не на студийный микрофон, а на просторы земли обетованной. «Правосудие... Справедливость... Свобода... Храбрые борцы за свободу... Не могу игнорировать голос народа... Поэтому с готовностью иду на... ответственный шаг занятия поста президента... Временная жестокость до проведения демократических выборов... Социальные и экономические реформы...»

– Господи, обычная болтовня, – зевнул Борлик. Он выключил приемник, и туман обещаний, навеянный речью из радиоприёмника, стал потихоньку рассеиваться.

– Эй, ну ты, хорош! Я же слушаю! – запротестовал журналист. – Включи снова свою шарманку...

Жан воспользовался моментом и поманил Гомеза к стойке бара, показывая, что хочет расплатиться. Он невзначай подошёл к бильярдному столу и, осмотрев набор шаров, предложил сыграть в карамболь. Директор отеля был приятно удивлён: мало кто знал правила этой старой французской игры. После этого, войти в доверие к директору отеля было бы нетрудно. Во время партии Жан невзначай упомянул старых друзей и товарищей, служивших ранее в Легионе, парашютных войсках или членов ОАС.

Тем временем, размеренный, но взволнованный голос Окойе заполнял всё помещение бара. Он сообщил о том, что приближающееся воскресенье объявляется праздником. Сначала состоится религиозная церемония принесения небесам благодарения за избавление страны от кровавого президента Кимбы, а затем будет обильный и бесплатный пир из свинины и пива. Сразу после выборов новый президент будет навещать деревни. Каждый шаман получит великолепный красный телефонный аппарат из пластмассы, а староста деревни – наручные часы. Программу Комитета Национального Спасения Вы услышите позже!

– Толково, – ни с того, ни с его стал комментировать речь Окойе папаша Вильк. – Никто из туземцев даже не замечает парламент. Народные избранники сидят на Площади Победы с сережками в носах и ни черта не делают. Все решения на местах принимаются вождями и старостами, а они штампуют указы Кимбы, которые не имеют никакого отношения к племенной жизни. В том числе и решения, по которым положено голосовать. А на них, в свою очередь, влияют шаманы и знахари. Это я вам говорю, это уж вы будьте спокойны.

– Ради Господа Бога, заткнись! – взревел журналист. В эту самую минуту Окойе стал к сведению заморских слушателей повторять свое выступление на хорошем английском языке. Голос его звучал ровно и звучно.

– Сразу видно, профессионал, – произнёс журналист. – Где-то я слышал это имя...

– Моя очередь платить, – громко объявил папаша Вильк. – А теперь послушайте меня! Этот Окойе так себя ведет, как будто он бог. Смотрите. Сначала он объявляет о праздновании Дня Избавления, затем он поясняет, что посетит каждую деревню. Старейшинам, священни-

кам и знахарям раздадут телефонные аппараты. Даже, если у него не будет настоящего аппарата, он воспользуется воображаемым.

– Для чего? – спросил Курт.

– Поболтать лишний раз с богом. Все негры считают, замечают, что белые обычно сначала сидят за этими штуками и только потом принимают решения, – пояснил Алекс. – Учение пророка Харриса. Был такой проповедник в предвоенные годы, либериец по происхождению. Полвека назад один из его последователей назад основал в Туреке свою миссию...

– После того, как его прогнали англичане и французы...

– Да, до этого он проповедовал на Золотом Береге, а затем – Береге Слоновой Кости, потом ещё где-то. Однако, только здесь в Зангаро учение Харриса обладает реальным влиянием.

– Не может быть?

– Может. Даже Кимба их опасался. У него здесь тысячи последователей среди бакайя. Особенно после того, как у них стали отбирать землю под какао...

– Несомненно миссия пророка Харриса – самый крупный землевладелец в долине Зангаро, – поддержал журналиста папаша Вильк. – Даже сейчас она неплохо зарабатывает на своих плантациях. В Туреке могущество миссии очень велико: одним из его вещественных воплощений является грузовик. Второй грузовик принадлежит торговой фирме, которую я представляю. На её номерном знаке стоит крупная двойка для того, чтобы жандармы не спутали...

– И как бакайя жили во времена протектората?

– Да просто. Переходили со своими тощими козами с место на место, сплетали из травы хижины. Работали на плантациях и лесоразработках.

– А что тут рубили лес?

– Я учёных названий не знаю. Раньше вывозили морейру, такулу, толу чёрную и белую, лимбу, кибабу и ундиануну, а менгаменга служила для постройки мостов. Рубить её – адский труд! Бакайя там дохли, как мухи...

– Они ни разу не выступали?

– Насколько я знаю, нет. Вот винду – это другое!

– Какие они?

– Эти живут группами по десять-пятнадцать-двадцать семей, питаются, в основном, маниоккой и дичью. Высушенное мясо они иногда продают. Если их кто-то примучивает, то они уходят в другое место. Выжигают кусок джунглей, строят сензалу и живут на пожоге до тех пор, пока он даёт урожай маниока и арахиса. Земли в джунглях много, но взять её было непросто. Если сензала переселяется на новое место, то родственники со всей округи приходят на рубку и корчевку. После этого каждый из них может рассчитывать на помощь клана. Землю мотыжат у них бабы, а мужики ходят в лес. Молодые парни живут отдельно от всех. Поговаривают, они могут завести семью и стать мужчинами только после того, как выследят и убьют хищника или человека...

– И как часто они это делают?

– Что?

– Как что? Охотятся на хищников и себе подобных!

– Всегда. Именно таких Кимба набирал в свою армию...

– Папаша Вильк у нас большой знаток местных нравов, – ехидно заметил Алекс. – Небось сам баловался человечинкой, а?

– Сам я, конечно, не ел, но как-то раз присутствовал на подобном мероприятии.

– Расскажи, – Курт поставил перед рассказчиком пиво, – мне интересно!

– Было это лет десять назад в деревне Таканга, что расположена в устье реки Зангаро. Я тогда бил дичь для лесозаготовительной концессии. Охота была удачной, и я договорился со старейшиной сензалы, что он даст мне носильщиков для переноски добычи. Прихожу я за

ними и вижу: готовится какое-то празднество. При свете костра юные девушки сидят по краям центральной площадки и мажут маслом свои волосы, притворяясь, что не замечают сидящих напротив юношей. Те, в свою очередь, аккуратно разукрашивают свои лица желтой и белой глиной. Ну, думаю, праздник инициации, сейчас оторвусь. Подхожу к старейшине и знаками показываю, можно поприсутствовать. Тот как-то странно посмотрел на меня и кивнул. Сижу, наблюдаю: группа женщин выкопала неглубокую канаву в шесть футов длиной и заполнила её сухими дровами. Они разожгли огонь в этой канаве и набросали камни размером с кулак. Тут я увидел этого бедолагу. Не знаю где они его взяли, но он был явно не из местных. Его полностью обнажили и связали, а потом осторожно завернули в банановые листья. Не могу точно сказать был он жив или мёртв, но, точно, не шевелился. Когда от костра остались красные угли, одна из женщин распоролла тело от груди до низа живота. Другая с помощью деревянных щипцов набила тело горячими камнями из костра. Пламя почти угасло, на костер сверху положили большие камни и крупные банановые листья; поверх всего положили тело. Оно было обложено горячими камнями, затем труп забросали землей. Женщины превратили все кострище в аккуратный холмик. Тут юноши начали своеобразный танец, а женщины вернулись к кострищу, земляной холм на котором набух и поднялся. На поверхности появились маленькие трещинки; дразнящие, наполняющие рот слюной запахи носились в воздухе.

– Ну ты горазд рассказывать! Тебе бы книги писать про Африку, – воскликнул Алекс.

– А может и напишу, – огрызнулся Вильк и продолжил. – Тут женщины присели и стали разгрести землю. Они пели веселые песни, аккуратно вынимая тело. Оно не было обгоревшим или поджаренным, так как готовилось в собственном соку и в процессе приготовления не претерпело изменений. Думаю, родичи смогли бы легко опознать этого беднягу. Я видел карие глаза мертвеца: они были тусклыми и широко раскрытыми. После того, как его разделали перед вождём положили традиционную долю – правую руку. Потом началось пиршество...

– Бррр! И ты не донёс властям?

– А зачем? Они всё равно ничего не сделают, а мне это только повредит в отношениях с туземцами. Я ведь бью дичь в Таканге почти каждый год.

– А что тут водится из живности? – спросил Курт.

– Крокодилы, боа, дикобразы, кабаны, леопарды, дикие ослы, козы, гориллы, иногда слоны забредают...

– А, правда, что местные девушки живут с гориллами? – спросил Алекс.

– В окрестностях Таканги живёт три семьи горилл. Так вот, молодёжь из деревни ходит с ними драться. Сам видел. Эти животные честны в бою: они не трогают лежачих. Но если она упала, то и ты её не трогай!

– Так как насчёт девушек?

– Не знаю. Я только видел, как связанную гориллу притащили в сензалу. Вождь сказал, что юноши захватили её, чтобы вызвать восхищение у девушек.

– А что было потом?

– А ничего. Девушки пришли, посмотрели на неё, потом её развязали и отпустили на волю...

Пока папаша Вильк травил байки, Гомез и Лангаротти разыграли вторую партию в бильярд. В ходе неё они разговорились и нашли нескольких общих знакомых по Алжиру. Партию прервал вызов рации: Шеннон сообщал, что подъезжает к Кларенсу. Лангаротти с большим сожалением прервал игру. Размякшие от обильной еды и пива наёмники в сопровождении Гомеза вышли на веранду. Солнце клонилось к горизонту, жара спадала. Патрик и его люди тоже не теряли время даром. Они расположились на веранде и потребляли помбе и арахис в огромных количествах. Гомез подозрительно косился на них, но Жан пресёк его сомнения, протянув ещё две тысячных купюры:

– Мы должны идти, но обязательно вернёмся. Заверни-ка пару бутербродов с для нашего шефа.

– Минутку, – Гомез скрылся в подсобке и вынес оттуда корзинку, набитую разной всячиной. – Вот! Я уже приготовил.

– Спасибо, пока!

– До встречи!

Бодрым шагом наёмники вернулись во дворец, где их уже поджидал разъяренный Шеннон.

ВЕЧЕР

Доктор Вайянт Окойе не впервые выступал по радио. В 1967 году он предложил свои профессиональные услуги правительству Биафры и получил чин майора медицинской службы. Однако, вскоре его таланты потребовались на информационном фронте и вскоре он получил один из ведущих постов в руководстве БОФФ – Организации борцов за свободу Биафры.

– Дорогие соотечественники,– вещал доктор. – Коммунистический режим Жана Кимбы пал, а кровавый диктатор убит. Страну возглавит Комитет Национального Спасения Зангаро, представляющий все народы Зангаро. Сегодня 13 июля 197... года я приступаю к исполнению обязанностей президента согласно конституции Зангаро и на основании полномочий, предоставленных мне вице-президентом Алом Шинрой. Я заверяю, что в течение двух месяцев Комитет Национального Спасения передаст власть законно wybranым парламенту и президенту. В связи с полномочиями, предоставленными мне объявляю о том, что:

первое, на территории Республики восстанавливаются все гражданские права и свободы,

второе, все сторонники коммунистического режима Кимбы, перешедшие на сторону Комитета Национального Спасения до 14 июля в 16:00, получают амнистию;

третье, немедленно распускаются следующие военные формирования Республики: президентская гвардия, секретная полиция и армия;

четвертое, все национализированные без должной компенсации объекты собственности будут возвращены прежним владельцам;

пятое, все жандармы, уволенные в запас, в течение недели должны явиться в органы Комитета Национального Спасения;

шестое, иностранцам и беженцам, проживающим на территории страны более года, предоставляется гражданство;

седьмое, защиту республики впредь будут осуществлять корпус жандармов и гражданская полиция;

восьмое, все лица не состоящие на службе республики должны немедленно сдать боевое огнестрельное оружие, – закончил он.

Новый глава Зангаро повторил своё выступление на трёх языках: сакайя, французском и английском, с каждым разом увеличивая масштаб обещаний. Конец выступления услышал Шеннон, возвращавшийся с границы. Последний пункт декларации вызвал у него недоумение. Он прибавил скорости и подъехал ко дворцу.

Сквозь широко раскрытые ворота угрюмые, оборванные зангарские солдаты выносили пестрые узлы. Вокруг стояли автоматчики. Их поспешно складывали на широкую и длинную платформу, прицепленную к оранжевому трактору. Затем какой-то офицер махнул рукой, трактор загудел и поехал. Люди побрели следом за ним. Их сопровождали автоматчики во главе с командиром. Шеннон узнал в нём одного из подчинённых доктора:

– Избавляетесь от покойников Слит?

– Да, мсье, – он неловко попытался отдать честь.

– Куда их?

– На кладбище...

Пропустив трактор и сопровождавших его людей, Шеннон въехал во двор Резиденции. Каково было его удивление, когда он не обнаружил своих компаньонов на месте. Наёмник пытался выяснить где они у Тимоти, но тот только пожимал плечами. Барти был более разговорчив: он рассказал, что его компаньоны скоро будут. Действительно, они появились во дворе резиденции несколько минут спустя: оба компаньона в светлых костюмах в сопровождении пары автоматчиков в камуфляже.

– Где вас черти носят, – прикрикнул на них Шеннон. – Я вас обыскался.

– Ходили пообедать... – с вызовом произнёс Курт. – Мы своё дело сделали...

– Вы что с ума сошли! Вы же нас засветите! – Шеннон увлѣк коллег в здание.

– Не бойся, командир! Мы зашифровались. Да и Гомез нас не выдаст – наш человек, – начал оправдываться Жан-Батист, когда они расселись на кухне. – Разве мы не закончили наши дела здесь?

– Я – нет! Вы после сегодняшнего – да!

Лангаротти стал выкладывать на стол бутерброды с ветчиной и сыром, которые прихватил у Гомеза. Шеннон непроизвольно взял один из них и стал жевать.

– Шеф! Ты же сам сказал, что в случае успеха нам полагается премия в полкуса в баксах, – начал Курт. – Ты ведь кинул заказчика, правда?

– Деньги – здесь не главное, – перебил Землера Лангаротти, выставляя на стол упаковку пива. – Кот объяснись...

– Ребята! – Кот вскрыл банку пива. – Чтобы вы знали, мы сработали в пользу генерала Оджукву. Он платить нам не сможет, но я остаюсь. Вы же получите всё, что я обещал. Родственники Дюпре и Вламинка – тоже. Сейчас тут такое начнётся...

– Почему ты мне ничего не сказал! Я же тебе жизнь спас! – Жан-Батист укоризненно посмотрел на командира.

– А зачем? Вы вряд ли тут засидитесь – местным властям Вам платить нечем.

– Не понимаю тебя, Кот! Хоронить себя здесь, в этой дыре? Война в Африке идёт повсюду. Работа нам всегда найдётся. Зачем ты остаёшься здесь?

– Я сыт по горло войной после Биафры. Здесь у меня есть возможность прекратить бойню и что-то исправить в этой жизни, – Шеннон осушил банку пива и потянулся ко второму бутерброду.

– Кот в чём-то прав, – раздумчиво произнёс протрезвевший Землер. – Нам здесь не заплатят. Извини шеф, я не готов работать на идею. Но если надо я тебе помогу...

– А кто сказал, что им нечем платить. Мы тут нашли казначейство Кимбы, – потянул Жан.

– Извините ребята! Я не хочу грабить эту богом забытую страну и вам не дам, поэтому улетайте отсюда первым самолѣтом.

– А «Тоскана»?

– Она ещё послужит Зангаро некоторое время.

– Может мы тоже на что сгодимся до отъезда? – произнёс Жан. – Ведь деньги – не главное, правда Курт. – Его товарищ согласно кивнул.

– Вам вряд ли много заплатят... Лучше я похлопочу о премии от правительства, – Шеннон доел третий бутерброд.

– Замѣтано, шеф!

– Тогда докладывайте обстановку.

– Я – первый, – произнёс Курт. – Радио в порядке. С Вальденбергом связи пока нет. Русскому теплоходу дал от ворот поворот. Санди и прочие раненые отправлены в госпиталь. Им обеспечат надлежащий уход. Всё!

– Кратко и ясно! – к Шеннону вернулось хорошее настроение. – А почему ты решил, что в госпитале тебя послушают?

– Я там разместил пост из трёх наших солдат.

– Понятно. Что у тебя, Жан-Батист?

– Посчитал оружие в винном погребе: вот список. Добавь к ним четыре единицы автоматического оружия, взятых в аэропорту: «скорпионы», «геве» и «солотурн». Судя по маркировке, их делали чехи на экспорт. – Он протянул командиру листок. – Нашёл там тайник: в нём ящик с золотом и кое-какие финансовые документы.

– Какие?

– Вот они, – Лангаротти протянул папку с золотым тиснением Шеннону и продолжил. – Патронов, годных к употреблению, набралось всего два ящика. Выстрелов к русскому лёгкому миномёту осталось штук пять. Вообще у нас оказался большой расход боеприпасов.

– Этого следовало ожидать.

– Все трофеи разобрали, – продолжал корсиканец, – к обоим восьмисантиметровым миномётам, взятым в аэропорту, не хватает опорных плит, десятков-другой трофейных винтовок в хорошем состоянии, кое-что из остального требует ремонта, остальное – хлам.

– А что представляет собой этот металлолом?

– Я же не оружейник. Починить винтовку могу, разобрать-собрать автомат или пулемёт – тоже, а вот так всё скопом – нет! Там на месяц нудной работы: надо перебрать несколько сотен ржавых винтовок ...

– ...?

– Тут нужен Горан, чтобы оценить их состояние. А он сейчас на «Тоскане». Лично мне кажется, что их разорвёт при первом выстреле...

– Кот, я тоже не хочу я возиться с железками! – присоединился к Жану Курт. – Давай мы лучше займёмся боевой подготовкой. Большинство этих горе вояк с трудом различают ствол и приклад! Патрик, Джинджи и остальные вряд ли сами управятся.

– Замётано. До ухода «Тосканы» в Европу вы будете взяты на оклад инструкторов. Долларов по двести в неделю я вам гарантирую. Вам надо будет за неделю сколотить отряд для операций в джунглях и обучить остальных обращению с оружием.

– Это мне больше по душе, чем считать железки вместе с Барти, – довольно ухмыльнулся корсиканец.

– Теперь перейдём к делу! Земмлер иди в радиорубку, обеспечь мне связь с Вальденбергом, а ты Жан отвечаешь за безопасность дворца. Бутерброды и пиво я возьму с собой наверх. Сейчас там начнётся первое заседание Комитета.

– Кот, подожди, – Лангаротти передал командиру красную папку и вкратце пересказал разговор в отеле.

– Спасибо, Жан!

Шеннон вошёл в зал заседаний. Пятеро членов Комитета уже сидели за столом, ожидая доктора Окойе. Пятеро колоритных африканцев сидели по обе стороны стола и представляли собой две противоположные стороны, два конкурирующих племени. В свое время все они были членами колониальной ассамблеи и в совокупности представляли восемьдесят три общины страны. Каждый из пяти делегатов являлся доверенным лицом племенной верхушки. Им не хватало образования, но в природной хитрости и смекалке им отказать было нельзя. По правую сторону стола сидели главы племени винду Адам Пир и Калин Верд. Формально они представляли самую большую часть настроения страны, живущих за Хрустальными Горами. Практически не могли контролировать даже за десятую часть из жителей Загорья, но этого было достаточно, чтобы их включить в Комитет. Прямо напротив них на другой стороне стола расположились вожди бакайя: Робер Кауна, Сэй Вашни и Айказ Фернандес. Кауна, маленький, тёмно-шоколадный человечек с густой седой бородой был абсолютно лыс. Он представлял

сплочённый, но немногочисленный клан, проживавший на севере Зангаро и, как говорили, юге Гвиании. Вашни, возглавлявший береговых бакайя, сидел и загадочно улыбался. Айказ Фернандес был главой миссии, носил сан епископа и будто-бы представлял всех бакайя-христиан.

Вождь или старейшина – это громкое слово, с которым у туземцев обычно ассоциируются представления о людях, окруженных ореолом реального либо призрачного величия. Те вожди, которых встречал Шеннон во время своей службы в Конго и Биафре, не вязались с традиционными для европейца представлениями. Это был обычно худой, изнурённый тяжким земледельческим трудом старик, внешне не отличимый от односельчан. Однако, те явственно ощущали невидимый барьер, между собою и главой деревни. Авторитетом вождя никто не смел пренебречь. Этот авторитет, как вскоре Шеннон узнал, питался многими корнями. Как правило, старшина деревни был потомком основателя деревни, того, кто когда-то первым пришел на эти земли, возделал его и собрал урожай.

Глава деревни устанавливает с землей неразрывную, вечно живую связь, от поддержания которой зависело процветание нового поселения. Духи умерших требовательны. В потустороннем мире они хотели жить столь же сытно и богато, как в родной деревне, и готовы были возмутиться малейшим проявлением невнимания. Их гнев мог быть опасен, и его боялись. Никто не был в состоянии лучше следить за нерушимостью этой связи, чем прямые потомки первооснователя селения. Считалось, что они находятся в непрерывном общении со всеми предками своей общины. Авторитет рода был основой власти старейшины.

Сильный, процветающий союз сородичей легко удерживал влияние на деревенские дела в своих руках, но, когда его ослабляли эпидемии, внутренние раздоры, войны, разорение, соперники поднимали голову. Возможность продвинуть на видный пост своего выдвигенца сулила заманчивые выгоды. Ведь именно вождь от имени всей общины приносил жертвы во время эпидемии, засухи или затяжных дождей: резал кур, закалывал коз или баранов. Найти человека, способного вызвать всеобщее уважение, было далеко не простым делом. От будущего вождя требовались острое чувство справедливости, врожденная доброжелательность и мудрость. Родовой совет иногда заседал неделями, чтобы выбрать достойного человека. Глава общины был быть не только хорошим воином и рачительным хозяином, но и дипломатом: временами ему приходится вступать в споры с соседями из-за земли или по другим поводам. Высокое умение требовалось также для приема наезжающих из города и часто вороватых чиновников. К власти нельзя допускать человека, который мог бы сломать уклад деревни своей жадностью, невоздержанностью, пристрастностью, нетерпимостью, легкомыслием или вздорностью своих решений.

По мере того как деревня разрасталась, вокруг вождя складывался совет, в котором были представлены все группы кровных родственников, все большие семьи общины, возглавляемые старейшинами. В своих скитаниях по Африке Шеннон не раз видел, как они собирались в тени раскидистого дерева, часто называемого «деревом совета». Вечером, когда спадал зной, они сидели на невысоком помосте часами обсуждали дела общины: перераспределение земли, раскладку налогов, время проведения общественных работ, организацию общинных праздников и ритуальных церемоний, конфликты. Вынесенное ими после неторопливого обмена мнениями решение принималось всеми крестьянами как закон. Такая же картина наблюдалась и на уровне племени. В прочности корней, питавших власть деревенских вождей, не раз убеждались колониальные администраторы. Они, естественно, пытались всюду насаждать «доверенных» лиц и часто ставили их над деревнями, не считаясь с местными традициями. В результате возникало странное положение, когда подлинный глава общины прятался за спиной колониального ставленника. Первый не смел открыто проявлять свой авторитет, тогда как второй ничего не мог шага ступить без его поддержки. Такое положение сохранялось годами, но постепенно менялось.

Со временем рядом со старыми фигурами вождя, знахаря, кузнеца, ткача даже в самых глухих деревнях стали появляться новые – мелкий чиновник священник, солдат, учитель, торговец, врач, шофер... Над ними не довлел авторитет общины, их не сковывала ни власть традиции, ни мнение окружающих. Будучи людьми более или менее образованными, с богатым жизненным опытом, они отвергали многие деревенские суеверия, сопротивлялись гипнозу страха перед миром духов природы и миром мертвых. Именно на эти слои опирался Кимба при захвате власти. И именно поэтому Бенъярду удалось найти аргументы, чтобы убедить наиболее авторитетных вождей обеих племён войти в состав Комитета Национального Спасения. Одним из немаловажных факторов было вековое соперничество между племенами.

Немного замешкавшись, Шеннон подсел к вождям винду, которых легко определил по специфическому внешнему виду. Он инстинктивно почувствовал, как присутствующие в комнате вожди излучают подозрительность, недоверие и антипатию, превышающие уважение к нему в десятки раз. Как только командир наёмников удобно устроился в своём кресле, дверь президентского кабинета раскрылась и в Зал Советов вошёл доктор Окойе. Его сопровождали лейтенанты Бенъярд и Пренк. Они расположились по обе стороны от председательского кресла. Окойе поприветствовал собравшихся, как старых знакомых, обмениваясь с ними рукопожатиями и кивками.

– Позвольте представить господа, – произнёс доктор, – мои помощники: лейтенанты Генри Бенъярд и Кзур Пренк. Господин Шеннон также будет временно участвовать в нашей работе на равных правах. Два наших члена, Хаджи Мишел и Дако Саранда, находится в Туреке с особым поручением, – доктор многозначительно улыбнулся. – Они вскоре присоединятся к нам. Как вы все знаете, один из них представляет речных бакайя, а второй – винду. Первое заседание Комитета Национального Спасения объявляю открытым. Мы должны представить всему миру только один прямой путь прогресса и процветания, по которому он поведёт тысячи слабых и растерянных жителей Зангаро. Слово предоставляю господину Бенъярду, который славно потрудился, чтобы нас всех собрать вместе.

Шеннон стал наблюдать за выступающим, стараясь понять его мотивы:

– Господа! Ваше присутствие на этом заседании означает, что Вы в полной мере осознаёте свою роль и готовы принять ответственность за нашу страну. В наши с Вами планы входит сохранение порядка и восстановление демократии. Первое будет сделано путём реорганизации государственного аппарата и формированием сил безопасности, а второе – проведением всеобщих выборов. Будут ли вопросы?

– Насколько наш Комитет является законным? – задал главный вопрос Калин Верд, сидевший сбоку от Шеннона.

– Я получил письменные полномочия от вице-президента Шинры, – неожиданно жёстко произнёс Окойе и положил на стол измятый листок. – К сожалению, он не может присутствовать

...

В общей атмосфере заседания всё ещё витал дух сомнения, и доктор чувствовал это.

– А где он сам? – поинтересовался Вашни.

– Погиб! – ответил за Окойе Пренк. – Несчастный случай!

– Жаль! Я его хорошо знал, – произнёс Верд. – За ним стоит большой клан.

– Туда ему и дорога, – перебил его Кауна. – Пошёл на службу к Кимбе...

– Будем ли менять Конституцию? – будто невзначай перебил его Фернандес.

– Нет, коллеги! Я считаю, что с независимостью Зангаро получила современную систему законов. Её искажил Кимба....

– Но, уважаемый доктор, наша система – копия статута Пятой Республики. Именно это позволило Кимбе узурпировать власть! – возразил Кауна.

– Он захватил власть, опираясь на насилие. Кстати во многом виноваты мы сами, поскольку пытались внедрять демократию среди жителей каменного века...

– Вы обижаете мой народ, – вскочил с места Верд.

– Не кипятитесь, вождь, – осадил его Окойе. – Никто Вас не оскорбляет. Мы никоим образом не хотим ущемлять права народа винду. Реформы никогда не приводили к стабильности. Стоит только начать – и пойдет цепная реакция...

– Как Вам видится структура переходного правительства, доктор? Мы тоже войдём в него? – после долгой паузы задал свой вопрос Адам Пир.

– Я предлагаю составить в Государственный Совет из шести человек. До всеобщих выборов они будут помогать мне управлять Зангаро. Наш Комитет же будем издавать декреты, назначать или менять членов правительства, контролировать их работу. Я хочу запретить членам Комитета занимать какие-либо должности в Госсовете.

– Кому тогда Вы поручите управлять страной? – нервно спросил Верд.

– Я хочу привлечь к нашей работе четырёх специалистов в области юриспруденции, экономики и международных дел. Они прибудут в Зангаро в ближайшие дни. Кроме них в госсовет войдут присутствующие здесь господа Пренк и Бенъард.

– В таком случае, – в разговор вступил Вашни, – они должны будут выйти из состава нашего Комитета. И вообще, почему мы должны включать в наш Совет иноземцев. Пусть себе работают...

– У нас в Зангаро можно проехать многие километры, не увидев даже клочка возделанной земли, – наставительным тоном произнёс доктор Окойе. – По обе стороны Равнинной Дороги тянутся то джунгли, то мангры. Чтобы расчистить участок под плантацию кофе или шоколадного дерева, крестьянину приходилось много работать. Конечно, если семья большая, то это можно запросто сделать. Другое дело, когда рабочих рук недостаточно. Раньше, когда среди бакайя были сильны общинные традиции, земледельцы часто обращались за помощью к молодежи. Теперь ее труд стоит дорого и приходится искать наемных рабочих. Эта роскошь доступна очень немногим. В последние годы колонии власти ввозили работников из Либерии, Нигерии и Гвиании. Именно они строили мосты и дороги, строили порт и закладывали плантации. Я считаю, что они имеют право быть представленными в нашем Совете!

Монсеньор Фернандес согласно закивал головой, но Вашни всё не унимался:

– Председатель, дайте нам честное слово, что Пренк и Бенъард будут выведены из Совета!

– Обещаю, – миролюбиво произнёс Окойе, – что найду им достойную замену. Наш Комитет будет сохранять паритет: по четыре представителя от каждого племени...

Тут все бакайя в такт закивали головами, в то время как винду нахмурились. Это не ускользнуло от внимания Шеннона.

– А теперь о нашем военном положении нам доложит полковник Шеннон, наш главный военный специалист, – уходя от скользкой темы, доктор передал слово истинному творцу революции в Зангаро.

– Господа! Не буду вас обнадеживать, но наше военное положение не блестяще. Пока нам не удалось набрать нужное число людей для защиты нашей революции, – пафосно начал Шеннон. – В настоящий момент располагаем очень ограниченным числом бойцов. Один наши пост выдвинут на северную границу. В Кларенсе мы охраняем дворец, госпиталь Площадь Победы и полицейские казармы. Здесь у нас находится два десятка бойцов, ещё десять охраняют аэродром. Кроме того, мы можем рассчитывать на нескольких полицейских и ополченцев, – Кот посмотрел на Пренка. Тот согласно кивнул. – Оружия хватает для того, чтобы оснастить вдвое больше людей, чем мы имеем на сегодня. Мой коллега сейчас готовит мобильный отряд, который сможет начать действовать в Стране Кайя, но нам не хватает транспорта. Однако, это не самое главное. Наши отряды в подавляющем большинстве состоят из лиц, которые не имеют элементарного представления о военной дисциплине и этике. Для того, чтобы исправить этот недостаток требуется время, много времени,

Едва Шеннон умолк, Вашни задал всех интересующий вопрос:

– Какова вероятность реставрации прежнего режима?

– Сторонники Кимбы сейчас дезорганизованы, но мне известно о бегстве нескольких министров. Они могут организовать и доставить нам кучу хлопот. Кроме того, группа отборных солдат режима ушла в джунгли. Насчёт численности сказать ничего не могу, но не думаю, что их больше полусотни. Согласно моим сведениям, они неплохо вооружены. – Шеннон протянул Ваши страницу машинописную страницу, полученную от Курта.

– Что это? – вождь нахмурил свои густые брови и стал вертеть лист бумаги в руках, сиюсь разобрать. На его лоснящемся лбу выступила испарина от умственного напряжения. – Я не понимаю эти буквы, – наконец, он сдался он и протянул лист Фернадесу. Тот покачал головой и вернул лист Шеннону.

– Позвольте я переведу. Это – список оружия школы курсантов, которая почти в полном составе отступила в джунгли, – пояснил Шеннон, поглядывая на листок. – Он составлен на русском. Внимание присутствующих! В списке упомянуты ППШ – две штуки: это пистолеты-пулемёты, один РПД – это ручной пулемёт, десять «калашниковых», пять снайперских винтовок и три самозарядных карабина СКС. Кроме оружия в списке есть перечень гранат разных систем, медикаменты, штык-ножи и гранаты. Всё это оружие лучше того, что имеем мы...

– Насколько это опасно? Где они? Сколько их? Кто командует? – на главаря наёмников с разных сторон посыпались вопросы.

– Кларенсу противник не угрожает, но что он предпримет неизвестно. Сейчас он должен находиться где-то в районе развилки дорог. Куда они оттуда двинутся, один Бог знает. По нашим данным, курсантами командует военный советник: кубинец или китаец, а может русский. Кроме того, по моим расчётам, в провинции находилось до полутора сотен солдат прежнего режима, не считая сотрудников тайной полиции.

Закончив свой доклад, он посмотрел на Бенъярда. Тот отвёл взгляд в сторону и произнёс:

– Действительно, людей не хватает. Поэтому я предлагаю объединить силы безопасности и полицию, создав жандармерию.

– Угрожает ли нам вторжение извне? – поинтересовался Ваши.

– Думаю, что нет, – безапелляционно заявил Бенъярд. – Кимба был настолько одиозен, что даже русские за него не вступятся открыто.

– Я Вас правильно понял, что их интервенции нам бояться не следует?

Бенъярд утвердительно кивнул.

– Давайте решим этот вопрос в рабочем порядке, – вмешался в разговор доктор Окойе, опережая очередной вопрос Шеннона. – Вторым после безопасности является финансовый вопрос. Насколько я знаю, Вам удалось найти казну узурпатора, полковник?

– Да. Об этом доложит лейтенант Бенъярд.

– Нами обнаружено три тысячи сто девяносто золотых монет, пятнадцать тысяч долларов и восемь тысяч швейцарских франков банкнотами. В пересчёте на французские франки это составит четыреста тридцать пять тысяч, – произнёс Бенъярд.

– В долларах это будет около ... – Адам Пир закатил глаза, что-то считая.

– ... восьмидесяти пяти тысяч! Но это не всё. Найдены данные о счетах за границей, – Шеннон эффектно бросил на стол красную папку. – Здесь страховой полис на два миллиона французских франков, оформленный на торговый дом Аграта...

Члены Комитета резко оживились и стали переглядываться. Не обращая внимания на комиссаров, Шеннон продолжал:

– Этого республике не хватит даже до конца года. Безопасность требует денег! Чтобы удержать правительство надо искать дополнительные источники средств. Вы же не хотите, чтобы солдаты стали грабить магазины. Кроме того, я считаю, что документы надо отдать Агратам или их наследникам.

– Краеугольный камень нашей политической программы – закон! – подвёл итог Окойе. – Пусть у нас будет меньше чиновников и солдат, но они должны быть честными. С каждым его словом глаза присутствующих тускнели, а лица принимали каменное выражение. Только Фернандес согласно кивал головой.

– Как Вы себе это представляете, доктор? – спросил Шеннон. – Для честности нужна уйма денег. Где вы думаете их взять?

– Заседание объявляю закрытым! – Окойе ушёл от ответа на вопрос. – Всем надо отдохнуть. Господа, жду вас завтра в десять утра. Нам нужно определить первоочередные задачи правительства, – доктор Окойе встал. – Лейтенант Бенъард, обеспечьте ночлег нашим друзьям издалека. Карло, – за всё время он впервые фамильярно обратился к Шеннону, – пройдите в мой кабинет!

Глава республики Зангаро и его военный советник уединились в кабинете. Сев друг против друга, они долго молчали. Первым нарушил тишину Окойе:

– Вы зря подняли вопрос о средствах, Карло. Наши коллеги, очень меркантильны...

– Но где вы собираетесь взять деньги?

– А Хрустальные Горы? Вы же сами мне рассказали об них, Карло.

– Для разработки их недр потребуются месяцы, а то и годы...

– Ваша правда! Я думаю, что мы сможем продержаться.

– Скажу откровенно, Вайянт, я буду с тобой до конца, но мои люди должны через неделю-другую покинуть Кларенс.

– Почему.

– Рано или поздно они проболтаются.

– Я понимаю. Может их стимулировать?

– Не поможет. Они же нормальные люди: пьют, едят, спят. Болтанут лишнего кому-нибудь из местных. Те донесут в посольство, неважно в какое, и твое правительство окажется в международной изоляции. А если сюда переберётся Оджукву?

– Согласен, нехорошо может получиться. Когда ты их отправишь в Европу?

– Пока не знаю. Пусть пару недель поработают инструкторами – будут натаскивать твоих людей.

– Хорошо.

– Я обещал им по двести фунтов в неделю.

– Мы, естественно, заплатим. Что конкретно они будут делать?

– Учить солдат.

– Солдат? – Окойе встрепенулся и с чувством произнёс. – Нет, Зангаро солдаты не нужны. Жандармов!

– Понял. Хотя мне это не нравится. Я привлеку экипаж «Тосканы» для приведения в порядок оружия и техники. Хочу привлечь местных тоже. Мне назвали имя некоего Рона Вонга. Он, говорят неплохой специалист.

– Карло, действуй как знаешь. Когда сформируем правительство, я тебе дам пост начальника жандармерии. Подбери дельных помощников. Мы тебе дадим право назначения офицеров.

– Я не уверен, что это будет правильно...

– Но у меня же под рукой нет других профессиональных военных. Разве что Бенъард и Пренк? – размышлял доктор вслух. – Они мне нужны в правительстве...

– Вайянт! Подумай ещё раз, взвесь все за и против! В конце концов мы здесь делаем общее дело. Давай выпьем за генерала Оджукву! – Шеннон достал фляжку с виски и сделал глоток.

– За него! – доктор сделал неопределённый жест рукой и едва приложился к горлышку. – Иди, отдохни. Сегодня был длинный день...

– Да, длинный, но мы победили!

– Победили!

Едва Шеннон вышел из кабинета Окойе в коридор, его окликнул лейтенант Бенъярд.

– Я лично подобрал Вам помещение во дворце. Прошу следовать за мной!

– А где господа Земмлер и Лангаротти?

– Они будут отдыхать в соседнем. Вам показать?

– Да, пожалуй, и неплохо было бы перекусить.

– К сожалению, с этим у нас туговато, но что-нибудь найду.

– Не беспокойтесь! Я полагаю, что в отеле меня покормят ужином. Ак размещены мои люди?

– Они размещены рядом с Вами. К сожалению, им досталась одна комната на двоих.

Впрочем, как и мне... Санитарный узел общий, он расположен в конце коридора.

– А, – потянул Кот, – так мы соседи.

– Да!

– Пригласите, пожалуйста, моих людей, – сказал Шеннон, когда лейтенант отворил дверь в комнату.

– Всех?

– Всех!

– Слушаюсь!

Шеннон оглядел свою комнату. По своим размерам она была вполне сопоставима с тюремной камерой. Слева от него с потолка свешивалась разодранная сетка от мошкеры. Прямо под ней располагался железный остов кровати, стоявший на голых досках пола. Матрас был свёрнут рулоном и лежал в изножье. Напротив стоял низенький стол, а над ним висела одинокая лампа под металлическим абажуром. На столе стоял графин, два гранёных стакана. Над ними на стене висел аппарат внутренней связи. Стена справа от него вся оцетинилась неровным рядом крючков для одежды. На них висели две или три белые нейлоновые рубашки, принадлежавшие прежнему хозяину. Два колченогих стула, разделённые тумбочкой, стояли прямо под ними.

В одном из её ящиков лежали пачка чая с изображением слона и кипятильник, а в другом – бельё и несколько пар носков, а в самом нижнем – початая бутылка русской водки. На её красно-белой этикетке латинскими буквами было написано «Stolichnaya». По-видимому, они были забыты прежним обитателем комнаты. Двустворчатое окно на противоположной от входа стене было забрано железной решёткой. Его прикрывал тюлевый занавес, провисший на металлической струне под собственной тяжестью. Рядом с окном помещался умывальник, а на нем – кувшин и белая фаянсовая чашка.

Под умывальником, рядом с ночным горшком, лежали личные вещи Шеннона. Он сел на один из стульев, который каким-то чудом еще сохранил четыре ножки-обрубка. Он шатался так, что, сидя на нем, нельзя было даже вытянуть ноги, так как в любую минуту можно было благополучно растянуться на полу.

– Да ты устроился как король, – из-за спины раздался голос Курта. – Мы с Жаном и наши ребята получили такие же апартаменты, но только на двоих. Ты как хочешь, а я завтра переберусь в отель. В конце концов мой контракт окончен.

– Я договорился о найме вас с Жаном в качестве военных инструкторов для жандармерии.

– Каковы условия?

– Срок – две недели. Оплата в твёрдой валюте – по тысяче франков в неделю.

– Французских?

– Швейцарских. Или ты предпочитаешь доллары?

– Я согласен. Не бросать же тебя одного. Кого и сколько готовить?

– Человек пятьдесят или сто...

– Ну на неделю работы хватит: строевая и стрелковая подготовка, тактика и первая медицинская помощь. Но жить в этих кельях я не намерен.

– Завтра я решу эту проблему... Скажи, удалось ли связаться с «Тосканой»?

– Да! Вальденберг увёл «Тоскану» в Уарри.

– Почему? Кто это ему разрешил? Не похоже, чтобы он испугался...

– Тут всё просто. После второго запроса «Комарова» Карл посчитал подозрительным оставаться на рейде. Кроме того, Горан представил ему целый список всякой ерунды, которую надо приобрести для ремонта автопарка. Поэтому «Тоскана» на глазах русских развернулась и пошла на север. Сейчас она стоит на рейде Уарри. Завтра они закупают кое-какие предметы и к вечеру придут обратно.

– А что они собираются купить?

– Как что покрывки, припой, сварочный аппарат с баллонами, разные там инструменты, болты, гайки...

– Вот что! Свяжись немедленно с Вальденбергом и сообщи ему, чтобы принял на борт пассажиров. Они придут в Уарри завтра. Пароль «Кот на крыше». Вот их имена, – Шеннон быстро набросал на листке бумаги четыре фамилии. Пусть ещё приобретёт сотню или сколько найдёт обмундирования. Всё равно какого лишь бы одинакового. Ещё нужны бельё и обувь. Пусть берёт всё, что сможет найти. Как будет готов, пусть доложит...

– А деньги?

– Деньги я ему полностью возьму по прибытии...

– Хорошо, босс! – Курт бегом направился на радиостанцию.

Шеннон едва успел расстелить матрас и развесить москитную сетку, как к нему в дверь постучал Лангаротти. За ним теснились чернокожие наёмники.

– Какие будут распоряжения, шеф? – произнёс корсиканец.

– Оставь меня. Я хочу жрать и спать, – последовал ответ.

– Босс, тут насчёт пожрать только тыквенная каша, галеты и клёцки, – уныло произнёс Жан. – На завтра обещают рис с кокосовой подливой, говяжьи консервы и фуфу...

– Да, небогатый выбор!

– Может рванём в отель, а? Нас там ждут. Деньги у меня есть. – Жан достал из кармана внушительную пачку местных франков. – Возьмём синий форд или автобус...

– А кого оставим охранять дворец?

– Тут вроде как Бенъард за коменданта.

– Нет. Надо кого-то из своих.

– Ребята, бросайте жребий – один из вас останется дежурить, – обратился Жан к своим чернокожим соратникам. – Живо! Патрик не в счёт!

Они бросили жребий: не повезло (или повезло) Тимоти.

– Барти! Дуй за Куртом! Тимоти, вот тебе уоки-токи, в случае чего – вызывай. От погреба не отходить! Мы вернёмся через два часа...

– Так точно, сэр! – козырнул Тимоти.

– Отлично! – произнёс Шеннон. – Жан! Как насчёт цивильного для меня?

– Без вопросов, босс. Сейчас подберу. – Минут через пятнадцать Лангаротти вернулся с целым ворохом одежды. Худощавому Шеннону подошёл лёгкий костюм шоколадного цвета, кремовая рубашка и лёгкие тряпичные туфли.

– Автомат я всё-таки возьму, – сказал он, засовывая за пояс трофейный «макаров». – Барти отнеси его в "форд", закинь туда пару-тройку обойм и прикрой чем-нибудь. На всякий случай!

– Есть сэр!

Лангаротти уже сидел за рулём автобуса, когда к ним присоединился Курт:

– Я говорил с Вальденбергом. Он всё понял и обещал сделать, – бодро сказал он. – «Госкана» нам радирует сразу после выхода из Уарри. Карл не хочет привлекать лишнего внимания у портовых служб. У Джинджи пока всё спокойно. Кстати, во втором ангаре он нашёл опорные плиты для русских миномётов. Они оказались завалены обломками...

– Молодцы!

– Вперёд! – скомандовал Шеннон, и автобус тронулся. Через пять минут он остановился на стоянке отеля. Несмотря тревожное положение веранда отеля была заполнена клиентами. Это было единственное приличное место в столице, куда вечерами приходила разномастная публика выпить пива, потанцевать, послушать музыку и обменяться городскими сплетнями. Старый кондиционер гнал тёплый воздух в зал, где три парочки целомудренно танцевали медленный фокстрот.

– Не хотелось бы привлекать лишнего внимания, – произнёс Шеннон. – Жан, пройди через боковой вход и найди для нас местечко поукромнее.

– Не волнуйся, босс. Мы уже оставили здесь за сегодня недельный заработок местных бедолаг. Мой друг Жюль будет рад нас принять в расширенном составе.

Лангаротти легко взбежал по лестнице на веранду и скрылся внутри. Через несколько минут он вновь появился и призывно помахал рукой. Четверо наёмников последовали его приглашению. Чтобы не тревожить публику, автоматы были разряжены и упакованы в мешок, который нёс Барти. Толпой они поднялись на веранду по боковой лестнице и прошли мимо барной стойки к лестнице, ведущей наверх. Здесь гостей встретил Гомез:

– Мистер Браун, если не ошибаюсь? – он вопросительно посмотрел на Шеннона.

– Ты узнал меня, Жюль? – вежливо ответил Шеннон. – Мы же на «ты». Зови меня по-старому – Кейт.

– Я очень рад нашей встрече! Особенно в новых условиях, – Гомез многозначительно замолчал.

– Я устал и голоден, – ответил Шеннон. Директор отеля понимающее кивнул. – Хочу немного отдохнуть и расслабиться.

– Сейчас организую, Кейт.

– У Вас сегодня много народа в баре?

– На удивление! Не ожидал, что они осмелятся сюда прийти. Есть даже несколько посольских. Все спешат обменяться слухами и новостями о докторе Окойе...

– Постарайтесь сделать так, чтобы нам никто не мешал. Очень тебя прошу. Хочется нормально поесть, не привлекая внимания.

– Сейчас распоряджусь. Ты, наверное, хочешь коктейль? – Он звонко хлопнул в ладоши. – Фред! Поддай сюда мартини!

Откуда-то сзади него появился миловидный туземец с явной примесью азиатской крови. Он был одет в полотняные туфли, а из одежды имел на себе рубашку и короткие белые шорты. Вслед за ним вышла его точная копия.

– Фредди и Жорж – двойняшки. Они уже месяц работают у меня в качестве портье и бармена, – пояснил Гомез. – Сегодня Фредди будет полностью в вашем распоряжении, господа.

– Где ты их откопал, мон шер, – спросил Лангаротти. В предвкушении хорошей попойки он даже на время забыл про свой нож.

– О у них очень печальная история – от них отказались родственники.

– Такие красивые ребята. Они что-нибудь натворили?

– Может, решили отменить вендетту?

– Если бы. Просто родились в один день.

– Что в этом такого? – спросил опоздавший к началу разговора Земмлер.

– Господа, в Зангаро рождение близнецов всегда считалось большим несчастьем. Местные колдуны считают, что у отца может быть только один ребёнок!

– А второй тогда откуда? Подкидыш, что ли?

– Вроде того! Считается, что отцом второго является добрый или злой дух, который хочет овладеть джу-джу рода и привести его к процветанию или гибели!

– Фифти-фифти, – засмеялся Земмлер, – Я бы сыграл. Здесь шансов немного больше, чем в рулетке.

– Так что же с ними произошло, – Шеннон решил разузнать историю близнецов до конца. Гомез достал четыре бокала и плеснул на дно каждого джина. Заметив это, Земмлер одобрительно хрюкнул.

– По приметам, известным лишь одним деревенским колдунам, можно отличить злого подселенца от доброго. У этих мальчиков оказались неблагоприятные предзнаменования...

– Ну и что с ними сделали соседи? Оскопили? – стал терять терпение немец.

– Вообще-то их мать отводят в лес и привязывают к дереву, оставляя на голодную смерть, а детей бросают в корзине у её ног...

– Жёстоко.

– Это разве не считается убийством, – спросил Шеннон, рассматривавший двух почти одинаковых юношей.

– Нет. Существует особый ритуал очищения, о котором оповещают заранее все окрестные сензалы.

– А что церковь? Куда она смотрит? – спросил корсиканец, которм ужо надоела эта история. Он демонстративно стал наматывать ремень на руку, готовясь достать свой нож.

– Немало десятелителей миссионеры отправляются в леса, пытаясь спасти жертв этого дикого суеверия.

– Так их спасли миссионеры, – загремел Земмлер. – Хоть одно хорошее дело сделали.

– Не так всё просто. Сензал никогда не примет их обратно, а над их матерью висит проклятие деревни.

– То ест её могут попытаться убить?

– Да, особенно в том случае, если род испытывает серьёзные проблемы. Поэтому близнецов, как правило, содержат в приюте, а мать отправляют подальше от родных мест.

– Печальная история, – скорчил рожу Земмлер. – Однако я проголодался.

– Сейчас Вас отведут в наверх. Там есть отдельное помещение.

– Эй, Жорж, отведи гостей наверх.

Следуя за ним, наёмники поднялись наверх и оказались в небольшом зале, заставленном темной и изящно изукрашенной резными узорами викторианской мебелью. Она живо контрастировала с пустотой нижнего зала бара. Жорж рассадил гостей за двумя столиками, на одном из которых стоял антикварный телефонный аппарат, инкрустированный слоновой костью.

– Отсюда можно звонить, мсье, – важно произнёс он и удалился. Тут в комнату вошёл Фредди. Он принёс мартини и разложил перед всеми меню. Пока Шеннон его изучал, все молчали. Земмлер и Лангаротти уже имели представление о местной кухне, Барти и Патрик пялились по сторонам – они впервые оказались в подобной обстановке. Кот поднял взгляд на своих товарищей и подбодрил их:

– Привыкайте! – чернокожие благодарно посмотрели на него.

– Берите пиво и говядину, – подсказал им Земмлер. – Не ошибётесь!

Среди европейцев, живущих и работающих в Африке еще с колониальных времен, было распространено великое множество расистских предубеждений. На этой почве выросли целые теории. Шеннон придерживался одной из них, считая, что существует разница между складом мышления белых и негров. Суть теории состояла в том, что европейцам присущ аналитический, склонный к систематизации и абстракциям склад ума, тогда как негры живут образами и с особой полнотой проявляет себя в сфере искусств и на войне. Поэтому он был твёрдо убеждён, что его чернокожие соратники будут хорошими солдатами только тогда, когда ими будет

руководить компетентный белый офицер. Эту мысль ему впервые подал Штайнер во время войны в Биафре. Личный опыт Кота будто бы подтверждал это, и он старался привить эту мысль своим компаньонам. С удовольствием жуя хорошо прожаренный антрекот, истинный вождь революции в Зангаро исподволь наблюдал за своими коллегами.

– Фредди, принеси-ка нам что-нибудь покрепче мартини, – громко произнёс Земмлер.

– Арак, месье? Ром?

– Неужели здесь нет ничего получше?

– Береговой джин?

– Какой, какой? Опять местное дерьмо? – возмутился Курт по-английски.

– Но, сэр, – Фред неожиданно проявил знание второго языка. – Так здесь называют розовый джин.

– Опять коктейль! Есть что-нибудь типа водки или виски?

– Только гаванский ром.

– Тащи его сюда.

– Сколько сэр?

– Всю бутылку.

Шеннон решил не вмешиваться в действия Земмлера, прекрасно понимая состояние товарища по оружию. Он бы и сам хотел напиться, но, учитывая обстоятельства не мог себе это позволить. После того, как Лангаротти заказал себе третий «береговой», а африканцы – арак, он решил вмешаться:

– Ребята, прекращайте, всем завтра на службу.

Неожиданно дверь в столовую распахнулась и вошёл священник. Шеннон сразу его узнал: четыре месяца назад тот подвозил его до отеля. Он осенил сидящих крестным знаменем и нисколько не смущаясь объявил:

– Мсье! Я требую, чтобы вы немедленно вернули автобус миссии. Он по утрам развозит школьников миссии. Наша мать-церковь содержит школу-интернат уже шестьдесят пять лет. В ней работают французские монахини, которые приезжают сюда на всю жизнь. Старшей из них больше восьмидесяти лет, она ни разу не покидала страну с тех пор, как приехала в девятнадцатилетнем возрасте. Они очень стараются, чтобы их просветительская деятельность давала желаемый результат.

– А ты кто такой? – пьяно спросил его Земмлер.

– Курт, стой! Я сам с ним поговорю, – оборвал немца Шеннон. – Святой отец! Вы меня узнаете?

– Здесь мало белых, сын мой, – последовал ответ. – Конечно! Наша мать-церковь содержит школу-интернат уже шестьдесят пять лет. В ней работают французские монахини, которые приезжают сюда на всю жизнь. Старшей из них больше восьмидесяти лет, она ни разу не покидала страну с тех пор, как приехала в девятнадцатилетнем возрасте. Они очень стараются, чтобы их просветительская деятельность давала желаемый результат.

– Заверяю Вас, что автобус в целостности и сохранности будет стоять завтра на том месте, где находился.

– Лучше отгоните его к церкви, сын мой! Завтра приходите к окончанию утренней мессы, там и я поговорим, – многозначительно сказал священник и, осенив всех крестом удалился.

– Что это было? – спросил Жан-Батист.

– Явление духовной власти, – съязвил Курт, допивая очередной стакан с ромом. – С меня сегодня хватит и приключений, и выпивки.

Не успел он закончить, как на лестнице вновь раздались шаги. Увидев в проёме фигуру, Жан насторожился, но затем расслабился.

– А, инспектор! Какими судьбами? Проходи! Садись!

– Это местный флик Хорас, – шепнул корсиканец. – Вроде он на нашей стороне. Я о нём докладывал утром...

– Мсье Хорас! – Шеннон протянул руку полицейскому.

– Мсье Шеннон!

– Позвольте представить: мсье Земмлер, лейтенант Рольт. Чем обязан?

– Прошу прощения за вторжение, но я узнал, что вы здесь ужинаете и решил зайти. Надеюсь, что у вас тут всё в порядке?

– Да, в лучшем виде, – промямлил Земмлер. – Дело в том, что Жюль, старый знакомец нашего командира.

– Ах вот как? Кейт Браун?

– Вы прекрасно осведомлены. Выпьете с нами?

– Не откажусь! Жан, с тобой хочет поговорить Алекс. Он там внизу...

– А, шелкопёр, что ему там надо? – проворчал Земмлер. – Не нравится мне этот писака...

– По-видимому, информация, – ответил полицейский. – Лучше ему что-то дать, чем он напридумывает своего...

Шеннон на короткое время задумался и решил:

– Жан! Возьми Барти и спустись вниз. Пусть даст интервью. Ты – только переводчик.

Жан и оба африканца направились к выходу. В комнате на какое-то мгновение зависла тишина.

– Что хотел наш святоша?

– Чтобы мы вернули школьный автобус, – ответил Земмлер.

– Ага! Я так и думал, что он под каким-нибудь предлогом захочет установить контакт с Вами.

– А что тут такого. Духовная власть должна знать возможности светской. Лучше расскажите мне о школе миссии.

– Туда берут девочек пяти лет из обеспеченных семей. Они остаются там до четырнадцати. Родители обязуются всецело доверить дочерей попечению монахинь и видятся со своими детьми не чаще нескольких раз в год; зато миссия берет на себя все расходы по содержанию воспитанниц. Недавно я по долгу службы посетил интернат. В нем числятся восемьдесят три ученицы, преимущественно в младших классах. Им преподавали французский язык, домоводство, закон божий, рукоделие, пение, очень отрывочно историю. Современные педагогические приемы сюда еще не дошли, обычно монахиня читает вслух, а дети хором вторят ей. Они с поразительной скоростью выпаливают молитвы, спряжения, пословицы, имена королей, псалмы, ничего во всем этом не смысла.

– Значит ли это, что обучение никуда не годиться?

– Естественно. Как только четырнадцатилетние девочки выходят из школы, в их жизни тотчас наступает коренная перемена. Бывшие затворницы познают полную свободу. Их родители, как здесь принято, совершенно не интересуются, чем занимаются дети; к тому же девочка в четырнадцать лет здесь считается взрослой, способной жить самостоятельно. Вот почему воспитанницы, покинув интернат, предаются веселью и забавам. Потом наступает пора замужества, и все, чему их учили в школе, быстро забывается. Через несколько лет остается разве что умение шить.

– Местные женщины способны без конца шить пестрые платья, – неожиданно выпалил Барти. – Я знаю!

Хорас поглядел на него с удивлением и продолжил:

– Школа по сути дела никак не влияет на нравы и их жизненный уровень. Одна из главных причин этого – оторванность школы от внешнего мира, а также отсутствие интерната для мальчиков. Кроме того, не нужно быть слишком придирчивым человеком, чтобы усомниться в правильности методики, которую избрала миссия. Не лучше ли обучать детей нужным про-

фессиям, давая одновременно необходимые теоретические познания в области биологии, зоологии, ухода за больными, мореходства? Увы, главная обязанность миссии – спасение душ: об этом напомнила мне начальница интерната, когда я попытался поделиться с ней этими соображениями. Все прочее – постольку, поскольку...

– Так почему же Кимба не закрыл эту школу? Он же был социалист и вроде как враг религии!

– Вы забыли про дотации и различные благотворительные акции, которые проводит церковь. Без них жить здесь было трудно...

Хорас допил свой ром и встал:

– Не хочу Вам мешать после тяжёлого дня, позвольте откланяться, – сказал на прощанье.

Шеннон устало кивнул:

– Надеюсь нам удастся с Вами ещё встретиться и поговорить...

– Эта полицейская ищейка, сама вежливость! – зло проговорил немец, когда дверь за полицейским закрылась.

– А, по-моему, этот флик – очень неплохой человек, – задумчиво сказал Кот. Дверь открылась и вошёл Жан и бодро доложил:

– Алекс получил свою дозу информации. Сейчас угощает нашего бойца. Однако его волнует другое?

– Что?

– Как передать репортаж в газеты. Связи то нет!

– Пусть пробует сам через миссию или какое-нибудь посольство!

– Они ему отказали. Шеф! Надо помочь!

– Сам понимаю. Значит так. Пусть завтра передаст лейтенанту Бенъарду свой репортаж.

Мы его отправим через дворцовую радиостанцию. Заодно и проверим его на вшивость...

– Хорошо, шеф. Пойду обрадую его!

– Постой! Что ты думаешь об инспекторе?

– Он мне помогал на площади и, вообще, первый раз вижу приличного флика.

– Не знаю, как насчёт честности, но смекалки ему не занимать, – подытожил Шеннон. – Земмлер, давай собираться! Не забудь жратву для Тимоти и Патрика!

– Шеф! Мы с Жаном поселимся в отеле, – безапелляционно заявил Курт, спускаясь по лестнице в общий зал. – Хочется пожить в нормальных условиях! Помыться, побриться, выспаться...

– Не вижу препятствий! Имей ввиду, что если будете платить Жюлю по тарифу первого класса, то получишь отвратительную колониальную кухню, – виндзорский суп, пережаренный бифштекс в подливке, овощи, вываренные до полной потери вкуса, и рисовый пудинг...

– Учту, шеф.

– Завтра быть во дворце к половине десятого! Я постараюсь прислать за вами машину.

– Не беспокойся, – последовал ответ Жана. – Сами доберёмся. У Жюля есть старая «Минерва». Мы её арендуем...

– Ну тогда подхватите меня у церкви часиков так в девять.

– Замётано, шеф.

– Не зависайте в баре надолго. Завтра утром у нас будет много рутинной работы...

Шеннон спустился по лестнице. Его сопровождал Барти, который тащил его мешок с оружием. Джинджи, оберегая раненую руку, шёл следом. Увидев Фреда, выносящего с кухни судки с едой, Кот кивнул в его сторону:

– Ребята, помогите ему.

Оставшись в одиночестве на веранде, наёмник курил, думая о неожиданном визите священника, журналисте и необычном поведении флика. Дверь в бар была распахнута, и Шеннон хорошо слышал, как Лангаротти расплачивается с Гомезом, как подымается в свой номер

сильно подвыпивший Курт. Когда всё затихло он впервые за много дней остался в одиночестве. Мягкая свежесть морского бриза и осознание удачно исполненного дела, придавали особое очарование каждой минуте этого вечера. Вместе с тем было грустно. Грустно от того, что больше такой бой никогда не повторится, что он никогда больше не поговорит с Жанни или Большим Марком, не услышит песен Джонни...

– С возвращением, Кейт, – из-за спины раздался голос Гомеза. – Я уже тогда был уверен, что ты вернёшься, и не один. Мне надо с тобой поговорить?

– Извини, Жюль, не сегодня. Я слишком устал. Размести моих друзей у себя, они хорошо заплатят. Только не пытайся им всучить свой «континентальный завтрак» – я из предупредил. Ты же знаешь, где меня искать?

– Обижаешь, Кейт. Бонифаций мне доложил о тебе и твоих парнях ещё в полдень. Может остановишься у меня? Ведь ты не тот человек, который занимает президентские покои в чёрной стране. Я прав?

Шеннон устало кивнул:

– Пожалуй, я завтра тоже переберусь в «Индепенденс». Только утрясу дела во дворце. Тогда и поговорим...

– Хорошо!

– Расскажи, что ты знаешь об Аграте?

– Это длинная история. Покойный Авит когда-то мне помог устроиться в Зангаро. Его единственным наследником является младший брат Габриэль. Он женат на француженке и живёт в Париже, на Авеню Клебер. Лет пять назад я был у него...

– Расскажешь?

– Да, но не сейчас, у меня сегодня полно клиентов. Хорошо Фредди и Жорж помогают.

– Отличные ребята.

– Понравились.

– Да. Как ты их откопал в монастырском приюте? Туда же нет доступа посторонним!

– Не откопал, а забрал.

– Так ты их... – стал догадываться Шеннон.

– Отчим, – подсказал ему Гомез. – Я официально женился на их матери два года назад.

– А кольцо не носишь?

– В Зангаро очень опасно носить золото, даже если оно обручальное.

– Надеюсь, скоро всё изменится.

– Я тоже.

Собеседники замолкли, наслаждаясь тишиной. Вдруг на лужайке перед отелем появился Барти и сделал знак рукой. Это означало всё готово к отъезду. Шеннон помахал ему в ответ, а затем пожал руку Гомезу:

– Меня ждут!

– Меня тоже, – последовало крепкое рукопожатие. – Так до завтра?

Шеннон улыбнулся и посмотрел на часы: они показывали четверть первого:

– До ... сегодня.

Насвистывая «Испанский Гарлем», командир наёмников спустился на парковку и сел за руль. Автобус тихо выехал со стоянки отеля, на которой одиноко стоял новенький фольксваген с флажком ФРГ. Кот кожей чувствовал, как из окон за ним следят десятки глаз: одни – с надеждой, другие – с любопытством, а третьи – с ненавистью. Автобус быстро доехал до дворца, где их встретил Бенъярд.

– Инструкторы желают жить в отеле, – сообщил ему Шеннон. – Завтра я переберусь туда тоже. В их комнате следует поселить Тимоти, а в мою – Барти. Кстати, тебя завтра разыщет журналист по имени Алекс. Пусть перешлёт свой репортаж через дворцовую радиостанцию. Текст перед этим покажи капитану Земмлеру.

– Хорошо, полковник. Если Вы не против, Я доложу о Ваших распоряжениях доктору.

– Валяй! – Шеннон пошёл в свою комнату. Достав бутылку водки из тумбочки, он сделал один большой глоток и, скинув одежду, завалился спать. Он даже не услышал, как в его комнату вошёл Бенъард и, покачав головой, потушил лампочку и завесил его кровать москитной сеткой и закрыл ставни.

ГЛАВА II. ЖАРКИЙ ИЮЛЬ В ЗАНГАРО

ТРИНАДЦАТОЕ

Саймон Эндин проснулся среди ночи. Трудно было понять, который час: ему всё чудилось, что вот-вот начнётся рассвет. Наверное, потому, что в его комнату иногда пробивался через жалюзи луч маяка. Он взглянул на часы: только пять утра – уже недолго до рассвета. Может быть, ещё выпить? Саймон налил себе виски, взял что-то с подноса с давно остывшим ужином, снова прилег, заставляя себя остаться в постели еще ненадолго. Через полчаса он опять встал, подошел к окну и увидел в доме на противоположной стороне странные тени, перемещающиеся за матовым темно-желтым стеклом. Бликам света начал вторить пес, протяжный вой которого попадал в такт их движениям. Стараясь обратить на себя внимание, он выл все жалостнее и жалостнее. Казалось, пес призывает кого-то: то ли не известных ему гостей за окном, то ли живущих на верхних этажах отеля. Эндин глянул в узкий тёмный колодец, но ничего различить не смог, но знал – пёс внизу.

Внезапно зазвонившие колокола заглушили скорбный вой собаки. Отхлебнув ещё виски, он пошёл в ванную. Эндин любил бриться опасной бритвой. Когда он отодвинул мочку левого уха, чтобы не порезаться, его правая рука вдруг заныла так, что какое-то время он не мог ею двинуть. Саймон, прервал бритье, посмотрелся в зеркало, рука с бритвой на весу осталась в воздухе. Мелькнула мысль: «А если коснуться горла острием?» Он встряхнул головой, облокотился левой рукой о край умывальника и опустил глаза. «Нет! Игра не закончена!» – решил он. Закончив туалет, он пошёл составлять телеграмму боссу.

Борьба за Хрустальную Гору продолжалась. Он закончил дело, когда уже начало светать. Он встал, потянулся и вышел на балкон, ещё раз переживая события вчерашнего дня. К своему удивлению он обнаружил на пластиковом столике смятую пачку сигарет и очень обрадовался этому. Сигареты были дрянные, местные. Он закурил одну из них, закашлялся, но всё равно получил мимолётное удовольствие от этого. Облокотившись на перила, он стал задумчиво смотреть на бухту, в которой мигали десятки огней больших океанских кораблей и местных каботажных судёнышек. Саймон не знал, что одна из посудин, стоявших в порту, была куплена на деньги Мэнсона и имела прямое отношение к его вчерашнему фиаско. Её капитан Карл Вальденберг тоже не спал. Выйдя на мостик, он сосредоточено сосал свою трубку и строил планы на сегодняшний день.

– Чёртов понедельник, – думал он. – Надо бункероваться, принять пассажиров и груз до заката, чтобы засветло покинуть порт...

– Не спите, капитан, – на ломаном немецком к нему обратился механик.

– А, Горан! Я уже встал.

– Да, сэр! Я всё думаю о заказах. Удастся ли всё получить к отходу?

– Не знаю, Африка! Одно радуется, что договаривались с ливанцами.

– Эти, что не обманут?

– Обмануть-то попытаются, но в отличие от негров всё что-то достанут из твоего списка.

Ты уж держи ухо к земле...

– Что? Ухо к земле?

– Извини. Это по-немецки, в общем, будь осторожен, – улыбнулся капитан. Горан озадачено почесал затылок.

В тот день Шеннон проснулся на пару часов позже Эндина. Его разбудил звон колокола, доносившийся через распахнутое окно. Он означал наступление нового дня, время утренней

мессы. Кот посмотрел на часы: они показывали семь часов. Нужно было вставать. Кот направился в ванную общего пользования в конце веранды. Душ оказался совсем не таким прохладным, сильным и обильным, чтобы разбудить его. Тепловатые струйки воды падали на тело, скатываясь в главный водосток и еще долго были слышны, – уже после того, как исчезли из поля зрения, – как будто их всасывало и полоскало в пасти растянувшееся под досками пола неведомое чудовище. Одевшись в штатское, он прошёл на кухню. Сейчас она была превращена в столовую. Там ему подали отвратительного вкуса кашу, галеты, жидкий кофе и местные фрукты.

– К сожалению, Бенъярд не нашёл повара, – пояснил сидевший напротив Пренк, увидевший кривую физиономию начальника. – Да и снабжение хромает...

– Завтра добудем консервы: сардины, говядину, организуем снабжение дворца хлебом и рыбой, – встрял в разговор вездесущий Бенъярд. – Конечно, на разнообразие рассчитывать пока не приходится.

– Ты давно из аэропорта? – Шеннон не обратил внимания на тираду лейтенанта.

– На рассвете сменили, – охотливо пояснил Пренк. Он уплетал нехитрую снедь за обе щёки.

С трудом проглотив завтрак, Шеннон вышел во двор и у ворот наткнулся на полусонного Тимоти, который с группой бойцов нёс караул с вечера.

– Пусть тебя сменил, Барти, – распорядился он. – Выполняй.

Убедившись, что новый караул занял свои места, Шеннон завёл автобус и медленно выехал со двора. День только начинался, африканское солнце не успело нагреть воздух. Он подъехал к храму в начале девятого, когда прихожане уже разошлись со службы по своим делам. Тщательно припарковав автобус на обочине, командир наёмников вошёл в храм и осенил себя крестным знаменем.

– Входи, сын мой, я тебя жду, – раздался голос с амвона. – Ты разве католик?

– Да, отец! Я принёс ключи от автобуса.

– Это хорошо. Ты давно был на исповеди?

– Да. Почти два месяца назад.

– Ты хочешь поговорить со мной о душе?

– Да, отец, но не сегодня. У меня много дел.

– Суета сует. Ты не прав, сын мой!

– Я знаю. Вы хотели со мной о чём-то поговорить?

– Я вижу, ты спешишь, и ты не готов. Приходи ко мне позже. Меня зовут отец Алоиз!

– Вы вчера хотели со мной поговорить.

– Да. Я хотел поблагодарить тебя за освобождение священника...

– Это сделал не я, а мой офицер.

– Но он же выполнял твой приказ!

– Да.

– Значит наша церковь благодарна тебе за это.

– Отец Алоиз! У меня не так много времени на долгий разговор, но позвольте спросить.

– Да, мой сын.

– Как вы относитесь к тому, что произошло вчера?

– Сын мой, ты знаешь, что святая церковь не вмешивается в мирские дела...

– И всё-таки?

– Я попробую тебе ответить, но имей ввиду, что это моё личное мнение – христианина, но не пастыря.

– Я вас внимательно слушаю.

– Ты должен знать, что долгое время здесь, в Зангаро, проповедь христианства не имела успеха. Даже закон Мурата, объявившего христианство государственной религией, не дал тех

плодов, какие выросли в стране после прибытия сюда проповедника Харриса. Ты что-нибудь слышал о нём?

– Нет, отец Алоиз.

– Во времена первой мировой войны он прибыл из Либерии в эти глухие места. По воспоминаниям, это был высокий седой старик, всегда одетый в белое. Проповеди Харриса широко разносились по тропическому лесу. Кроме Зангаро он проповедовал свыше двух лет на Береге Слоновой Кости, а ещё раньше – на Золотом Берегу. Он шел от деревни к деревне, опираясь на крестообразный посох. Его горячие, взволнованные проповеди собирали тысячи крестьян. Он провозглашал новое, христианское вероучение, призывал народ сжигать идолов и разрушать их алтари. С установлением господства белых в глазах многих традиционные религиозные взгляды становились предметом сомнений, а может быть, и насмешки, когда появился Харрис. Разве сумели предки, в честь которых чуть ли не ежедневно совершались жертвоприношения, защитить народ от чужеземных захватчиков? Разве заступились боги за своих почитателей?

– Отец Алоиз, вы рассказываете удивительные вещи. Неужели все бакайя приняли христианство?

– Не все сын мой, не все, но многие, – зачастил отец Алоиз, – но многие...

– Как ему это удалось?

– Его успеху способствовало появление какао в Зангаро. В деревнях, выращивающих шоколадные деревья, множились конфликты из-за накопленных богачами состояний, из-за крупных наследств. Волнами растекались зависть и взаимная неприязнь. Эти человеческие страсти находили выход в колдовстве, в заговорах. Страх словно пропитывал крестьянские общины, и на месте исчезающих традиционных средств защиты от таинственной опасности сглаза появлялись новые – особые часовенки, оберегавшие крестьянина от окружавшей его невидимой, неразличимой враждебности. Количество этих часовенок возрастало параллельно росту производства какао...

– Насколько я вас понял, отец Алоиз, Вы заинтересованы в восстановлении прежнего влияния церкви?

– Это ты сказал, сын мой, только ты...

– У меня к Вам встречная просьба. Вчера внезапно умерли два моих товарища. Я бы хотел похоронить их по-христианскому обычаю.

– Были ли они добрыми католиками?

– Не знаю. Боюсь, что нет. Один родом из Остенде, что во Фламандии, другой – из Капской Колонии.

– Назови их имена, сын мой.

– Марк Вламинк и Жан Дюпре.

С улицы раздался звук клаксона.

– Это, святой отец, за мной. Позвольте откланяться.

– Ступай с Богом, сын мой! Я выполню твою просьбу...

Шеннон вышел из церкви и сразу оказался на солнцепёке. Было около девяти часов утра. За рулём знакомой "Миневры" сидел Лангаротти, позади него развалился Земмлер. Шеннон плюхнулся на сиденье рядом с водителем:

– Поехали! – За следующий час ему надо было сделать множество дел: сменить патрули, выяснить ситуацию на окраинах, обеспечить связь и, главное, заняться формированием боевых способных подразделений. С Земмлером и Лангаротти, дело пошло веселее.

Ровно в десять часов утра Шеннон поднялся в зал заседаний, поручив Земмлеру наладить телефонную связь, а Лангаротти – заняться похоронами. Он вошёл в зал заседаний последним. Кот занял единственное пустое кресло в конце стола и огляделся. Оказалось, что он находится

в одном ряду с вождями бакайя. Прямо напротив него сидел Пренк. Когда их взгляды встретились, он весело подмигнул.

После формальных слов приветствия доктор приступил к брифингу, посвященному текущему положению в стране. Подобно рукопожатиям, обсуждение было поверхностным и небрежным. Все собравшиеся прекрасно отдавали себе отчет о том, в какой сточной канаве находится хозяйство Зангаро.

– Господа, позвольте мне сделать несколько предложений, – вмешался в их разговор Шеннон и, увидев удивление, на лицах присутствующих, добавил. – Я ведь бывший бухгалтер.

– У Вас есть конкретные предложения, полковник? – оживился Кауна.

– Да. Мне кажется Ваша экономическая программа, доктор, должна учитывать уклад экономики Зангаро и, в первую очередь, её экспортный потенциал.

– Вы имеете в виду какао? – спросил Адам Пир.

– Именно! Надо максимально стимулировать его производство!

– Но большинство плантаций заброшены, растения вырождаются, болеют, – влез в дискуссию Фернандес. – Для их восстановления требуются вложения, специалисты...

– Или хозяева, – перебил его Шеннон. – Я предлагаю провести реституцию собственности и вернуть земли прежним владельцам.

– Послушайте, Шеннон, Вы же стоите за Зангаро, так почему же Вы хотите вернуть землю белым?

– Я люблю не Зангаро, а не терплю несправедливость, – буркнул Шеннон. – Это большая разница!

– Я на досуге об этом подумаю над этим, хотя не вижу в этом противоречия... – мягко произнёс Фернандес.

– Что? Возвратить земли бакайя белым захватчикам? – возмущённо произнёс Вашни. – Этому не бывать!

Шеннон внимательно оглядел присутствующих. Вожди винду сидели с отсутствующим видом, поскольку их это мало касалось: почти все плантации находились в Стране Кайя. Пренк и Бенъард сочувственно смотрели на него, но было ясно, что они поддержат мнение своего босса. Доктор задумчиво смотрел прямо перед собой и молчал.

– Я не предлагаю огульно возвратити земли прежним владельцам. Было бы рационально вернуть их только тем, кто сможет вести на них хозяйство... – продолжил Шеннон.

– Полковник прав, – прервал своё молчание Окойе. – Нам нужно прививать чувство собственности всем народам Зангаро. – Я предлагаю принять три декрета: о регистрации собственности; о землепользовании, по которому право владения недвижимостью сохраняется только за теми, кто ею пользуется; и, наконец, о возврате собственности владельцам, у которых она была отнята без компенсации.

Вожди винду зашевелились о чём-то между собой переговариваясь.

– А что будет с теми, кто не захочет использовать собственность? – поинтересовался Пренк.

– Мы продадим её с аукциона, а деньги от продажи вернём прежнему владельцу, – ответил за доктора Бенъард. – за вычетом комиссии и налогов, естественно, – добавил он.

– А если не будет покупателя? – не унимался Адам Пир.

– Тогда выдадим владельцу облигации государственного долга со сроком погашения пять лет, а земельный участок зачислим в государственный земельный фонд и сдадим в аренду.

– А если он не согласится?

Вопрос повис в воздухе. К дискуссии присоединился Вашни:

– Доктор, как вы представляете регистрацию имущественных прав?

– Я считаю, что владельцы должны представить доказательства, что они приобрели собственность законным путём.

– Допустим! – поддержал коллегу Адам Пир. – Это возможно здесь, на побережье, где сохранились кадастры, купчие и акты по отводу земель. А что делать со Страной Винду, где другие представления о собственности? Пословицы моего народа гласит: ты не можешь строить дом там, где не жили твои предки». Этот завет был одним из самых строгих.

– Моему деду Нгумо принадлежали земли площадью в четыреста миль и у него не было никаких документов кроме устного соизволения Мурата, – поддержал Пира Калин Верд. – Колониальные власти эти права никогда не подвергали сомнению. Теперь их владельцем являюсь я...

– Это потому, что губернатору было глубоко наплевать на твой кусок джунглей... – тихо пробормотал Шеннон по-английски. Его понял только Пренк, который понимающе прикрыл глаза. Тем временем, дискуссия продолжалась:

– Но, форон Верд, на этих землях живёт весь твой клан! Следовательно, эта земля принадлежит общине, а не Вам лично!

– Я этого не отрицаю, но территория делает мой клан самым сильным в Загорье! Как только моё право собственности будет поставлено под сомнение, соседи перестанут уважать меня и перестанут бояться моих людей, – в эмоциональном порыве вождь вскочил и оглянулся на Пира. – Я верно говорю!

Тот важно кивнул в подтверждение его слов.

– Нам нужен компромисс! – глубокомысленно промолвил Фернандес. В наступившей тишине его голос звучал очень торжественно. – Я предлагаю распространить действие декрета о регистрации только на частные владения. А вопрос о клановых и общинных землях рассмотрим позже.

– Чтобы не затягивать дискуссию, – подвёл итог Окойе, – предлагаю поставить вопрос на голосование и назначить лиц, ответственных за подготовку декретов.

Все три декрета были приняты большинством голосов. Их окончательная редакция была поручена Фернандесу, Кауне и Бенъярду. Так впервые сложилась практика работы Комитета над декретами: сначала все его члены, а обсуждали проект, затем один из членов редактировал его текст и, наконец, доктор его подписывал.

Финансовый вопрос на повестке дня был вторым. Казна диктатора позволяла протянуть некоторое время. Однако, ценные бумаги и золото ещё надо было превратить в чистую монету. Члены Комитета Национального Спасения, включая доктора Окойе, имели слабое представление о международных платежах. В результате обсуждение приняло характер вялотекущей беседы ни о чём. Шеннон решил вмешаться:

– Господа, позвольте сделать небольшое предложение, – прервал он. – Мой счёт в бельгийском КредитБанке обслуживает господин Гуссенс. Думаю, он поможет нам превратить активы Кимбы в звонкую монету. Расчётные операции и учёт средств на счетах может вести бухгалтерская фирма «Ланг и Штайн», расположенная в Люксембурге. Как только наше правительство докажет свою платежеспособность, мы сможем привлечь кредиты...

– Полковник! Где гарантии, что Вы не сбежите с этими документами? – недоверчиво спросил Каунда.

– Уважаемый вождь! Напомню, что ни Вы, ни Ваши коллеги ни гроша не вложили в организацию переворота. Казну обнаружили мои люди ещё до того, как Вас пригласили сюда. Так, что если бы я хотел присвоить казну Кимбы, то сделал бы это ещё вчера. – Шеннон смотрел прямо в глаза вождю.

– И никто бы об этом не узнал, – добавил Пренк.

– Господа! Давайте не будем ставить под сомнение честность друг друга! – патетически воскликнул Окойе. – Честность полковника мне хорошо известна. Ставлю вопрос на голосование! Кто против предложения полковника?

Все промолчали.

– Теперь я хочу перейти к третьему вопросу: назначению мэра Кларенса. Какие будут предложения?

После объявления доктора, вожди несколько оживились: по ним было видно, что эта говорильня их утомила. Все понимали, что мэр столицы является одним из ключевых постов в Зангаро.

Через порт Кларенса шла вся внешняя торговля страны, здесь была сосредоточена вся интеллигенция и, главное, бюрократия страны. Вожди молчали, не зная, как себя вести. Шеннону казалось, что он слышит, как скрипят их мозги, чтобы продвинуть свою креатуру. Молчание затягивалось. Окойе победоносно посмотрел на своих коллег и сказал:

– Я предлагаю назначить мистера Кзура Пренка исполняющим обязанности мэра столицы. Его образование, опыт и способности позволяют занять этот пост. Естественно, до ближайших выборов...

– Вчера он отличился в бою за аэропорт, – добавил Шеннон.

Предложение председателя застало вождей врасплох. Они стали переглядываться, пытаются найти какие-то аргументы. Вашни открыл рот, чтобы что-то сказать, но его перебил Фернандес.

– Я согласен с Вашим предложением, господин председатель.

Этим заявлением он показал, что традиционные вожди в случае голосования останутся в меньшинстве. Адам Пир ворчливо спросил председателя:

– А Пренк покинет состав Комитета?

– Все нет. Он будет представлять горожан и беженцев из Биафры, живущих в городской черте, – ответил доктор. Он внимательно посмотрел на присутствующих и попыток:

– Раз возражений нет, мистер Пренк, приступайте к выполнению своих новых обязанностей.

– Да, мсье председатель!

– Вот Вам сразу первое поручение: подготовьте для членов Комитета данные о снабжении Кларенса продовольствием, медикаментами, топливом.

– Да, мсье председатель, – Пренк поднялся с места. – Вы же знаете, что у меня есть некоторый опыт.

– Хорошо, коллега! Я рад Вашей инициативе. Что Вы собираетесь предпринять?

– Я планирую собрать все данные о жителях города, поставить их на полицейский учёт. Затем мы проведём инвентаризацию всех запасов продовольствия, топлива и медикаментов, имеющихся в городе, чтобы в случае крайней необходимости их экспроприировать.

– Подключите к этому полицию. Начальник полиции Хорас, прекрасно знает город. Если надо, воспользуйтесь помощью жандармерии.

– Не думаю, что последнее понадобится.

– Как знаете, Кзур... – Окойе поднялся с места и прошёлся по комнате, разминая ноги. Было видно, что он устал. – Есть ли какие-нибудь другие вопросы или предложения?

– Надо провести всеобщие выборы, не так ли, доктор? – утвердительно произнёс Вашни, всем своим видом выказывая недовольство. – Когда мы собираемся приступить к подготовке?

– Я думаю, Сэй, что это несколько преждевременно. – покровительственно сказал Кауна. – Мы пока что не контролируем даже Страну Кайя. Что скажете полковник? – Вопрос был адресован непосредственно Шеннону.

– Порядок в городе восстановлен. Грабежи остановлены патрулями, но людей для охраны не хватает. На сегодня в столице только четверо полицейских, а надо человек двадцать. Спасибо добровольцам, – командир наёмников кивнул в сторону Бенъарда. – Они охраняют некоторые объекты. Однако, они плохо вооружены и недисциплинированы.

– Так раздайте им оружие, подтяните дисциплину...

– На сегодня в моём распоряжении около семидесяти солдат! Не более дюжины из них имеют боевой опыт, – продолжил Шеннон. – Из местных офицеров я могу рассчитывать только на Эйнекса. Лейтенант Слит отправлен на северную границу, Бенъард постоянно находится во дворце, Пренк назначен мэром...

– Мы набрали дополнительно ещё пятьдесят добровольцев. Двое из них служили в колониальных войсках. Их пошлём на охрану правительственных объектов, посольств, порта, госпиталя и электростанции, – выпалил Бенъард.

– Мне надо формировать мобильную колонну для операций в Стране Кайя. Её ближайшие цели – развилка Равнинной Дороги, мост через Зангаро и Турек. Для проведения операции людей недостаточно.

– Надеюсь, дворец Вы не оставите без охраны, Шеннон?

– Нет, но я буду вынужден убрать караулы из порта и с площади. Дворец, аэропорт и казармы останутся под нашей охраной.

Услышав о ближайших планах полковника, Бенъард стал покачиваться на стуле, всем своим видом демонстрируя своё несогласие. Шеннон продолжил:

– У меня ещё к Вам вопрос господина: надо решить, что делать с пленными?

– А их много?

– Три или четыре десятка. Большинство из них из винду клана Шинры.

– По идее их надо предать суду военного трибунала, – раздумчиво сказал Фернандес. – А вы что думаете, коллеги? – он обратился к вождям.

– Они в чём виноваты? – вступился за пленников Адам Пир. – Мальчишки, набранные силой...

Кауна и Вашни согласно закивали головами.

– Отпускать их нельзя! – прервал племенную идиллию Шеннон. – Они стреляли по моим людям и должны быть наказаны! Согласно моим инструкциям, арестованным сохранили воинские звания, денежное довольствие и право носить форму. К ним относятся с подобающим уважением.

– Чтобы отдать под трибунал, полковник, – горестно всплеснул руками Окойе, стоявший у окна. – Хватит крови!

Тут все бакайя вновь закивали в такт головами. Вожди винду переглянулись, едва сдерживая торжествующие улыбки.

– Убивать их не будем! – примирительно сказал Шеннон. – Я предлагаю сформировать из них строительную команду, которая под охраной ополченцев разберёт завалы и восстановит разрушения в городе и аэропорте. Потом их пошлём на строительство дорог. Тем временем, изучим их дела и доложит. Тогда и определим судьбу каждого из них, так сказать в индивидуальном порядке...

– На том и порешим, – заключил Окойе, возвращаясь на своё место. – Декрет о наказании контрреволюционеров пусть готовит Фернандес.

Неожиданно дверь в зал заседаний отворилась и в неё вошёл Ракка:

– Господа! – торжественно заявил он. – Только что получена радиограмма, что группа гражданских советников уже находится на борту корабля, идущего к нам из Уарри. Их прибытие в порт Кларенса ожидается сегодня к полуночи.

– Благодарю Вас, лейтенант! – Окойе поднялся со своего кресла. – Коллеги! На следующем заседании мы сформируем исполнительную власть. Заседание нашего Комитета объявляю закрытым! Завтра, ровно в десять, жду Вас снова. Повестка дня – утверждение состава Переходного Правительства. А сейчас прошу меня извинить, мне сообщили, что со мной хочет встретиться господин Добровольский.

– Кто это? поляк? – спросил Кауна.

– Русский посол, – пояснил Пренк.

– А...

Шеннон вышел вместе с вожжами в коридор, где стал дожидаться Бенъарда. Через несколько минут комендант дворца вышел с папкой в руке.

– Генри! Мне надо поговорить, – окликнул его Шеннон.

– Не могу, полковник, я должен срочно напечатать бюллетень заседания Комитета для рассылки в иностранные посольства! Я найду Вас, когда освобожусь!

– У меня самого полно дел, – проворчал Шеннон и спустился во внутренний двор. Он увидел, как его солдаты закидывают трупы в грузовик.

– Куда их? – спросил он у Барти, командовавшего погрузкой.

– На кладбище, в общую могилу, мсье.

– Понятно. Капитан Лангаротти вернулся?

– Да, мсье. Он сейчас в погребке. Тимоти и Патрик отсыплются. Джинджи доложил по рации, что у него всё в порядке.

– Как его рука?

– В порядке, сэр.

– В два часа – общее построение на дворе. Тимоти разбудить.

– Так точно, сэр.

Появился Бенъард:

– Господин полковник! Вас срочно хочет видеть доктор!

– Иду! – Шеннон поднялся в кабинет главы Совета Национального Спасения.

Когда он вошёл, Окойе в одиночестве сидел за большим столом красного дерева и внимательно читал какой-то документ.

– Мне нужен Ваш совет, полковник!

– Русские?

– Русские! Они прислали ноту с тремя вопросами.

– Какими?

– Читайте! – доктор протянул синюю папку с тиснёным золотым гербом СССР. Шеннон её открыл:

– Я не так хорошо знаю французский, чтобы понять этот текст!

– Хорошо, я переведу! Вчера в Кларенсе из их посольства пропали два сотрудника...

– Это понятно. Один убил Вламинка и Джонни. Его разорвало снарядом из базуки.

Кстати вот его пистолет, – Шеннон достал из кармана «макаров». – Второй, по-видимому, ушёл с людьми Кимбы в джунгли... Надо запросить у русских обстоятельства, при которых они пропали, и пообещать в этом разобраться.

– Хорошо. Второй вопрос: почему запретили «Комарову» войти в порт. На нём находится геологическая партия, присланная для обследования Хрустальных Гор, и груз с помощью для Зангаро: медикаменты, продовольствие, инструменты. Часть его может испортиться в условиях тропического климата.

– Здесь всё просто. Скажите, что Вы беспокоитесь за их безопасность. Русские геологи пусть едут в Браззавиль или Конакри и ждут окончания военного положения или копаются в тамошних горах, а свой груз пусть Советы подарят Секу Туре или Нгуаби.

– Понятно. Третий вопрос: какова дальнейшая судьба долгосрочных соглашений между Зангаро и СССР?

– Самое правильное – отложить решение этого вопроса до всеобщих выборов. Таким образом, не вступим с ними в открытый конфликт. Нам необходимо время, чтобы установить контроль над всей территорией. Предлагаю не принимать его, а направить письменный ответ с нарочным. Завтра прибудет Лер Синк. У него богатый опыт общения с дипломатами.

– Ну, а если господин Добровольский будет настаивать на встрече?

– Предложите ему встретиться неформально на какой-нибудь уцелевшей вилле в пригороде. Сюда его приглашать нельзя до тех пор, пока всё не приведём в порядок и не выполним вторую часть нашего плана.

– Спасибо за консультацию, полковник! Как у Вас продвигается ситуация с людьми?

– Их хронически не хватает. Есть убитые при занятии аэропорта. Полтора десятка раненых. Сегодня потеряли многих ополченцев в пригороде. На них напали соратники Кимбы. Счёт, к сожалению, не в нашу пользу. Ваши соотечественники потеряли трех человек убитыми, и шесть – ранеными, а налётчики – только двух.

– Кто ведёт следствие? Вы?

– Нет. Этим делом занимается Хорас. Его помощник Ракка занимается сортировкой пленных. Может кого из них возьмём на службу, а пока пусть разбирают завалы в полицейских казармах.

– Полковник, можете доложить о результатах проверки!

– Боюсь, что они будут не скоро. В наличии только четыре сотрудника полиции вместо двадцати.

– Ему подыскали пополнение: двух отставных жандармов, – встрял в разговор Бенъард. – И Вам есть пополнение – два отставных военных. Они ждут в коридоре.

– Спасибо! Я их привлеку к делу. Они может на что и сгодятся...

Окойе кивнул Бенъарду, чтобы тот вышел из кабинета. Его тон стал фамильярным.

– Карло! Я хочу объединить под Вашим руководством все силовые структуры Республики.

– Спасибо за доверие, Вайант.

– Не перебивай! Дослушай! Исключение составит только охрана дворца. Отберите для неё человек десять. Я назначу их командиром Тебена Эйнекса.

– А как же Бенъард?

– Он выполняет функции коменданта дворца и, по совместительству, моего секретаря.

Шеннон согласно качнул головой и уточнил:

– Скорее офицер для поручений...

– Тут ещё одно деликатное дело, – глава Комитета замялся. – Ко мне приходил один мой бывший коллега, Мильтадес. Мы с ним знакомы по Красному Кресту, – он горестно улыбнулся и неопределённо махнул головой. – Там, в Биафре. Он здесь работает в госпитале и лагере для беженцев. С ним ещё двое коллег.

Шеннон покачал головой:

– Надо же, как бывает. И давно он тут?

– Его сюда прислали после скандала с медикаментами на смену предыдущему директору. Так вот, он рассказал, что в аэропорту были перебиты все раненые солдаты-винду. Ему Кимба не нравился никогда, но жестокость наших солдат этим оправдать нельзя.

– Вайант, что ты ему ответил?

– Как что? Обещал разобраться и наказать виновных: не хватало ещё обвинения в геноциде. Пренк уже готовит доклад. Ты его предварительно посмотришь?

– Непременно! Я могу идти?

– Кстати, он ещё посетовал, что ты вызвал сюда всех его специалистов. Почему я об этом ничего не знаю?

– Ещё не хватало, чтобы глава государства проводил медицинское освидетельствование рекрутов для собственной армии, – саркастически произнёс Шеннон. – Мне же нужно убедиться, что мои солдаты здоровы!

– Тогда понятно, – произнёс Окойе. – Иди! Хотя, постой! Бенъард сообщил, что ты и твои товарищи хотите перебраться в отель?

– Это так, доктор, тут мне что-то неуютно. Да и нахожусь на виду...

– Хорошо. Только установи надёжную связь с дворцом.

– Этим непосредственно занимается господин Земмлер. На складе имеется советская АТС и несколько десятков телефонных аппаратов. Я полагаю, что нам нужен будет специалист. Генерал должен привезти такого...

– Отлично, Карло! Ступай! Я очень надеюсь на то, что всё у нас получится.

В коридоре его ожидал лейтенант Бенъард, за спиной которого стояли два человека в полувоенной форме, взявшие под козырёк.

– Позвольте представить, – начал он. – Лейтенант Симон Бевэ, служ в Форс Публик! Унтер-офицер Раффи Эллеон, сенегальский стрелок! Полковник Шеннон!

Военные взяли под козырёк.

– Спасибо лейтенант! – Кот отдал ему честь. – Пойдёмте со мной, господа! – обратился он к офицерам. – Коротко расскажите о себе.

– Симон Бевэ! По профессии инженер. В пятьдесят пятом закончил инженерный факультет в Льеже, потом работал на «Юнион Миньер» в Колвези. В качестве инженера был мобилизован в «Публик Форс», получил чин лейтенанта. Эмигрировал в Бельгию, жил и работал в Шарлеруа.

– Почему вернулся?

– Не смог ужиться с белыми, – Симон передёрнул плечами. – Цвет кожи! Вернулся в Африку, работаю инженером в порту.

– Раффи Эллеон, Камерунский полк, Корпус сенегальских стрелков, последнее звание – тамбур-мажор, – отчеканил седой негр лет сорока пяти.

Шеннон благожелательно посмотрел на него и кивнул, поощряя его к рассказу о себе.

– Вот моя солдатская книжка, – Эллеон протянул посеревший от солнца и времени картонный билет. Из него стало известно, что он являлся одним из немногих волонтеров из Зангаро, участвовавших в второй мировой войне. Сначала он попал в Габон, потом очутился на Мадагаскаре и закончил войну в Индокитае. Вернулся он уже после войны, увешанный медалями, но так и не научившись писать по-французски и не проникшись особым уважением к так называемой западной цивилизации, что, впрочем, и не удивительно.

– Чем занимался последнее время?

Отставной тамбур мажор с вызовом произнёс:

– После отставки занимаюсь браконьерством

– Неужели! Как разве Кимба разрешал заниматься браконьерством?

– А я его и не спрашивал!

– Ладно! Идём на плац, – приказал он. «Надо будет побольше расспросить этих типов!

По крайней мере теперь у меня есть, кого можно оставить в казармах», – подумал он про себя.

К двум часам дня на внутреннем дворе выстроилось чуть более полусотни человек в униформе. Тридцать или сорок из них были вооружены автоматами, а остальные были вооружены карабинами. Перед ними, широко расставив ноги, стояли шесть человек: трое белых и трое чёрных. Это были Шеннон и его офицеры: Земмлер, Лангаротти, Бевэ, Барти и Тимоти. Все они были вооружены совершенно одинаково: на поясах висели ножи, в карманах лежали кастеты, рукоятки пистолетов торчали в расстёгнутых кобурах.

Командовал, естественно, Земмлер:

– Га-а-ав...у! – раздался громкий голос немца, прокричавшего стандартную французскую команду «gardez vous», что означает «смирно». Чеканя шаг, Эллеон подошёл к Шеннону и отдал честь: – Господин полковник! Личный состав Сил обороны Зангаро построен. На построении отсутствуют патрули лейтенантов Эйнекса и Мэрайи. лейтенанты Кайвоко и Синдис находятся на излечении.

– Вольно! – громко ответил Шеннон и подумал о том, что не знает настоящих имен своих африканских помощников. – Господа! Прошу встать в строй, – обратился он к окружающим

его офицерам. Шеннон выждал, когда офицеры заняли свои места перед строем, и произнёс краткую речь:

– Среди вас есть разные люди: борцы за демократию, преступники, искатели приключений. Требование к вам только одно – сражаться, а лозунг – против палачей Кимбы! Теперь о главных правилах: первое, за невыполнение приказа начальника – расстрел на месте, второе, каждый солдат имеет право на трофей – если кто-то в бою захватил оружие лучшее, чем у него он может оставить его себе, но обязан сдать прежнее. Если он нашел пистолет, то тоже может оставить себе. Это касается часов, обмундирования, оптики, ножей и боеприпасов. Если кто находит продовольствие, медикаменты, ценности и деньги, он всё это сдает своему командиру. Тяжёлое оружие, автотранспорт и средства связи являются трофеями всего подразделения. Третье правило: я буду строго наказывать тех, кого увижу, что он убивает пленных, грабит мирных жителей и насилует женщин, и, наконец, в-четвёртых, все вы можете носить своё оружие, только в том случае, если на вас надета военная форма. Я, как Ваш начальник, обещаю беречь вас в бою и гарантирую своевременное и полное довольствие, регулярную оплату, снабжение и отдых. Вахмистром нашего корпуса назначаю ветерана сенегальских стрелков Раффи Эллеона. Унтер-офицер встал за спиной Шеннона.

– Вахмистр, командуйте к осмотру!

Эллеон посмотрел на Шеннона и, уловив его поощрительный кивок, громко скомандовал, повторив приказ Земмлера:

– Га-а-ав...у! Первое подразделение к осмотру! Остальным готовиться!

Шеннон наблюдал за строем своих будущих солдат. Вначале Земмлер выделил всех бойцов в камуфляже, выстраивая их в две шеренги. Первая шеренга была составлена из бойцов уже принимавших участие в боевых операциях, за ней пристраивалась вторая. Вдоль задней ограды резиденции был натянут тент. Под ним были разложены тюки с обмундированием. Более часа Барти, Тимоги и Бевэ ходили вдоль строя, тщательно осматривая рекрутов. Некоторых они вызывали из строя и отправляли восвояси, других направляли к тенту, где сидел Чиприани. Под присмотром Лангаротти он подбирал им обмундирование по размеру и отправлял назад в строй. Когда вторая шеренга была укомплектована, Земмлер стал заполнять третий ряд, а вслед за ним – четвёртый.

Примерно через час все его бойцы щеголяли в новенькой форме. Шеннон с удовлетворением пробежался взглядом по рядам своих солдат. Когда четвёртый ряд был заполнен, Эллеон скомандовал:

– ...Zarm! – в его рёве легко было угадать команду «aux armes» – «в ружье!». По-видимому, вахмистр решил перед обедом наставить на путь истинный новоявленных рекрутов. Они засуетились, толкая друг друга локтями, в жалкой попытке выстроиться в линию. Это у них плохо получилось. Наконец разбитый на четыре подразделения строй замер.

– Запомните! – зычно заорал Эллеон на лингвала. – С сегодняшнего дня вы бойцы Сил обороны Зангаро. Эмблема нашего корпуса – лев! Поясняю: вы должны быть преданы свободе как настоящие львы, при отсутствии другого оружия должны рвать врага зубами. А сейчас в столовую шагом марш!

– Надо бы найти ему горниста, – предложил Лангаротти. – Тогда всё будет так, как в Легионе...

Шеннон кивнул и предложил своим офицерам следовать за ним. Пока солдаты под надзором свежеиспечённого вахмистра принимали пищу, в комендатуре за закрытыми дверями проходило что-то вроде офицерского собрания. Командиры были несколько возбуждены и поэтому говорили открыто. Начал разговор сам Кот:

– Наша основная дислокация будет находится на месте полицейских казарм. Сейчас там чинят строения и возводят временные бараки. Бойцы будут распределены следующим образом: я немедленно формирую летучую колонну для очистки территории и постепенно подберу

себе штаб. Остальные подготовленные солдаты будут размещены на блокпостах и гарнизонах. Патрик пока будет моим адъютантом, лейтенант Бевэ – комендантом лагеря. Вопросы есть?

– Позвольте, сэр. Большинство наших солдат не имеют представления о военной подготовке. Мы не можем посылать их в бой.

– Согласен. Поэтому мы начнём с военной подготовки. Вместе с группами Джинджи и Барти мы формируем четыре подразделения: штурмовое, пулемётное, миномётное и стрелковое. Миномётчиками будет командовать Тимоти, штурмовиками – Джинджи, стрелками – Барти, а пулемётчиков будет готовить Курт.

Помощников подберёте себе сами. Главная задача каждого командира – боевая подготовка и последующий отбор наиболее толковых бойцов, Их мы направим на охрану резиденции, а сами перейдём к боевому слаживанию. Вопросы есть?

– Как нам и солдатам будут платить и чем? – спросил Патрик. Его поддержал его Курт:

– Да, постоянное жалование – очень хорошая мотивация. Сколько платили солдатам при Кимбе?

– Призванным по набору не платили ничего. Только кормили и одевали. Сверхсрочники, имевшие семью, получали на бумаге по шесть тысяч в месяц, а старшие офицеры – по восемнадцать.

– Как я сам убедился, двадцать с лишним долларов в месяц – это для Кларенса совсем неплохо, – поделился своими наблюдениями Жан-Батист.

– Согласен. Это было бы неплохо, если бы казна не задерживала выплаты на полгода и больше. Солдаты были вынуждены искать дополнительные заработки на стороне. подрабатывать носильщикам, а кто мог раздобыть велосипед – велорикшами. Они фактически монополизировали этот промысел в Кларенсе.

– Рикши и сейчас берут по сотне за маршрут! За неделю -десять дней можно отбить армейское жалование! – воскликнул Жан-Батист.

– Ты прав, мон ами, – солдаты, подвизавшиеся на этом поприще, уступали своё жалование своим командирам.

– Тогда зачем они служили? Шли бы в рикши, – удивился Курт.

– А паёк? – усмехнулся Шеннон. – А пенсия? Их, конечно, тоже разворовывали, но что-то же оставалось...

– Своевременная плата – глубокомысленно заключил Земмлер. – Это важный элемент для поддержания дисциплины.

– Наиболее выгодно было служить на границе или контрольно-пропускном посту. Там солдат спокойно мог за раз получить тысяч пять, а с иностранца ещё и в валюте. Сам убедился, – усмехнулся Шеннон, вспомнив свой последний приезд в Зангаро.

– Двойной заработок, – глубокомысленно произнёс Земмлер.

– Почему? – не понял Бевэ.

– Это элементарно, мон шер. – стал поучать его Курт под одобрительный смешок Лангаротти. – Берешь с приезжего долларами по официальному курсу, а потом сдаешь их на чёрном рынке. Двойная выгода. Понял?

Бевэ отрицательно покачал головой. Лангаротти объяснить более доходчиво:

– Сколько сейчас стоит доллар, если покупать его с рук?

– Шестьсот кимб!

– А официально?

– Триста семьдесят, как и старый франк. Только его по этой цене днём с огнём не сыщешь!

– Значит пограничник берёт доллары, а отдаёт начальству кимбы.

До Бевэ стал доходить смысл операции, взгляд прояснился, и он заговорил:

– Получается, что с каждого въезжающего можно класть в свой карман по пять «баксов».

– Неплохо! – довольно засмеялся Лангаротти. – Представляю какая была давка за место на границе!

Жан- Батист, не отвлекайся о темы! – оборвал Шеннон корсиканца. – Я буду настаивать перед нашим правительством, чтобы всем нашим платили как в Катанге. Половину – франками, половину – местной валютой. Доплаты, отпуск и премии – соответственно.

– Надо ещё ввести премии за поимку пленных в зависимости от звания, захват трофеев и всякое другое...

– Согласен, только платить будем за живых, а то ещё поубивают друг друга...

– Надо наладить нормальное питание...

Убедившись, что разговор перешёл в деловое русло Кот отстранился от него. Посмотрев на часы, он открыл дверь в кабинет. За ней стояли два негра в зеленовато-бурой форме без знаков различия. Жёлтые высокие шнурованные ботинки, ремни и кобуры указывали на то, что они относятся к командному составу. Пистолеты пока им не доверили. Он пригласил их войти внутрь:

– Господа, минуточку внимания! Позвольте представить наших новых товарищей по оружию Фортуса Кана и Джойда Куому. После разъяснительной беседы они добровольно изъявили желание служить в наших рядах, – на лице Кота появилась лёгкая усмешка. – Интендант Куома, доложите!

Новоиспечённый снабженец скороговоркой затараторил:

– На складе есть сушёная рыба, а из овощей – маниока, рис и фасоль. Я распорядился, чтобы раз в месяц в лагерь доставляли бычка... Фрукты, кофе и кое-какую дичь будем покупать на рынке. Овощи и рыбу будем закупать ежемесячно. Горячее питание будет организовано дважды в день – в полдень и после заката. На завтрак будет кофе и фрукты...

– А как с обмундированием? Его надо будет индивидуально подогнать...

Кан перевёл взгляд на Куому. Тот невозмутимо произнёс:

– У нас на складе имеется шесть швейных машинок. Мы можем нанять женщин и использовать их по назначению.

– Где их возьмём?

– В столице работают полсотни швей. У них есть помощницы...

– Куома, как обстояло дело со снабжением при прежнем режиме? – поинтересовался Жан-Батист. Он уже давно поигрывал своим ножичком, старательно полируя его о ремень. Глаза интенданта опять забегали: видимо он вспомнил их первую встречу.

– Я уже рассказывал об этом, полковнику, – просипел интендант.

– Верно, не будем тратить на это время...

Все вопросы исчерпаны, и Шеннон закрыл совещание:

– Господа, возвращайтесь к своим людям. Мне надо встретиться с господином Хорасом. Господин Лангаротти, прошу ехать со мной!

Кот и Жан через плац пошли к джипу. Их нагнал Ракка с большим баулом в руках:

– Господа офицеры! Разрешите обратиться!

– Что тебе?

– Мсье Земмлер сказал, что вы едете в Управление полиции. Возьмите меня с собой.

– Хорошо!

Курт сел на место водителя и повернул ключ. Двигатель завёлся со второго оборота.

– Проклятая жара! Радиатор закипает даже в тени! – выругался немец. – Давай заедем в отель и перекусим, – предложил он. – Я проголодался и хочу пива.

– Лучше наоборот, заберём Хораса и поедем с ним к Гомезу!

– Прекрасная мысль!

Через полчаса наёмники уже сидели у Гомеза, поглощая пищу. Хорас что-то рассказывал о расследовании ночного налёта:

– Налётчики напали на пригородную виллу и увели с собой трёх женщин. Имена их установлены.

– Кого? – вмешался в разговор Шеннон. – Налётчиков?

– Нет, женщин, – невозмутимо произнёс Хорас. – Пока не ясно, что это: бандитский налёт или акция устрашения.

– Что ещё удалось выяснить?

– Практически ничего. Можно предположить, что им кто-то помогает. – Хорас отхлебнул пива и после некоторой паузы продолжил: – Мне бы хотелось знать Ваши планы на будущее и мои перспективы?

Шеннон, задумавшись, разминал пальцами сигарету:

– Всё зависит от Вас, Кирк, – сказал он, глядя прямо в глаза полицейскому. – Найдёте бандитов и тогда перед Вами откроются перспективы роста.

– Я понимаю, – Хорас отхлебнул из бокала. – Позвольте дать Вам совет?

– Какой?

– Вы должны взять под контроль Турек. Где гарантии, что русский корабль не направится туда?

– Сколько там жителей? – поинтересовался он.

– Около двух тысяч.

– А с чего ты решил, что русским нужен этот городок?

– Там есть небольшой порт и две плантации какао.

– Разве его ещё выращивают?

– Представьте себе! Во времена колонии там были самые крупные хозяйства. При новой власти они переименованы в кооперативы, в каждом из которых управляют близкие родственники Кимбы.

– Но доктор Окойе меня заверил, что тамошние вожди поддерживают наш Комитет и полностью контролируют город.

– Я знаю их. Один промышляет сбором перламутра и рыбной ловлей, другой – рубкой красного дерева. До Кимбы они были полными хозяевами города. По моему мнению, они справятся с местным гарнизоном.

– Гарнизон Турека усилили после твоего отъезда, Кейт, – влез в разговор Гомез.

– Можно считать, что это второй по значению армейский гарнизон. А для того, чтобы там чего-нибудь не стряслось организовали пост тайной полиции, – продолжил Хорас. – Я знаю его начальника – тот ещё фрукт! Спросите об этом у моего бывшего заключённого Ниса.

Лангаротти уловил взгляд шефа и немедленно связался по рации с Патриком:

– Найди мне Ниса!

– Кого, сэр?

– Это тот рыбак, которого Жан освободил из полицейского застенка!

– Понял, сэр! – ответил Патрик по-английски.

Тем временем, разговор продолжался:

– Кирк, Вам что-то удалось узнать о Дерекке и его группе?

– Да. Мне удалось установить, что он идет не на север, а в речную долину. Вполне вероятно, что он захочет соединиться с гарнизоном Турека. Кстати двоюродный брат Кимбы прячется в китайском посольстве.

– Откуда Вы это узнали?

– В Африке земля быстро разносит новости...

– Ну, что же, перейдём к десерту, – Шеннон закурил сигарету. – Что Вам известно о Габриэле Аграте и его фирме.

– Я же полицейский, а не бизнесмен, – быстро нашёлся полицейский. – На него мало что есть, но я поищу материалы. Лучше спросите об этом Гомеза. Он лично знаком с его старшим братом.

– Знаю, старина, расспрошу его обязательно...

Поздно вечером, Шеннон смог наконец осмотреть свой номер. Фредди повёл его влево по коридору шириной примерно в восемь футов. Звуки их шагов поглощались толстым ярко-красным ковром. Справа шёл ряд высоких окон, закрытыми шторами из золотой парчи. Дорожка закончилась перед тяжёлыми двустворчатыми дверьми из красного дерева. Рядом с ними стоял Жорж и улыбался. Он приоткрыл одну створку, приглашая Шеннона войти вовнутрь. Наёмник ступил вперед и сразу почувствовал, как через полуоткрытую дверь тянет прохладным, кондиционированным воздухом. Он вошел во внутрь и зажёл свет. Возле двери, справа от входа, стоял широкий письменный стол. Налево располагался отдельный выход на веранду. Изящная резная мебель была сдвинута к стенам и в центре комнаты был расстелен марокканский ковер. Лёгкий занавес прикрывал дверь, ведущую в спальню. Наёмник придирчиво осмотрел помещения и остался удовлетворён увиденным.

– Наверное, содержание этого номера стоит уйму денег? – спросил он Жюля. Тот молча пожал плечами и закатил глаза.

– Ладно, идите...

Выпроводив слуг, Кот принял душ и уже готовился отойти ко сну, как в дверь постучали.

– Кто там?

– Кейт! Это я, Жюль, – раздался тихий голос директора отеля.

– Заходи!

Дверь открылась и из полутёмного коридора в номер проскользнул Гомез. В руках у него была бутылка. Он её поставил на журнальный столик

– Извини, раньше не смог – клиенты задержали. Поговорим?

– Поговорим!

Жюль поднялся с места и подошёл к небольшому буфету. Он достал два стеклянных бокала на стеклянных ножках и, протерев их своим платком, поставил на стол. Откупорив бутылку, он наполнил их почти до самых краёв тёмно-красной жидкостью.

– Салют! – он поднял бокал и поднёс его к губам.

– Салют! – наёмник сделал большой глоток. Выпивка оказалась крепче вина, но слабее виски. Он посмотрел на Жюля и сделал еще один глоток. Вкус напитка напомнил ему английскую черешневую водку, к которой он пристрастился в Кенте во время обучения на секретной базе САС.

– Ты хотел, чтобы я рассказал тебе об Аграте и его фирме?

– Да, мне это важно знать!

– Кейт, я тебе расскажу о нём, но с одним условием!

– Каким?

– Ты мне достанешь разрешение открыть казино при отеле!

Шеннон кивнул и стал слушать француза. Жюль говорил долго, почти час. За это время бутылка наполовину опустела, а сигареты закончились. Как и все недалёкие люди, директор отеля говорил долго, путано, со всякими ненужными подробностями. Он часто сбивался с темы повествования, поэтому Шеннон изредка перемежал его речь наводящими вопросами.

– Торговля Агратов имеет здесь давние корни! Её основал один армянин, обосновавшийся в Кларенсе. Начал он с того что менял соль и патроны на каучук и слоновую кость, потом поставлял контрактных рабочих на плантации европейцев. Затем ему удалось стать единственным поставщиком местного туземного царька. Однажды, он доставил сапоги для армии. Так вот, солдаты посчитали, что это новый вид жратвы, сварили их и съели. Ха-ха-ха! – засмеялся

Гomez. Наткнувшись на хмурый взгляд Шеннона, он осёкся и продолжил: – Кстати, он одно время владел этой гостиницей.

– Не отвлекайся! Рассказывай об Агратах!

– Так вот, основатель рода, Авит Аграт происходил из племени ибо. Он женился на его дочери и унаследовал торговлю. Кстати, по своему вероисповеданию он был иудей. Этот самый Авит обосновался в Йогоне, где построил себе дом и синагогу. Постепенно он скупил или арендовал большинство земли в округе и стал выращивать какао и сахарный тростник. В Кларенсе им было организовано производство деревянных поделок. Авит стал возить их во Европу, а затем основал швейную мануфактуру. Туземцы до сих пор вспоминают «время парохода».

– «Время парохода»?

– Да, да! Тогда в страну была привезена полусотня швейных машинок «Зингер». Они обшивали германский охранный корпус в Камеруне, а затем французов и бельгийцев...

– Любопытно! Отсюда в столице столько швей!

– Да, да. В Кларенсе до сих пор имеется кварталы резчиков и ткачей. Их число, конечно, сильно поубавилось, но эти промыслы кормят около сотни семей, – Gomez отхлебнул чери и продолжил своё повествование. – Они представляют собой что-то вроде средневековых гильдий. При Кимбе они стали называться кооперативами, но суть не изменилась. Каждому мастеру известны несколько десятков известных орнаментальных фигур, кому-то больше, кому-то меньше. Их число определяет статус резчика в гильдии.

– Ты что-то увлёкся, мой друг, – перебил его Шеннон. – Меня больше интересует Аграт.

Так вот, единственный выживший сын Авита Керк принял христианство и успешно сотрудничал с колониальной администрацией. Сразу после первой войны он взял в жёны дочери верховного вождя бакайя и имел двух сыновей Авита-младшего и Габриэля. Он умер в начале последней войны.

– А что дочери?

– Женщины в Зангаро – разменный товар. Их выдают замуж, чтобы укрепить связи. Авит и Керк не были исключением. Насколько мне известно, они выдавали их за своих деловых партнёров.

– Интересная стратегия, – промычал Шеннон.

– Мда, и притом весьма эффективная. Сейчас, должно быть, только на берегах Залива проживает полсотни племянников, кузенов и других родственников Агратов.

– Ты отвлекаешься...

– Так вот, после его смерти дело возглавил Авит-младший. Он успешно посредничал между Виши и Свободной Францией, за что получил Лотарингский Крест. После он открывал свои отделения по всей Западной Африке: в Дакаре, Леопольдвиле, Уарри, Лагосе. Колониальная администрация считала его своей надёжной опорой. Он даже финансировал местных традиционалистов. Партия, финансируемая им, впрочем, как и либералы, не набрали нужного количество голосов. Доктор Окойе отправился в изгнание, а он остался...

Гomez отхлебнул ещё напитка собственного производства и продолжил: – С объявлением независимости Авит-младший объявил свои мануфактуры кооперативами, председателем которого стал Калин, а земли разделил между четырьмя селениями бакайя. Через год он умер при невыясненных обстоятельствах. Когда полицейские обыскали его особняк, он оказался пуст. Казне досталось только недвижимое имущество, которое сейчас ничего не стоит. Хе-хе...

– А куда делись деньги, имущество, ценности?

– По слухам, он перевёл их за границу, а может быть закопал...

– Так торговый дом Агратов потерял свои позиции в правление Кимбы?

– Видишь ли Кейт, директора обеих городских школ и единственный практикующий врач обучались в Европе за счёт торгового дома. И не только они. Стипендии выдавались инжене-

рам, техникам, учителям, священникам. Многие, конечно, повыезжали из страны, но их обязательства перед семьёй остались.

– И много уехало?

– Человек пятьсот. Многих Авит-младший пристроил на работу. Ходят слухи, что даже епископ Фернандес обязан им своим назначением. Раньше он был главой миссии и занимал пост аббата. Теперь его замещает приор Гийом.

– Фернандес же стар. Ему лет семьдесят или даже больше?

– Аббатом он был ещё в конце мировой войны, а вот епископскую митру получил лет пять назад в последние годы колонии.

– И всё-таки, Аграты до сих пор влиятельны?

– Не могу точно сказать, – Жюль пожал плечами. – Наследник торгового дома Габриэль живёт в Париже, женат на француженке, вроде как, делами дома не занимается...

– А партнёры Авита? Никогда не поверю, чтобы они оставили дело...

– Ничего не могу про них сказать. Знаю, что иногда всплывают долговые расписки и другие обязательства перед торговым домом. Я думаю, что основная документация были переправлена в Париж и находится у Габриэла на Авеню Клебер...

– Ты что-нибудь можешь о нём рассказать? Почему он унаследовал торговый дом? Разве и Авита не было детей?

– Ты не поверишь, но Авит-младший не был даже женат. Следовательно, законных наследников у него не было.

– Он, что был педик?

– Был такой слух, но это неправда. Я точно знаю, что Авит имел женщин...

– ???

– Ответ прост. Он был бесплоден. Если бы его законная жена родила, а при местных нравах довольно часто случается, ему пришлось бы признать ребёнка. Если бы появился мальчик, то весь дом перешёл бы в чужие руки. А у Габриэла есть сын Стефан. Ему должно быть лет двенадцать...

– А что он из себя представляет?

– Кто? Стефан? Не знаю...

– Я имел ввиду Габриэла.

– Ааа! Я его видел только один раз в Париже. Это было лет десять назад. Тогда ему лет двадцать пять. Такой лощённый молодой человек. Мне он и его жена показались жуткими снобами, – Гомез передёрнул плечами от омерзения. – Не люблю таких людей! Конечно, они могли за эти годы сильно измениться...

– Спасибо, Жюль, – произнёс наёмник. – В ближайшее время тебе вернут гостиницу в собственность, – он хлебнул ещё чери и добавил. – Да, и запиши меня здесь под именем, Кейт Браун.

– Что-то я засиделся! Пора идти, – слегка шатающейся походкой директор отеля пошёл к двери, что-то бурча себе под нос. В двери он обернулся:

– Кейт, не забудь, что ты обещал мне дать лицензию на рулетку...

– Да, да! – устало проворчал Шеннон, закрывая дверь на ключ. Подойдя к столу, он с удивлением заметил, что хозяин оставил бутылку с чери. Наёмник наполнил бокал и выпил её залпом.

РЕАКЦИЯ

В европейских газетах о перевороте в Зангаро почти не упомянули, только в «Ле Монд» наутро появилась маленькая заметка. В ней говорилось, что 12 июля 197.. года мятежные подразделения зангарской армии свергли президента накануне Дня Независимости, и власть вре-

менно, до всеобщих выборов, перешла в руки Комитета Национального Спасения. Автором её, естественно, был Алекс. Большинство парижских обывателей пробежали глазами по заголовку и углубились в чтение местной хроники. Лишь немногие из любопытства или по долгу службы прочли её до конца. Наутро был День Республики, и вся страна в очередной раз готовилась праздновать взятие Бастилии. Внимание прессы было приковано к этой знаменательной дате и лишь очень немногие солидные газеты перепечатали эту новость в последующие несколько дней. На планете Земля было всего три человека, которые уделили ей своё внимание. Двое жили и работали в Москве. Одним из них был начальник Второго Африканского отдела МИД Борис Иванович Караваев. В этот день он допоздна засиделся в своём кабинете на Смоленской площади, подбирая формулировки для доклада в ЦК. Утром он имел разговор с послом в Зангаро Леонидом Васильевичем Добровольским, который волею обстоятельств приходился ему шурином. На эту должность его рекомендовал лично Караваев. Связь была паршивая, поскольку приходилось вести разговор через радиостанцию «Комарова».

– Васильич! Что же, чёрт побери, там у тебя происходит?

– Я как раз пытаюсь выяснить что-нибудь поточнее, Борис Иванович.

– Лёня! Мне нужны факты для ЦК!

– Гм... вроде замешаны армейские части, но никто не знает сколько их... Может быть это пустяки, а, может, и нет. Пропали двое наших...

– Это мне известно из твоей шифрограммы! Как думаешь, к чему идёт дело?

– По-моему, обычная борьба за власть...

– Кто стоит за путчистами? Французы? Американцы?

– Этого я не знаю, товарищ Караваев.

– Так спроси у своего гэбэшника! Кто там у тебя в штате?

– Капитан Волков.

– Не знаю такого. Что известно по его линии?

– Он тоже не обладает информацией. Один из советников Кимбы укрылся в китайском посольстве. Я попытаюсь что-нибудь вызнать у него.

– Хрен, что скажут тебе эти маоисты, – в сердцах сказал Караваев и крепко выругался. – Какие меры думаешь предпринять?

– Встречусь с новым руководством страны в ближайшие сроки, чтобы прояснить ситуацию. Я направил ноту...

– Действуй Лёня! Подключай все связи, посольства дружественных стран, можешь даже китайцев! Вроде у тебя там есть посольство ГДР? Я, в свою очередь, помогу, чем смогу, здесь. Но, коль оплошаешь – не взыщи...

– Спасибо!

Ветеран советской дипломатической службы Караваев знал, что информация о перевороте поступит в ЦК и по каналу госбезопасности. Поэтому он решил составить свою записку так, чтобы выгородить своего давнего друга Добровольского и переложить вину за недосмотр на неизвестного ему гэбэшника Волкова. Он отвлёкся от работы, вспоминая как в далёком 1939 году он был переведён на дипломатическую работу. У него за плечами были Магнитка, служба в РККА и Испания. В годы Отечественной войны Караваев оказался в советской военной миссии в Иране, где познакомился с переводчицей Женечкой Добровольской, и сразу же женился на ней. Затем были работа в ООН, США, Эфиопия, Африканский отдел... Короче говоря, зарекомендовал. Сейчас, карьера могла разрушиться из-за какой-то микроскопической страны с полоумным диктатором, который никогда не был марксистом. Как верному ленинцу, Караваеву претила политическая всеядность нынешнего руководства партии и правительства СССР. При Сталине всё было понятно: вот – враг, вот – друг, а теперь? Хрущёв мудрил, мудрил, и ошибся и в Нкруме, и в Оботе, и в Мамаду! А эти кормят пол-Африки, чтобы она не сбежала к империалистам или маоистам...

Тяжело вздохнув, Караваев продолжил работать над меморандумом по ситуации в Зангаро. Ему не хватало фактического материала.

– Сергей, – позвонил он по внутреннему телефону помощнику заместителя министра Голону. – Мне кажется, что Вы занимались Зангаро?

– Да! Я курировал посылку туда геологической партии.

– У Вас остались материалы?

– Конечно, Борис Иванович! Что-то серьёзное?

– Да, Сергей.

– Я сейчас их пришлю Вам...

– Буду премного обязан!

Документы, присланные помощником заместителя министра, картину не прояснили. Они касались каких-то месторождений олова, поэтому доклад пришлось сочинять сказочку о больших залежах стратегического сырья, скрытых где-то в горах, и новых колониалистах, пытающихся их захватить... Пропагандистские штампы ложились на бумагу сами собой: зачем писать отсебятину, когда есть точно выверенные товарищем Суловым формулировки. Поздно вечером Караваев закончил свой шедевр, где в идеологически правильном окрасе был разоблачён заговор империалистов, увенчавшийся успехом вследствие недостаточного внимания со стороны советской разведки. В записке отдельно ставился вопрос о стратегическом значении Зангаро для Западной Африки и вероятном наличии там больших запасов руд цветных металлов. В заключении предлагалось помочь братской африканской стране всеми имеющимися силами, включая международное рабочее движение...

Второй человек, изучавший в тот день материалы по Зангаро, тоже находился в Москве, на Кузнецком мосту. Безымянный референт Африканского отдела внешней разведки целый день сводил воедино все известные факты о перевороте в Зангаро. Заметке из «Монд» тоже нашлось место в его папке. Он и его коллеги всеми доступными средствами отслеживали политические процессы в африканских странах социалистической ориентации. Их информация о слабости этих режимов и их псевдосоциалистическом характере часто удерживали руководство СССР от поспешных шагов. В данном случае речь шла не столько о перевороте, приведшем к свержению «марксиста» Кимбы, сколько о пропаже двух советских военных специалистов: начальника службы безопасности президента и начальника военной школы. В соответствии с действующими правилами требовалось выяснить их судьбу.

Второй советник посольства в Зангаро Волков хотя и был изолирован в стенах посольства, смог получить первую информацию о путче. По его данным, власть захватили группа беженцев из Биафры, которую поддержали племенные вожди. Схожая информация пришла и из другого источника: министр иностранных дел Оббе вместе с семьёй успел сбежать на самолёте в Гвинею. Министр учился в вместе со своим сверстником Дерекем в Москве, в Университете Дружбы Народов имени Лумумбы. Они оба считались проводниками социализма в Зангаро. После долгого разговора в советском посольстве в Конакри, больше похожего на допрос, выяснилось, что Дерек и кубинский инструктор школы Рамон собрали верные правительству войска у аэропорта. Безымянный человек связался с резидентурой в Браззавилем. Её возглавлял его однокашник по разведшколе подполковник Петров по кличке Аспид.

– Саша, привет! Как дела?

– Нормально. Строим социализм в Конго. Что-то срочное?

– Да.

– Что конкретно?

– Зангаро...

– Я так и думал. Там у меня Волков с группой кубинцев. Двоих мы уже потеряли.

– Знаю. Уже доложили. Что думаешь?

– Пока нет ничего внятного. Думаю, наши меньшие братья чего-то не поделили...

- Решишь ситуацию?
- Не знаю. Надо оглядеться.
- Что планируешь предпринять?
- В любом случае, «Комаров» надо перенаправить в Порт-Нуар. У него на борту кроме геологов есть спецгруз. Ещё надо решить вопрос со связью. Радиостанция нашего посольства в Кларенсе слишком маломощная, чтобы работать в постоянном режиме.
- Пусть работают через наших немецких товарищей.
- Мне бы не хотелось их впутывать в это дело.
- Я подумаю, как это сделать. Вероятно, будем работать через Габерон в Богане.
- Разумно. Кстати, у Волкова есть информатор в китайском посольстве. Постарайся что-нибудь разузнать через него.
- Естественно. Вероятно, для решения проблемы придётся мобилизовать наших революционеров, окопавшихся по соседству.
- Принято. Завтра вечером жду доклад.

Безымянный человек с Кузнецкого Моста решил ждать новой информации, хотя, со стороны казалось, у него есть все данные, чтобы дать анализ оперативной обстановке. Однако, разведка никогда не торопится.

Сэр Джеймс Мэнсон был тем третьим человеком, кто внимательно прочёл заметку в «Монд». Это был невысокий человек, разменявший шестой десяток, агрессивный, мощный как танк. Его энергия и безжалостная решительность которого вызывали симпатию у дам и нагоняли страх на конкурентов. Сэр Джеймс был человеком, уважаемым по законам Сити, не имеющих ничего общего с общественной моралью. Он был таким всегда. Именно по этой причине любители покопаться в его прошлом постоянно натыкались на глухую стену молчания. Единственное, что было точно о нём известно, что он в 1948 году основал собственную горнодобывающую компанию. Мэнсон одним из первых уловил подувший над Африкой ветер перемен, когда перед британскими колониями замаячила перспектива независимости. Он не считал за труд лично познакомиться с новоиспеченными, рвущимися к власти африканскими политиками, в то время, как большинство воротил Сити продолжало упрямо осуждать политику деколонизации, проводимую правительством Макмиллана.

Сэр Джеймс был достаточно умен, чтобы продемонстрировать уважение к Сити и двору, их традициям и правилам. При этом он прекрасно знал, что всюду заправляют люди, лишённые каких-либо. Мэнсон сразу взял кое-кого из них в Совет директоров своей корпорации «МэнКон». Никто из них не возражал против солидной ежемесячной прибавки, существенно перекрывающей само директорское жалование и поступающей на их счет в банк на Каймановых островах.

Благодаря этому курсу в ряде африканских республик к власти пришли люди, которые были способны руководить в лучшем случае мусорной свалкой или общественной баней. Контакты Мэнсона с новоиспечёнными премьерами и министрами были очень продуктивны. В обмен на счета в швейцарском Цвингли-банке компания «МэнКон» по дешевке получила концессии на разработку полезных ископаемых во многих странах во многих странах Тропической Африки и не только. К середине пятидесятых годов с "МэнКоном" стали считаться в Соединённом Королевстве, и за пятнадцать лет существования компания вошла на международный уровень. Лет десять назад, когда операции «МэнКона» в Гане и Нигерии достигли определенного уровня, Мэнсон был приглашён занять место в Комитете Сити по Западной Африке. Этот орган был и до сих пор является чем-то вроде профсоюза всех основных фирм, базирующихся в Лондоне и производящих операции в этом регионе.

В этот июльский день сэр Джеймс стоял у окна своего роскошного кабинета на десятом этаже «МэнКон Хауз». Он задумчиво смотрел через зеркальное окно на серое лондонское небо, на крыши домов под ним, спешащий внизу поток машин и снующих пешеходов. На его

столе поверх папок с корпоративными отчётами и докладами филиалов лежали три распечатанных конверта со штемпелями центрального почтамта Уарри. Ценность двух из них была перечёркнута содержанием третьего. Устав от ожидания, он медленно прошёл к письменному столу, уселся в роскошное кожаное кресло и вновь уставился на лежавшие перед ним послания Эндина. Затем он нажал кнопку селектора:

– Мисс Кук, зайдите, пожалуйста.

Подтянутая женщина в строгом костюме вошла через дверь, которую было почти невозможно различить в стене, отделанной буковыми панелями. Она работала в «Мэн-Кон Хаузе» семнадцать лет, постепенно поднимаясь с первого этажа, где сидели машинистки, на десятый. Уже семь лет она работала личным секретарем Мэнсона, и была ему предана душой и телом. Для этой женщины пятидесяти четырёх лет служба заменила жизнь, десятый этаж – исполнение желаний, а терьер, который жил с ней в предместье Чигвелл и спал на ее кровати, – и дитё, и любовника.

– Мисс Кук, я порочу Вас срочно найти мистера Торпа и где бы он не находился прибыть ко мне. Так же подготовьте для меня информацию о всех сотрудниках нашей компании, работавших на нашу компанию в Западной Африке. Мне также нужны будут все отчёты о британских интересах в этом регионе.

– Да, сэр Джеймс.

– И ещё, мисс Кук, свяжитесь с мистером Гулем из Форин Офиса. Вы, мне кажется, несколько раз соединяли его со мной. Попросите его перезвонить мне как можно быстрее.

– Да, сэр Джеймс, – она никогда не забывала всего, что проходило через ее руки.

– Марджори, у меня к вам личная просьба.

Секретарша вздрогнула. Она знала, но не подавала виду, что многие клерки компании за глаза называли её «сморщенной грушей», а юные секретарши «старой мымрой». Все остальные, включая сэра Джеймса Мэнсона, о котором она знала почти всё, звали ее мисс Кук и ценили за исполнительность и безотказность. Впервые за семь лет службы шеф назвал её по имени. Она расценила это как новый знак высокого доверия обожаемого шефа.

– Да, сэр Джеймс.

– Я прошу вас задержаться сегодня в нашем офисе. Я хочу, чтобы во время совещания с мистером Торпом нам никто не мешал. Возможно, у меня возникнут к Вам ещё поручения.

– Да, сэр Джеймс. А если мистер Гуль выйдет на связь?

– С ним, мисс Кук, можете соединить сразу. Также уточните, где находятся оба наши члена Правления, что так дружны с сэром Алексом. Возможно, мне надо будет с ними переговорить.

– Да, сэр Джеймс.

Мисс Кук вышла, а глава «МэнКона», сидя за столом в своем кабинете в ожидании Мартина Торпа, смотрел сквозь зеркальные стекла окон, как сумерки опускаются на лондонский Сити, и думал о своих помощниках. Он отдавал себе отчет, что Эндин и Торп имеют зарплату и должности, не соответствующие их возрасту. И не только потому, что они блещут умом. Он разглядел в каждом из них ту же бесцеремонность, которая отличала его самого, готовность игнорировать моральные принципы ради единственной цели – успеха. Три месяца назад он рискнул и взял их в свою личную команду, чтобы сделать большое дело. Проблема заключалась теперь в том, что всё пошло наперекосяк. Теперь надо было искать выход. Динамик селектора прервал его размышления:

– Сэр, мистер Гуль на проводе.

– Соединяйте, мисс Кук.

– Да, сэр Джеймс.

Адриан Гуль был чиновником, осуществлявшим связь Комитета по западной Африки с правительством. Сэр Джеймс презирал его, считая снобом и педантом. Его особенно раздра-

жали белоснежные манжеты, торчавшие из-под рукавов на положенные дюйм с четвертью, и постоянно напряженное выражение лица этого сноба. Однако, это не мешало Мэнсону пользоваться услугами мистера Гуля. Этот выпускник Кэмбриджа работал в отделе экономической информации Форин Офиса и являлся протеже сэра Алекса Дугласа-Хьюма.

– Что Вам известно о событиях в Зангаро, Адриан, – с места в карьер начал Мэнсон.

– А, вы об этом, сэр. Внятной информации нет.

– А посол? Разве он не должен был присутствовать на приёме в честь Дня Независимости.

– К сожалению, аэропорт Кларенса оказался в зоне боёв. Посадку нашего самолёта не разрешили, и он был вынужден приземлиться в Уарри. Порт тоже закрыт для посещения иностранных судов. Это всё, что нам известно...

– Так постарайтесь узнать больше, мистер Гуль, – Мэнсон в раздражении чуть не швырнул трубку.

– Сэр Джеймс, – примирительно зазвучал голос из трубки, – Что вы так переживаете? Ничего страшного не случилось. Одним красным режимом меньше...

– Извините, Адриан, что-то у меня нервы шалят. Так Вы говорите, что русский корабль в порт не вошёл?

– Да, сэр Джеймс. Мы сейчас пытаемся установить связь с правительством Зангаро через швейцарское посольство. Сэр Алекс мне поручил готовить меморандум по экономическому положению в Гвинейском Заливе. Я очень хочу, чтобы Вы и члены Вашего Комитета ознакомились с ним и сделали свои замечания.

– Спасибо за доверие, мистер Гуль. Я сделаю всё зависящее от меня, чтобы наши бизнес-круги оказали Вам полное содействие. Рассчитывайте на меня.

– Спасибо, сэр Джеймс. Я завтра пришлю мои наработки. И Вы зря так переживаете из-за Зангаро. Хуже, чем было там уже не будет...

– Вы меня очень обнадёжили, мистер Гуль. До встречи!

– Покойного вечера. Сэр Джеймс!

Повесив трубку, Мэнсон подумал вслух:

– Напыщенный дурак! – Затем зажёт гаванскую сигару и стал ждать Мартина Торпа. Его протеже понадобился час, чтобы добраться из уютного кафе в Кенсингтонском парке до «МэнКон-Хауз». Рабочий день заканчивался. Клерки и брокеры, с трудом досидев до заветных пяти тридцати, хлынули из своих офисов в Сити в предместья, где располагались их особняки и квартиры.

Для того, чтобы достичь штаб-квартиры «МэнКона» Мартин был ехать в обратном направлении, пробиваясь сквозь вереницы едущих навстречу машин, что потребовало значительного времени. Это был симпатичный, юношески стройный, с аккуратно подстриженными волнистыми темными волосами и синими глазами молодой. Он более походил на капитана спортивной команды привилегированного частного колледжа, чем на протеже одного из акул горной индустрии. Благодаря тому, что Торп обладал уникальной способностью держать в голове курс акций многочисленных горнорудных компаний и мастерски манипулировать ими, его очень ценил шеф «МэнКона». Секретарши прозвали его «хитрецом», а бизнесмены, из-под носа которых внезапно уплывали пакеты акций и чьи фирмы неожиданно попадали под чужой контроль, называли его совсем не таким безобидным прозвищем.

В свои двадцать девять лет Торп был полон честолюбивых планов и горел желанием их осуществить любой ценой. «МэнКон» служил ему трамплином для дальнейшей карьеры, а сэр Джеймс Мэнсон тем человеком, который обеспечил бы связи в Сити. Его преданность Мэнсону определялась высокой зарплатой и сознанием того, что он сидит на выгодном месте, откуда легко будет при случае приметить «крупный кусок», как он выражался. В случае с Зангаро его ожидало пять миллионов фунтов, ради которых он был готов на всё.

В полдень 13 июля Мартин покинул свой офис на девятом этаже «МэнКон Хауз». Для этого у него была уважительная причина: утром ему позвонил сэра Джеймс и распорядился подготовить новый проспект эмиссии новых акций «Бормак Трейдинг Компани Лимитед». Эта компания возникла в 1904 году для добычи каучука на Северном Борнео. После первой мировой войны она процветала и даже удвоила свой капитал, но вторая мировая война нанесла непоправимый удар по бизнесу. Пару месяцев назад Торп приобрел 30% акций компании по два шиллинга за фунт и передал их в трастовое управление Цвинглибанку. В начале мая представитель банка был выдвинут кандидатом в состав Совета директоров «Бормака». Мистер Гарольд Робертс был человеком полезным. Родившись шестьдесят три года тому назад от отца-британца и матери-швейцарки, он, после безвременной кончины отца, вырос в Швейцарии и сохранил двойное гражданство.

С ранних лет поступив на службу в швейцарский банк, Робертс двадцать лет проработал в Цюрихе. Сразу после войны его послали в Лондон. Последующие двадцать два года он работал на родине отца и в возрасте шестидесяти лет ушёл на пенсию с поста управляющего. Он планировал провести остаток дней в Британии, получая пенсию во франках. При этом он сохранил близкие связи со своими прежними коллегами и с большой охотой принимал участие в деликатных операциях, как от имени своих прежних хозяев, так и по просьбе других швейцарских банков. Очередного поручения подобного рода было представление интересов Цвинглибанка.

В мае мистер Робертс направил совету директоров «Бормак» рекомендательное письмо ЦвинглиБанка и доверенность, из которых следовало, что он является агентом банка в Лондоне. Между секретарем совета и мистером Робертсом состоялись две встречи. На вторую явился председатель, майор Лютон, младший брат давно покойного помощника сэра Иена Мак-Калистера на Дальнем Востоке. Он убедил его созвать очередное заседание Совета директоров. В начале мая оно состоялось в конторе секретаря, в Сити. Помимо стряпчего и майора Лютона, на заседание в Лондон согласился прибыть еще один член Совета директоров. Хотя для кворума было достаточно присутствия двух директоров, трое представляли собой убедительное большинство. Главный аргумент, предопределивший исход этого заседания, был чрезвычайно прост: если группа бизнесменов решила приобрести крупный пакет акций, нет смысла препятствовать их намерению влить свежий капитал в компанию и оживить ее деятельность. Подобные действия могут только благотворно связаться на цене акций, а все трое директоров были их владельцами. Резолюция была предложена, поддержана и принята.

Мистер Робертс был включен в Совет директоров, как представитель интересов ЦвинглиБанка. В общей эйфории новых инвестиций никто не потрудился изменить устав компании, где утверждалось, что двое директоров составляют кворум при принятии решений управлением, хотя теперь в нём было уже не пять, а шесть директоров. Естественно, что львиная доля новой эмиссии оказалась под контролем Мартина Торпа. Теперь он при посредстве своего протеже и его агентов мог руководить работой компании. Сэр Джеймс истратил на эту операция 160000 фунтов стерлингов и завладел 796000 акциями «Бормака» из 1.5 миллионов. В последний момент Мэнсон вдруг решил, что отдать посторонним лицам почти половину своей добычи будет неправильно, поэтому Мартин был в срочном порядке отправился на встречу с майором Лютоном. На ней должен был присутствовать и мистер Робертс.

Майор Лютон, ветеран многих войн, представлял собой тип респектабельного джентльмена, который никогда не принимает решение сразу. Он должен был всё обдумать и взвесить. Это было связано не столько с материальными расчётами, сколько со старомодным желанием выглядеть достойно и благородно. Мартин считал, что ретроградам, подобным майору, не место в бизнесе и с большими усилиями скрывал это. В свою очередь, Лютон отнёсся к предложениям мистера Торпа с таким неприкрытым снобизмом, что чуть не сорвал переговоры. Однако, мистер Робертс смог сгладить эту неприязнь поколений и перевёл встречу на

деловой лад. В ходе разговора, выяснилось, что Торп тоже является акционером «Бормака» и владеет 1000 акций, которые для него приобрёл его валлийский дядя.

Майор Лютон согласился утвердить проект новой эмиссии, только после того, как получит чёткие гарантии, что он сохранит свой пост в Совете директоров. Переговоры об этом уже близились к концу, когда позвонила мисс Кук. Извинившись перед партнёрами, Мартин немедленно поехал к шефу. Срочный вызов озадачил его. «Неужели это из-за тысячи акций «Бормака»? Кто об этом может знать?» – думал он, протискиваясь на своём «ровере» сквозь встречный поток машин.

Когда настороженный Торп вошел в кабинет, Мэнсон уже решил, что должен делать. Он дружески улыбнулся своему любимчику:

– Мартин, Эндин облажался. Для того, чтобы всем остаться в выигрыше есть одно дело, которое по требует полной секретности. Его нужно выполнить срочно, и на это может уйти полночи.

Не в традициях сэра Джеймса было интересоваться о том, чем занят сегодня вечером Торп или нет. Мартин всегда был готов к этой прихоти своего патрона – высокий оклад обаял.

– О'кей, сэр Джеймс. У меня нет ничего неотложного, – в его голосе почувствовалось облегчение.

Мэнсон посмотрел в окно. Начали загораться окна средних этажей. На уровне крыш света было еще достаточно, чтобы ориентироваться, но не для того, чтобы читать. Сэр Джеймс щелкнул выключателем настольной лампы, и в этот момент вошла мисс Кук, положила перед ним на стол требуемые отчеты и отступила к стене.

– Мисс Кук, заварите нам крепкий кофе и никого сюда не пускайте. Нас здесь нет.

– Да, сэр Джеймс.

Мисс Кук беззвучно вошла в кабинет и занесла кофе. Как только она удалилась, Мэнсон вкратце обрисовал ситуацию в Зангаро и пересказал разговор с Гулем.

– Мартин, – хрипло и зло прошипел магнат. – Изучи эти бумаги. Нам надо придумать, как войти в контакт с новым правительством Зангаро, минуя Форин Офис.

– Как прикажете, сэр, – Торп наклонился к столу и стал просматривать документы, отбирая самые важные из них. – Сэр Джеймс, с Вашего позволения я возьму эти бумаги и пойду к себе, так будет удобнее работать.

– Хорошо, мой мальчик, иди. Я, пожалуй, поеду в свой клуб, встречу с нашими членами правления из банды Макмиллана, – он впервые за этот день попытался пошутить.

Выйдя через заднюю дверь, Мартин не скрывал своей улыбки: он был рад проколу Эндина. С его точки зрения, непредсказуемое поведение Шеннона, ему было на руку. В случае удачного хода событий Саймон был бы главным доверенным шефа в Зангаро, а он, Мартин, был бы на подхвате. Теперь всё приходилось начинать сначала. Торп прекрасно знал своего шефа: Мэнсон не бросит проект до тех пор, пока он будет сулить ему барыши. Пока подробности о содержимом Хрустальных Гор знали всего несколько человек, одним из которых был он сам, этим надо было пользоваться.

Спускаясь по лестнице в свой офис, Мартин уже составил свой план действий и мог его доложить шефу прямо сейчас. Сразу сделать этого он не хотел и предпочёл повременить: слишком толковый и расторопный помощник вызывает естественные опасения у такого бизнесмена каким был Мэнсон. Конечно, Мартин останется бы в игре, но не играть ключевую роль не будет, а он хотел большего...

Реклама, призывающая обывателей пользоваться услугами банков, весьма разнообразна: она присутствует в солидных журналах и легкомысленных комиксах, радиотелевизионных передачах и на постерах, газетах и громадных плакатах, расставленных вдоль дорог. Она подаётся в расчёте на вкус, интеллект и образ жизни клиента, преследуя только одну цель – продать

свою услугу. Однако, ни одна статья не указывает на ещё одно свойство банковских операций: все приходы и уходы клиента по счёту фиксируются с точностью до минуты по времени и сантиметра по сумме.

Имея доступ к банковскому счёту, можно получить весьма обширную информацию о клиенте и его контактах, особенно в тех случаях, когда за спиной стоит кто-нибудь из столпов лондонского Сити. Банки декларируют конфиденциальность данных своих клиентов, но это не так. Высшие менеджеры довольно часто передают данные о своих клиентах в обмен на аналогичные услуги. В случае, если их делишки всплывают на поверхность, виноватым всегда оказывается безвестный стрелочник: кассир, операционист или секретарь. Торп это хорошо знал и строил свой план на отслеживании финансовых операций Шеннона-Брауна.

Тем временем, глава «Мэн-Кона» проводил инструктаж мисс Кук:

– ... Я еду в «Букерс» на встречу. Прошу Вас оставаться в офисе до тех пор, пока мистер Торп не выполнит свою работу. Как только, он её закончит сразу сообщите мне: я дам Вам дальнейшие указания. Да, и закажите на завтра разговор с Уарри. Связь с Африкой ни к чёрту, но я срочно должен переговорить с мистером Эндином. Лучше всего в первой половине дня...

– Да, сэр Джеймс.

– Я предупрежу нашу охрану о вашей задержке.

– Не стоит, сэр Джеймс. Они прекрасно знают меня.

– Да? Отлично!

Покинув «МэнКон-Хауз», Мэнсон сел в свой «роллс-ройс» и приказал шофёру ехать в «Букерс», клуб, в котором собирались ветераны консервативной партии. Здесь его уже ждали два члена правления «Мэн-Кона», заинтригованные вниманием главы корпорации. Сэр Джеймс не рассчитывал, что эта встреча даст какие-то ощутимые результаты, но могла быть полезной для дальнейшей игры вокруг Зангаро. Только после долгих манёвров удалось привлечь внимание уважаемых джентльменов к африканской теме. Когда он вскользь упомянул о нестабильности в Западной Африке и вскользь упомянул о перевороте, в разговор встрял мистер Ригли, занимавший одно время важный пост в Кабинете министров Её Величества:

– Послушайте, сэр Джеймс, – прямо заявил он. – Что Вы так печётесь о каком-то острове с макаками. Гана, Аден потеряны, Занзибар, Танзания – тоже. Красные террористы в Родезии... Империя рушиться. Никто здесь даже не взглянет в сторону какой-то бывшей колонии третьей-разрядной державы. Какое нам дело до этого! Лучше бы поддержали нас на выборах!

– Не обращайтесь на него внимание, сэр Джеймс, – тихо сказал ему сосед. – Семья Ригли имеет серьёзные интересы в Родезии. Ну и он расстроен тем, что Ян Смит объявил её республикой...

– Понятно! Так что Вы думаете о наших перспективах в Западной Африке?

– Честно говоря, ничего. Однако, я могу Вам подыскать специалиста...

– Спасибо, не надо! Он возьмёт денег и расскажет какую-нибудь туфту, – Мэнсон брезгливо поёжился.

– Вы не поняли меня, сэр Джеймс! Я дам Вам контакт в МИ-6. Он профессионал в своём деле и весьма надёжен.

– Какой-нибудь Джеймс Бонд? – усмехнулся Мэнсон, прикладываясь к бокалу виски.

– Ну что-то вроде того...

– Извините, сэр, Вас срочно требуют к телефону, – к столику подошёл стюард.

– Моё почтение, сэр, – Мэнсон встал и вышел в фойе. Его недопитый виски остался стоять на столике. Это был звонок от мисс Кук, которая сообщила о результатах своей работы. Мэнсон попросил её соединить с Мартином и дал ему новые указания. Направляясь в гардеробную комнату, он попросил швейцара извиниться перед друзьями за срочный отъезд.

– В «Савой»! – приказал он шофёру. Там его уже ожидал Мартин Торп. Он расположился в самом дальнем углу Американского Бара. Едва Мэнсон появился в дверях, ему навстречу сорвался главный бармен:

– Привет, Джимми! Рад видеть тебя в наших стенах. Давненько Вы к нам не заходили. Что будете пить?

– Здравствуй, Джо! Сделай-ка, «мунвок».

– «Лунную прогулку»? Как? Ты стал трезвенником?

– Убедил. «Бленхейм»!

– Вот это – другое дело! Что новенького в недрах земли, Джимми? – шутливо спросил бармен, поигрывая шейкером.

– Извини, Джо, меня ждут, – Мэнсон кивнул на примостившегося в уголке бара Торпа.

– Ты что, стал встречаться с мальчиками, Джим? У меня здесь это не принято, – только Джо Гилмор мог позволить себе так шутить с сэром Джеймсом.

– В каком-то смысле, да, Джо, – в тон ему ответил Мэнсон.

Перед Торпом лежала тонкая картонная папка. Без лишних слов Мартин пододвинул её боссу. Внутри лежало всего три или четыре листа бумаги, исписанных убористым почерком.

– Что это, Мартин? – спросил глава «Мэн-Кона», который привык к тому, что ему подают машинописные документы.

– Насколько я понимаю, Вы сами требовали конфиденциальности, сэр. Я не так хорошо владею машинописью, чтобы быстро набрать этот текст, а передавать его машинисткам опасно. Даже мисс Кук. Это единственный экземпляр.

– Понятно, – Мэнсон закрыл папку. – Я прочту его в машине. Спасибо, Мартин, до завтра! Джо, счёт! – Мэнсон встал, бросил на столик смятую пятифунтовую купюру и направился к выходу из бара. Глядя на него, Мартин Торп широко улыбался.

– Хитрая сволочь, – прошипел он себе под нос, – но я тоже не вчера родился...

Торп дождался пока Гилмор принесёт счёт, рассчитался по нему и вышел из «Савоя».

Этот длинный июльский день в Лондоне заканчивался мелким морозящим дождём. Сидя на заднем сиденье своего «роллс-ройса», летящего по западному шоссе, сэр Джеймс Мэнсон рассеяно перебирал исписанные листки доклада. Убористый почерк Мартина было легко читать. Его выводы и предложения были точны и всесторонне выверены. И всё же что-то в них главу «МэнКона» настораживало. Пытаясь собраться с мыслями, магнат вновь и вновь перечитывал короткий доклад. Торп предлагал продолжить игру вокруг Хрустальной Горы, выводя на сцену новые фигуры. При этом он предполагал, что Шеннону и новым руководителям Зангаро кое-что известно о планах «МэнКона». По этой причине Торп предлагал изучить все связи наёмников, уделив особенное внимание их весенним контактам. Он справедливо полагал, что значительная часть контрагентов Шеннона побоится конфликтовать с могущественным магнатом и за некоторое вознаграждение даст всю информацию о нём. Во-вторых, Торп предлагал отследить финансовые операции наёмников и подкупить их партнёров, создав, таким образом, непреодолимые финансовые трудности у нового режима. В-третьих, предлагалось сформировать правительство Зангаро в изгнании, выдвинув нового претендента на власть, и объявить путчистов не легитимной властью. Тем временем, компания «Бормак» официально вступит в переговоры с новыми властями и в обмен на решение вышеозначенных проблем получит требуемую концессию. По мнению Торпа, реализация этого сценария была возможна только при выполнении двух условий полной поддержке Форин Офиса и устранении Шеннона на заключительном этапе.

Поскольку история с платиной во всех деталях была известна только сэру Джеймсу, мистеру Эндину и самому Мартину, он предлагал не вовлекать в проект новых игроков. При этом босс руководил операцией из-за кулис, обеспечивая её финансовую и политическую поддержку со стороны "МэнКона", а Саймон должен был заняться формированием оппозиции

и проведением розыскных операций. Мартин Торп никоим образом не был вовлечён в подготовку переворота и предлагал себя в качестве главного представителя «Бормака» на переговорах в Зангаро. Для того, чтобы занять официальный пост в этой компании, он предлагал завершить одну эмиссию её акций, и часть продать непосредственно «МэнКону». Это позволит включить Торпа в Совет Директоров «Бормака», не вызвав подозрений у акционеров и менеджеров «МэнКона». Проспект эмиссии был приложен в отдельном конверте: именно сегодня этот вопрос обсуждался сегодня на встрече майора Лютона и Гарольда Робертса.

– Шустрый малый, – задумавшись пробормотал Мэнсон, понимая, что Торп усиливает свои позиции.

– Вы что-то хотели, сэр, – шофёр сбросил скорость, услышав шефа.

– Нет, нет. Поезжай дальше, – Мэнсон с безразличием смотрел как сквозь пелену дождя мелькают освещённые окна домов какого-то городка.

Заметив направление взгляда хозяина, шофер посчитал нужным сообщить:

– Нортгроув, сэр. Уже подъезжаем.

Как и в Лондоне, в Глостере моросил мелкий дождь.

HORA VERITATIS

Близилась полночь, леди Мэнсон уже давно поднялась в спальню, а сэр Джеймс Мэнсон всё ещё сидел в библиотеке с папкой Торпа в руках. Его беспокоила мысль об утечке информации о платине, проходящая красной линией через доклад.

– Откуда этот проклятый наёмник знает о платине? – думал он. – Неужели Саймон проговорился? Не может быть? Если не он, то кто же?

Неожиданно дверь в библиотеку отворилась: на пороге стояла заплаканная Джулия, любимая и единственная дочь магната. На ней была надета ночная сорочка и тёплые ночные тапки. Дочь магната была ростом чуть больше пяти футов, и держалась очень прямо. Темно-каштановые волосы ее были распущены, окупаясь до талии. Ее дерзкое круглое личико казалось ангельски невинным. Слёзы текли по её щекам, оставляя влажные следы:

– Папочка, ты не спишь?

– Нет, доченька. Ты плачешь? Кто тебя обидел?

– Папочка, ты только не сердись...

– Что ты, доченька? Как я могу на тебя сердиться? Проходи, садись, рассказывай. Не бойся, для тебя я сделаю всё, что ты захочешь! Что-то случилось с Тамерланом?

Мэнсон притянул дочь к себе, обняв её за плечи.

– Нет, папочка. Я влюбилась! – Джулия неловко обернулась, пытаясь заглянуть отцу в лицо. Мэнсон смутился, уловив в глазах дочери надежду.

– Он что тебя обидел! – Мэнсон выпрямился и, грозно нахмутив брови, поставил дочь прямо перед собой.

– Нет, нет, нет! Он хороший, он интересный и богатый! – затараторила Джулия, пытаясь улыбнуться. – Просто он работает на тебя. А ты его отправил далеко-далеко...

– Куда? – лицо магната выражало искренне удивление. Он перебирал в голове сотрудников «МэнКона» и силился понять в кого влюблена его дочь. Его вдруг осенило – Неужели это Саймон?

– В Африку! Он там умрёт! Он сам сказал! – Джулия начала вновь хлюпать носом.

– Ну успокойся, успокойся! Я его сейчас вызову назад, – почти запричитал отец, вновь обнимая дочь. Он думал: – Неужели моя дочь втюрилась в Эндина? Вот пройдоха! – его мозги искали простого объяснения.

– Не вернёшь! Он сказал, что поехал там умирать – почти выкрикнула дочь и отстранилась от отца.

Ничего не понимая, Мэнсон решился на прямой вопрос:

– Как его зовут?

– Карло! Карло Шеннон! Он наёмник! – звонко и отчётливо произнесла дочь. Магнату на мгновение показалось, что у него из-под ног ушёл пол: он так и рухнул в стоящее рядом кресло. Теперь уже за отца испугалась дочь. Она со всех ног бросилась к отцу. Ночные тапки соскользнули с её маленьких ног, зацепившись за ковер:

– Что с тобой, папочка? – она бросилась к нему. – Что случилось?

– Ничего дочка, пройдёт! А теперь подай мне мой бокал, садись в кресло и подробно расскажи мне обо всём...

Джулия села в кресло напротив, подтянув к подбородку свои босые ноги и стала без умолку говорить. Её бесхитростный рассказ со всеми деталями и подробностями занял минут двадцать. Она уделяла много внимания несущественным деталям, но всё же лишь умолчала о том, что рассказала своему возлюбленному об отцовских документах на столе в отцовском кабинете. Слушая лепет дочери, сэр Джеймс понимал, что молодая, неопытная девочка оказалась в лапах опытного, аморального наёмника, который использовал её для того, чтобы поближе подобраться к нему и разведать его планы. Когда Джулия замолкла он её спросил:

– Расскажи ещё раз, кто вас познакомил?

– Фрэд, дружок моей подруги Кэрри! Мы с ней учились на курсах манекенщиц. Фред и Карло зашли за нами на квартиру Кэрри рядом с Мэйда Вэйл. Оттуда мы направились в «Бейкер энд Оувен», что в Мэрилибуун...

– Достаточно. Кэрри всё ещё живёт там?

– Да! Я могу ей позвонить. Она с радостью приедет к нам на уикэнд, – Джулия растерянно улыбалась, наблюдая за отцом. После долгого молчания Мэнсон медленно произнёс:

– Вот что дочка! Поживи-ка дома. Если хочешь, можешь пригласить эту свою подругу Кэрри в гости. И, главное, никому не рассказывай о Шенноне. Даже маме! – Он неожиданно повысил голос, но дочь только вяло закивала головой. – Обещаю, что я с ним разберусь... – последние слова магната прозвучали несколько зловеще, но перенервничавшая Джулия не обратила на это внимания. Сэр Джеймс встал, приобняв, поцеловал своего единственного ребёнка в лоб, и мягко произнёс:

– Иди спать, доченька. – Когда дверь за шаркавшей ночными тапками Джулии, он вновь отчётливо произнёс – Я с ним разберусь... – В этот раз голос его звучал звонко, как в молодости. Откровения дочери развеяли сомнения старого, опытного лиса, каковым себя считал сэр Джеймс. Главное. Что он выяснил для себя: никто из его команды не проболтался или стал играть свою игру. Допивая виски, он твёрдо решил, что завтра наймёт детектива. чтобы узнать, чем занимается его единственная дочь. Потом поднялся в спальню и крепко заснул...

Саймон Эндин проснулся поздно. Оставшуюся половину дня он провёл у себя в номере, ожидая звонка шефа. Изнывая от безделья, он постепенно опустошал бар, прокручивая всё, что знал о Шенноне, вспоминал разговоры с ним, встречи... Стоп! Его вдруг осенило:

– Апрельский день. «Трэмпис», заведение Джонни Гоулда! Шеннон был там вместе с Джулией Мэнсон. Неужели шеф ведёт собственную игру? Решил ни с кем не делиться и подставил собственную дочь? На него похоже... Но почему всё так сложно? Зачем тогда Боби, их бесполезный рейд в Кларенс? Если Саймон стал лишним, то Шеннон легко мог его убрать. Да и отвечал он что-то другое... Неужели? – тут Эндина прошиб пот: – Шеннон «кинул» самого Мэнсона! Каков молодец! – Он почти восхищался этим наёмником: он понимал толк в красивой игре. – Жаль я не в доле, – тоскливо подумал он. Звонок телефона прервал поток его мысли.

– Ну вот, вспомнили об мне, – произнёс он вслух. – Пора, сэр Джеймс, пора включать меня в дело.

Медленно он подошёл к телефону, но это был не сэр Джеймс, а портье, который сообщил, что мистера Эндина хочет видеть какая-то леди.

– Белая или чёрная, – съязвил спяну Саймон. – Пусть поднимается ко мне, заплачу...

Портье не понял юмора:

– Леди – белая. Она будет вас ждать внизу сколько потребуется.

– Хорошо. Скоро спущусь, – Эндин повесил трубку и подумал о том, кто бы это мог быть: «В Уарри он первый раз, тёлочка вроде не цеплял, с полицией не сталкивался. Может кто из банка? Очень мило с их стороны...»

Наскоро приняв душ, Эндин спустился в фойе, ломая голову о неожиданном визите, и не был разочарован. Его встретила светловолосая женщина лет тридцати. Правда, если присмотреться повнимательнее, волосы у неё были не столько светлые, сколько выгоревшие. В условиях Африки она выглядела роскошно: славянские скулы придавали определённый шарм её смуглому от загара лицу, линиям джинсового костюма только подчёркивал её соблазнительные формы. Лёгкий загар на лице придавал ей шарм. Она стеснительно прятала огрубевшие руки с короткими, но ухоженными ногтями. На ногах у неё были бабуши с загнутыми концами. Её заскорузлая пятка, которая иногда попадала в поле зрения Саймона, даже возбудила его.

– Чем обязан мадам? Вы из банка? Могу я Вам что-нибудь предложить? – От безделья и неопределённости Эндин был готов удариться во все тяжкие.

– Неужели вы меня не узнаете, мистер? – ответила дама по-английски, тщательно подбирая слова. Её низкий голос звучал отчётливо в тишине полупустого бара. – Вчера утром я оказалась в затруднительном положении, и вы выручили меня. Я пришла высказать Вам свою благодарность.

– Как-то коряво она выражается, – подумал Эндин и ответил: – Ну что Вы, миссис, джентльмен всегда должен помогать леди! Позвольте представиться: Харрис, Уолтер Харрис, бизнесмен.

– Ну вчера вечером, вы так не выглядели, – усмехнулась женщина. – Ядвига, Ядвига Зумбах. – Она протянула руку. Эндин протянул ей свою. Рукопожатие было крепким, почти мужским.

– Так, чем обязан миссис Зумбах? – Эндин увидел тонкую золотую полоску на левой руке женщины. – Может кофе?

Женщина кивнула и села в кресло напротив. Закинув ногу на ногу, она внимательно рассматривала собеседника. Под её прямым взглядом Саймону стало как-то не по себе. Хорошо, что портье подошёл принять заказ.

– Так всё-таки чем обязан? – Эндин разомлел от жары и выпитого виски. Ему вдруг стало всё равно, что там происходит на улице, в Кларенсе, в Лондоне...

– Я пришла отдать Вам долг, – прямо ответила женщина.

– Долг? Какой? – Лицо Эндина вытянулось от удивления. – Я Вас первый раз вижу, мадам!

– Вчера утром Вы нас с падчерицей сильно выручили. Мой... муж задержался по делам и нас выселили из отеля, поскольку мне нечем было платить. Вчера утром Вы за нас заступились, а сегодня я... мы уже решили проблемы.

– Ну что Вы, не стоит...

– По глазам вижу, что Вам нужна женщина. Вы же меня хотите? – Она взяла его за руку. Как заговорённый Эндин потянулся к ней.

– Не здесь, мой милый, не здесь, – скороговоркой произнесла Ядвига. – Допьём кофе и поднимемся к тебе. Не торопись. У нас много времени.

Как только они вошли в номер Саймон набросился на женщину. Дальше всё происходило как во сне. Несмотря на свой богатый опыт, Саймон был заморожен своей партнёршей и потерял счёт времени. Они занимались любовью, курили, пили виски и мало разговаривали.

Эндин предложил спуститься поужинать в ресторан, но Ядвига отрицательно покачала головой. Тогда он распорядился принести его в номер. Всё время пока официант накрывал стол, гостя Эндина провела в душе. После его ухода, она вышла и с видом королевы села за стол: купальный халат, который был надет на неё, только подчёркивал её красоту. Эндин сидел напротив, пил вино и думал о том, что все его многочисленные подружки не стоят и десятой части женщины, сидевшей напротив: те девки только заводили, а эта сводила с ума.

– Кто ты? – он решил прервать затянувшееся молчание Она на него удивлённо взглянула, будто не понимая вопроса. Её рука потянулась к бокалу, она поднесла его к губам и сделала глоток.

– Откуда ты? – Эндин решил быть настойчивым. Ядвига улыбнулась и ответила своим меццо-сопрано:

– Ниоткуда. Это – Африка! Здесь всё приходит ниоткуда и уходит в никуда.

– Послушай! Так не бывает, – Саймон нервно теребил край скатерти, глядя в упор на Ядвигу. Она прикрыла глаза, будто думая о чём-то далёком.

– Ты хочешь что-то узнать обо мне? – спросила она. Эндин судорожно кивнул. – Я ниоткуда, – повторила она, каким-то другим, скрипучим голосом. – мой отец из России, мать – из Литвы, муж – из Польши, я – из Бельгийского Конго. Этих стран больше нет и, наверное, уже никогда не будет... – Она умолкла, нервно закурила сигарету и, сделав затяжку, сломала её в пепельнице. Встав из-за стола, она грациозно потянулась и обняла Саймона...

Ночью они вышли на балкон, курили и смотрели на яркие африканские звёзды, закинув ноги на ограждение. Ночной бриз гнал влажный океанский воздух вглубь материка. Внизу мелькали фары случайных автомобилей, в порту горели три или четыре фонаря, мигал маяк. Где-то в сумраке ночи «Тоскана» шла на юг. В её трюме лежали автомобильные покрышки, различные механические приспособления, инструменты и станки. Горан рассказал, что сторговал их у какого-то грека, который не знал, как от них избавиться. Всё это было завалено тюками с сушёной рыбой, обувью и одеждой. Судно шло всего в нескольких милях от берега и на её пути могли оказаться рыбацкие лодки, вышедшие на промысел. По этой причине помощник капитана Норбиатто всматривался в темень и периодически включал сирену.

Вальденберг спустился в свою каюту сразу после того, как отпустил лоцмана. Норбиатто усмехнулся: у старика сегодня был тяжёлый день. Сначала он торговался с ливанцами, потом – с портовиками, затем размещал груз и распределял пассажиров. Окончательно вывели капитана из себя таможенники, затребовавшие за копеечный груз баснословную мзду. Только лоцман, служивший ещё в британском военном флоте, вызвал неподдельное уважение своими знаниями и опытом. Уже на рейде они распили на троих бутылку джина и обменялись крепкими рукопожатиями. Норбиатто взглянул на компас: «Тоскана» держала курс на юго-юго-запад и скользила по океану со скоростью шесть узлов. До Кларенса оставалось два часа хода...

В каютах «Тосканы» разместились четыре негра интеллигентного вида, имена которых сообщил по радио Курт, а на палубе сидела другая группа. Пассажиры были одеты в немислимые лохмотья и козьи шкуры. Запах их немытых тел и невыделанных кож был таков, что Вальденберг не хотел пускать их на борт. Потребовался прямой приказ Шеннона, чтобы их приняли на борт. Это были родичи Джонни. Их было пятеро: сморщенный седой старик и четыре атлетически сложенных горца. Они должны были забрать тело сородича, отвезти его в Баменду и похоронить его согласно своим обычаям. Весь путь они молча сидели на носу «Тосканы», удивив видавшего вида Вальденберга своей выдержкой. Иногда к ним подсаживался один из пассажиров каюты, которого было Шан Лоримар и чём-то говорил с горцами на их гортанном языке.

Эндин вновь и вновь пытался разговорить гостью, но она всё время задумчиво молчала и только яркий огонёк её сигареты иногда подрагивал в ночной мгле. Вдруг она повернулась и сказала:

– Моя жизнь – как эта ночь. Пройдёт и ничего от неё не останется.

– А сын? – возразил Саймон.

– Это не мой. У меня не может быть детей. – Её белые зубы сверкнули в темноте. Она встала и ушла в комнату. Немного замешкавшись, Эндин пошёл вслед за ней. Утром следующего дня его разбудил телефонный звонок. Он не спеша поднял трубку:

– Лондон на связи, сэр! – раздалось в ней. На линии был Мэнсон. Его распоряжение было безапелляционным: Эндин должен был быть в Лондоне как можно скорее. Саймон повесил трубку и немедленно связался с портье: ему нужны были билеты в Европу на ближайший рейс. Повесив трубку, он вдруг осознал, что Ядвиги нет в номере. Оглянувшись, он вдруг увидел её бабуши с загнутыми носками и облегчённо вздохнул. Достав чемоданы, он стал складывать вещи. За этим занятием он не услышал, как дверь в коридор открылась и вошла его вчерашняя гостья. На ней был вчерашний джинсовый костюм, и она была босиком:

– Извини, милый я спустилась в бар выпить кофе, – проследив его недоумённый взгляд в сторону обуви, она лишь усмехнулась своим меццо-сопрано: – Не хотела тебя будить. Ты уезжаешь?

– Ненадолго. Я вернусь. Номер оставлю тебе!

– Не надо.

– Но я хочу тебя ещё?

– Это вряд ли получится!

– Почему?

– Может через два или пять дней я отсюда уеду. Может надолго, может насовсем...

– Где тебя искать?

– Не знаю. Африка большая...

– Тогда ты найди меня сама!

– Я даже не знаю, как тебя по-настоящему зовут Харрис или Эндин, Уолтер или Саймон? – Саймон удивлённо смотрел на Ядвигу. Она язвительно добавила. – Милый, ты вчера заказывал ужин в номер. Неужели ты думаешь, что я глухая? Но я привыкла к этому. Белые мужчины здесь, в Африке, всегда себя выдают за других.

– Ну и кто же по-твоему я? – У Саймона в горле совсем пересохло.

– Ты? – женщина удобно расположилась на диванчике, подтянув под себя ноги. Она задумчиво качала головой, смотря прямо в глаза. Затем она потянулась за сигаретами, прикурила одну из них и сказала:

– Не знаю, как это звучит по-английски! – и, промолчав, добавила: – Пират или разбойник! Бизнесмены так себя не ведут. Но ты мне нравишься. Я провожу тебя в аэропорт...

Эндин подумал: «А ведь она права?». Ему вдруг захотелось взять её с собой:

– А кто твой муж, этот Зумбах? Немец?

– Нет. Поляк. Он похож на тебя. Только старше и, – она на секунду замолкла, – беднее!

– Так брось его. Поедем со мной! Сейчас!

– Не смей меня. Там, в Европе, я буду твоей диковиной игрушкой. Надолго ли? – Она замолкла, закуривая. – А если серьёзно, я не могу оставить Яна.

– Почему?

– Много лет назад он меня спас, вывезя из Стэнливиля. Не знаю, чтобы со мной было бы, если бы не он. Когда Симба захватили город я была ещё девчонкой... – её лицо помрачнело. – Отца зарубили прямо на глазах, мать насильовали много раз, а меня посадили на верёвку и потащили в солдатский барак... – Ядвига перешла почти на шёпот. – Не знаю сколько это длилось. Я потеряла счёт времени и почти сошла с ума от ужаса и стыда. Потом началась стрельба казармы заняли другие чёрные... Я потом узнала, что люди полковника Мобуту. Они попытались проделать со мной всё то же самое, но тут появились белые, бельгийцы, парашютисты. Меня поместили в госпиталь... Меня хотели отправить в Европу, но тут выяснилось, что у

меня есть родственники только в Польше. Тут появился Ян. Он сказал, что берёт меня с собой, что я его невеста, – она усмехнулась. – Для этого ему пришлось жениться, иначе эти бельгийские чинуши не хотели меня выпускать. Вот так вот мы и живём, – она невесело рассмеялась и умолкла.

– Да, вот так история!

– У поляков есть поговорка, что жизнь напоминает луковицу, чем больше чистишь, тем больше плачешь...

Её прервал звонок портье, который сообщил расписание полётов в Европу. Поскольку прямых рейсов на Лондон в этот день не было, Эндин решил лететь в Дакар местными авиалиниями, а оттуда – в Париж. Позвонив в банк, он отдал последние распоряжения и упаковал вещи. Ядвига сидела на диване, не меняя позы и курила. Саймон не смотрел в её сторону боясь встретить её взгляд. Он решился на это только после того, как портье забрал багаж.

– Ну, что, пошли? – безразличным тоном сказал он, доставая из бумажника сто долларов и протянул ей. Она отвела его руку:

– Не надо. Не обижай меня!

В практике Саймона это было что-то новое, ещё никогда его женщины не отказывались от денег.

– Почему? – спросил он с вызовом. – Ты же взяла у меня деньги раньше...

– Это другое. А сейчас я отдавала долг! Лучше присядь!

– Зачем?

– Давным-давно у отца на родине была такая традиция: присесть на дорогу, чтобы путешествие было лёгким...

– Странная традиция. Ну, если ты хочешь?

– Хочу. Садись!

Он присел:

– Ну может всё же возьмёшь деньги? В долг!

– Хорошо. Молчи минуту!

– Зачем?

– Традиция!

Саймон удивлённо повёл бровями, но выполнил приказ женщины и замер, задержав дыхание. Следя за секундной стрелкой своего «Ролекса», он ловил себя на желании двинуть ногой или рукой. «Дурацкая традиция!» – решил он, когда время истекло и они встали. Он вновь протянул смятую бумажку Ядвиге, та взяла её и сказала:

– В долг. Но я его никогда не отдам!

Они спустились в фойе отеля и сели в такси. Шофёр оказался лихачом и доставил их в аэропорт за четверть часа. Ядвига проводила Саймона до стойки регистрации и, по-мужски поцеловав в губы, пошла в направлении зала прилёта. Эндин смотрел ей в след.

– Багаж, сая? – скрипучий голос стюарда вывел его из ступора. – Хороший дама, сая!

– Ты что её знаешь?

– Да, сая! Это женщина пайлота Брауна!

– Кого? Кого? Кейта Брауна? – услышав псевдоним Шеннона, Саймон едва удержался на ногах.

– Ноу, ноу, сая! Пайлота Брауна...

– А! Лётчика Брауна?

– Да, сая! Он лучший пайлот в Африке...

– Слава богу! – хоть тут ошибся, пробормотал он.

– Вы что-то сказали, сая? Пора на посадку, сая! – стюард в расчёте на чаевые взял единственного пассажира первого класса на рейсе Уарри-Дакар под свою опеку. Уже в полёте Саймон разговорился с первым пилотом и выяснил, что «Джон Браун» – это позывной поляка,

которого на самом деле зовут Ян Зумбах. Он совершает чартерные полёты по Западной Африке на своей «Дакоте». По слухам, Зумбах воевал в Конго и Биафре...

Для Шеннона этот день пролетел незаметно. Завтрак в отеле не был, конечно, столь скуден как во дворце, но тоже плохо съедобен: подозрительного вида овсянка, яйца, хлеб, кофе и фрукты. Хорошо, что подали масло и джем. Набив желудок, полковник поехал в полицейские бараки. До прихода «Тосканы» ему надо было очень многое успеть. Оставив своё воинство на попечение Курта и Барти, он всё утро провёл на заседании Комитета Национального Спасения, где единогласно утвердили состав Госсовета. После этого командир наёмников поехал в аэропорт, чтобы подготовить его к встрече генерала Оджукву. Для этого он приказал собрать всех мастеровых. За годы хозяйничанья Кимбы их число в Кларенсе сильно поубавилось.

Как ни старались Пренк и Бенъярд, им не удалось найти всего одного радиотехника, трёх каменщиков, плотника с подмастерьем и только одного кузнеца. Правда, последний явился с двумя помощниками и постоянно жаловался, что ему не хватает работников. Когда Шеннон из чистого любопытства поинтересовался в чем дело, выяснилось, что Аб ла Крете до недавнего времени тоже работал в кузнице и выполнял большую часть тяжёлой работы. Для того, чтобы ускорить работы, Шеннон поехал в полицейские бараки. Благодаря Курту, там царил порядок. Конечно, до совершенства было далеко, но караул бодрствовал, солдаты тренировались, а арестанты работали. Мусор был убран, доски и целые кирпичи сложены в аккуратные штабеля и прикрыты пальмовыми листьями. Шеннон застал арестантов за строительством жилья. Один из них размечал на склоне песчаной дюны квадратные участки, в то время как другие, орудуя лопатами и мотыгами, старательно рыли по четыре ямки глубиной по двенадцать дюймов с каждой стороны. Третья группа, рыла канавки для стока воды между этими площадками. Ещё одна группа, видимо, находилась в роще, откуда доносился нестройный звук топоров.

– Они там рубят стволы молодых деревьев для навесов, – пояснил подбежавший комендант Бевэ. – Потом мы обрубим их в размеры два и четыре фута. Под ними будут находиться временные кровати для наших солдат. Пройдёте, сэр, покажу...

Они перешли к другому ряду хижин. Здесь тоже трудились пленные: одни натягивали брезент навеса, другие – подвешивали циновки, создавая импровизированные стены, третьи – трамбовали пол. Завидев командира, подошёл Барти.

– Отбери мне несколько человек для работы в аэропорту. Самых сильных.

– Есть, сэр!

Пока Барти подыскивал людей, Шеннон и Бевэ продолжили осмотр бараков. Полковник заглянул в готовую хижину и стал наблюдать за сооружением лежанки. Арестант аккуратно пилил молодые деревца на равные части длиной по двенадцать дюймов каждая и забивал их в утрамбованную землю пола новой хижины так, чтобы образовался прямоугольник три на шесть футов. Затем он взял несколько стволов бамбука и разрубил их на четыре части, которые привязал к верхней части колышков прямоугольника.

– Койка, защищающая от змей и скорпионов, – гордо заявил Бевэ, вошедший в хижину. – Предохраняет от простуды на земле и предрассветной влаги.

– Откуда вы это всё знаете?

– Опыт работы в Катанге. Я ведь, в первую очередь, инженер-строитель. А ещё мы каждый вечер берём немного пепла от очага и делаем круг вокруг каждой хижины. Пепел останавливает насекомых, и они не проберутся к спящим. Вот там у нас расположена кухня!

Шеннон посмотрел в сторону, куда указывал его сопровождающий. На достаточно большом расстоянии от хижин несколько человек сооружали земляную печь. Они уже вырыли четырёхугольную яму размером три на три метра. Её глубина составила полметра. На дно положили на дно камни, а на них – дрова.

– Надо раскалить камни докрасна, выгрести золу и уложить на «под» свинину, рыбу, кур, плоды хлебного дерева и в огромном количестве клецки, обернутые в пальмовые листья. Потом

«повара» застелют все большими листьями и на два часа засыпят яму песком. Затем, чтобы скоротать время, пока поспеет ужин, все займется строевой подготовкой. Пойдём дальше, – военный инженер повёл рукой, показывая направление движения. – Я покажу Вам комендатуру.

– Вы уже приступили? – удивился Шеннон.

– Да. Занимаясь расчисткой, мы обнаружили старый фундамент, – Бевэ шёл уверенным шагом, подробно рассказывая начальнику о строительстве. – Для лёгкого барака нам вполне сгодится самая простая и дешевая конструкция. К тому же в доме из циновок прохладнее. В полдень в деревянном доме с потолком и жарко и душно, а под кровлей из пальмовых листьев зной не страшен. Они- лучшая термоизоляция. Деревянные дома, железные крыши которых застелены листьями, здесь довольно частое явление. Единственные недостатки этого материала – воспламеняемость и непрочность: пальмовый лист не может противостоять атакам крыс.

– Понятно, – сказал Шеннон, подходя к постройке. Он увидел шесть прочных стволов пандануса: четыре по углам фундамента и два – повыше – по концам его продольной оси. На них уже лежала коньковая балка, к которой с помощью луба приторочили стропила.

– Несколько столбов поменьше поставим там, где предполагали сделать двери и окна, а из длинных прямых сучьев настелили основу для крыши, – рассказывал Бевэ. – Стены завесим циновками. Я уже посчитал: нужно будет триста циновок длиной восемь, шириной два фута.

– Что за странный размер?

– В торцовую стену укладывались полторы циновки, в длинную – две.

– Вам не кажется, что помещение получится маловатым.

Бевэ на секунду задумался и повёл Шеннона к одному из торцов и остановился в метрах двух от него.

– Вот здесь, – важно сказал он, – вобьём ещё два столба пониже и соединим наклонными жердями со всей конструкцией. Получится небольшая прихожая...

– Как быстро будет готов этот барак.

– Через четыре дня каркас будет готов. Потом будем делать цементный пол – главным образом, чтобы преградить путь всевозможным насекомым. Достаточно положить сантиметров пять. Естественно, для этой работы нужна крыша (чтобы не помешал дождь) и не нужны стены (чтобы ветер быстрее просушил готовый пол). Пока будет схватываться цемент, мы сделаем из бамбука скамьи, два стола и четыре стула. Не очень прочный материал, но зато его вдоволь, и он легко поддаётся обработке. Окна от комаров затянем металлической сеткой, а снаружи навесим ставни для защиты от ветра и дождя.

– То есть, строительство займёт примерно через неделю?

– Нет, сэр, десять дней.

– Ещё я планирую провести в лагерь водопровод. Магистральная труба проходит в районе склада, но напор будет достаточным, чтобы вода одолела подъем на наш пригорок.

– Что для этого надо?

– Насос и триста метров дюймовых труб. Я тут провёл подсчёты: строительство барака обойдётся в тринадцать тысяч двести франков.

– Недорого. Можно будет потом построить ещё несколько таких домов для офицеров.

– Понятно. А вот и Барти! Где твои люди?

– Стоят на плацу. Я отобрал пять человек, а шестой напросился сам.

– Как это?

– Сами увидите.

Шеннон вышел на плац. Под палящим солнцем стояло полдюжины босых негров в рваной форме. Пять из них принадлежали к племени винду и на вид были здоровы как быки. Шестой был небольшого роста и очень молод, почти подросток.

– Ты говоришь по-французски?

- Да, – практически без акцента ответил парнишка. – Я его изучал в школе.
- Как ты здесь оказался?
- Я был активистом Союза молодёжи Кларенса. Когда началась стрельба я прибежал к курсантам. Они взяли меня с собой в грузовик. Потом я сидел в аэропорту...
- Понятно, – оборвал его Шеннон. – Поему ты попросился на работу? Хочешь сбежать?
- Ннеет, – перепугано занял юноша. – Я не убегу. У меня в городе мама... – под строгим взглядом Шеннона он почти плакал.
- Как тебя зовут?
- Анри Тербель, я люблю самолёты...
- Что ты в них понимаешь?
- А вот немного понимаю. Я год работал переводчиком у диспетчера аэропорта.
- Сколько тебе лет?
- Девятнадцать.
- Хорошо, я возьму тебя с собой, – глядя как юноша радуется, Шеннон подумал, что из него, наверное, сможет выйти толк...

Ронни Вонг оказался знающим специалистом и быстро привёл в порядок всю аппаратуру. Городские кузнец и плотник, получившие арестантов в помощники, привели в относительный порядок сооружения аэропорта. Оказалось, что паренёк Анри не соврал: он довольно бойко управлялся с диспетчерским пультом. К вечеру аэропорт был готов для приёма самолётов. Только чернеющее место пожарища, разваленный ангар и щербины от пуль и осколков напоминали о том, что здесь всего сутки назад кипел ожесточённый бой.

Оставив арестантов под надзором Джинджи, Шеннон вернулся во дворец, где состоялось первое заседание Госсовета. Оно проходило в том же помещении, где заседал Комитет Национального Спасения. На лестнице его встретил Эйнекс, исполнявший должность секретаря. Увидев полковника, он встал по стойке смирно и отдал ему честь. Караульные последовали его примеру, взяв винтовки на караул. Прибывшие на «Тоскане» советники вызывали неподдельный интерес у Шеннона. Он хотел понять почему эти сугубо штатские люди покинули насиженные места и приехали в Зангаро.

Шеннон расположился у края стола и стал наблюдать за присутствующими. Окойе – председатель, торжественно важен и чуточку вальяжен. По его поведению было видно, что он чувствует себя хозяином, позволяя себе прерывать докладчика. Пренк – как всегда, сух, точен и осторожен, в то время как Бенъард – несколько циничен и скор. Дусон, рослый мулат, занимал место профессора экономики в заштатном университете где-то на юге Франции, был зануден и практичен. Худощавый Синк носил очки с толстыми линзами и имел учёный вид. Он занимался международным правом и одно время даже работал в Секретариате ООН. Год назад очередной переворот на родине превратил его в изгнанника и яркого врага коммунистов. Обычно, он был молчалив. Адвокат Лоримар практиковал в Яунде и был по своим убеждениям ярым республиканцем. Как и все люди его профессии он был многоречив и артистичен. Наиболее интересным из всей этой четвёрки был профессор Морисон, родившийся где-то на Антильских островах. Его познания во многих областях были настолько обширны, а суждения точны, что вызвали у всех окружающих невольное восхищение.

Первым делом советники распределили между собой обязанности согласно своим профессиональным знаниям. Синк получил должность советника по внешним делам, а Морисон – по внутренним. Вопросами экономики стал заниматься Дусон, а юстиции – Лоримар. Бенъарду с Пренком достались снабжение и благосостояние. После этого слово взял антилец, который бросил несколько пачек красных и зелёных купюр.

- Коллеги, хочу начать нашу работу с банального вопроса. Скажите, как Вам это нравится?

Шеннон стал их рассматривать. Чего на них только не было: и леопард, и герб Зангаро, и солдат в парадной форме, и самолёт, и рог изобилия. На большинстве купюр на самом видном месте красовался медальный профиль покойного диктатора. На одних он был в цилиндре, на других – в лавровом венке без, а на третьих – в традиционной для стран Северной Африки ермолке...

Посредине вычурным шрифтом было выведен номинал в кимбах, а сверху протянулась еще одна надпись: НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ЗАНГАРО, под которой была воспроизведена личная подпись Кимбы, выполненная чернилами.

– Он что все купюры подписывал лично, – удивлённо спросил Бенъярд.

– Нет, – ответил Дусон, сведущий в экономических вопросах. – Он использовал для этого факсимильную печать.

– А кто знает, что такое Национальный Банк Зангаро? – задал довольно риторический вопрос Пренк.

– Я думаю, что это был лично сам Кимба, – ответил Шеннон.

Тем временем Морисон стал сортировать банкноты. Окойе следил за его действиями, склонив голову набок.

– Что Вы делаете?

– Раскладываю по номиналам, – ответил советник. – Я считаю, что из обращения надо изъять все банкноты, где изображён тиран.

– Тэк-с, – подвёл итоги работы советника Лоримар. – Нам не подходят номиналы в пять, пятьдесят и двести кимб. Скажите, а сколько их находится в обращении?

– Не известно, – пожал плечами Дусон. – Я заглянул в банк: там с Нового Года не велось никакой отчётности. Формально считается, что один кимба равен одному африканскому франку.

– Вот Вам и первое задание, советник, – сказал доктор Окойе. – К следующему заседанию подготовьте данные по денежному обращению, а Вы, Морисон, начинайте изымать портреты Кимбы.

– Доктор вы хотите сказать, что в обороте останутся только купюры с достоинством в два и двадцать кимб? – уточнил Дусон.

– Да неужели Вам не понятно, – сорвался Бенъярд.

– Но тогда у нас возникнет дефицит денежной массы! Это сильно ударит по розничной торговле!

– Вот Вы и придумайте, как этого избежать, – ответил Окойе. – И ещё само название нашей валюты следует изменить. Вместо кимба её назовём зангом. Прошу высказаться того, кто имеет возражения против моего предложения! ?

Все дружно промолчали Окойе выждал несколько мгновений, а потом встал, закрывая заседание:

– А теперь, коллеги, пора приступать к работе. Прошу всех идти по своим местам. На днях я и полковник решим вопрос по обеспечению Ваших ведомств транспортом...

– Да, не плохо было бы иметь хотя бы по легковому автомобилю на министерство, – вздохнул Лоримар.

– И мотоцикл для курьера в придачу, – добавил Синк.

– Решим, коллеги, решим, – обнадёжил их Бенъярд.

После заседания Шеннон перекинулся парой слов с Окойе, а затем спустился в свою каморку, чтобы забрать вещи. В коридоре он встретил советников в сопровождении Бенъярда.

– Вы очень вовремя Шеннон, – воскликнул комендант, – я как раз хотел отдать Вашу комнату во Дворце мсье Морисону.

– Мне тут нужно забрать кое-какие вещи.

– Хорошо, сэр.

- Вы куда-то переезжаете? – вмешался в разговор Морисон.
- Да, мсье, в отель «Индепенденс». Там больше удобств.
- А я думал, что солдаты неприхотливы, – шутливо сказал профессор.
- Я сейчас не солдат, а советник. Могу себе позволить некоторую роскошь, – не понял юмора наёмник.

Шеннон добрался до отеля затемно. В фойе его встретил Гомес:

- Кейт, когда к тебе зайти?
- Как освободишься...
- Сегодня понедельник. Посетителей немного...
- Как там мои приятели?
- Сегодня сидят как-то тихо. Так что там насчёт рулетки?
- Можешь устанавливать.
- А когда будет официальная бумага?

– На днях. Кстати, и отель тоже тебе вернут. Это я тебе обещаю. Ре-сти-ту-ци-я, – произнёс по слогам наёмник.

Он прошёл в бар и осмотрелся, выбирая столик. Курт и Жан-Батист занимали столик в дальнем углу. Немец сидел спиной ко входу и был в своём репертуаре: пил пиво и что-то пытался втолковать Алексу. Лангаротти, зевая от скуки, гонял шары с Борликом.

– А шеф, – увидел он Шеннона. – Надо обязать Гомеза установить новый стол. Здесь никто не умеет играть карамболь.

Не обращая внимания на его слова, Кот выбрал столик неподалеку от Курта и поманил рукой то ли Фредди, то ли Жоржа и попросил у него меню. Официант немедленно поставил передним вазон с бумажными салфетками, перечницу и положил приборы. Шеннон полистал меню и спросил:

- Что вы можете мне порекомендовать?
- К сожалению, сегодня выбор птицы не богат: курятина или индейка, из мяса есть только говядина и козлятина. Могу также предложить рыбу. Гарнир: маниока, рис или фасоль. Соусы...

– Мне, пожалуйста, ветчину, суфле из индейки, казуле с козлятиной и виски со льдом...

– Хорошо, сэр, но виски у нас, к сожалению, нет.

– А почему здесь это написано? – Шеннон возбуждённо ткнул пальцем в меню. Официант пожал плечами. – Что тогда у вас есть?

– Могу предложить арак или пиво, прямо из холодильника. Есть ещё чери...

– Тогда лучше бутылку холодной сельтерской и чери бренди.

– Да, сэр.

Шеннон был рад, что его товарищи постоянно заняты. Это давало ему возможность немного побыть наедине самим с собой. Он терпеливо дожидался заказанных блюд, потягивая чери. Только сейчас он обратил внимание, как за последние пару дней изменился интерьер бара. Вместо белого пятна над барной стойкой и разбитого зеркала висели репродукции «Водяных лилий» Клода Моне и «Арльские виноградники» ван Гога. Остальные стены украшали различные постеры, в основном на французском языке. Клеёнки на столиках были заменены на бежевые скатерти, а колченогие стулья – на удобные плетёные кресла. У выхода на веранду висело большое зеркало в тяжёлой дубовой раме. Стойка пестрела бутылками с этикетками, коробками конфет и бисквитов. Бокалы, рюмки и даже хрустальные кубки блестели в лучах люстры, сменившей убогую лампочку, было несколько стаканов из толстого стекла, но бутылок нигде не было видно. От прежнего интерьера остался только вентилятор, напоминавший пропеллер. Однако, в отличие от прошлого раза, он теперь едва слышно шелестел, расталкивая воздух. Даже дряхлый музыкальный автомат смотрелся более изящно.

– А, Кот, привет. – Земмлер только сейчас заметил своего командира. – Присоединяйся к нам!

Шеннон отрицательно покачал головой и прикрыл глаза.

– Ну, как хочешь... – буркнул немец. Было слышно, как он неуклюже стал объяснять Алексу, почему так называет своего друга. Вдруг кто-то его тронул за плечо. Это был Лангаротти:

– Тут есть одно дело, – шёпотом произнёс он. – Надо немного посплетничать.

– Это срочно?

– Да, не очень...

Слушай Жан-Батист, я что-то сегодня замаялся. Извини, дай спокойно пообедать.

– Хорошо, Кот! Я к тебе зайду ближе к ночи...

Шеннон дождался свой заказ и умял его минут за пять. Не ожидая счёта, он бросил две пятисотки на стол и вышел из бара. Говорить ему ни с кем не хотелось. Лангаротти вломился в номер своего начальника за полночь. Он был настолько возбуждён, что даже не заметил того, что поднял своего командира с постели. Шеннон был страшно недоволен этим вторжением, но не подал виду. В конце концов, он был обязан корсиканцу жизнью.

– Что случилось?

– Извини, Кот. Есть что выпить?

Шеннон достал на четверть полную бутылку с чери:

– Будешь?

– Ага.

Шеннон налил полный стакан и протянул его корсиканцу. Тот осушил его залпом.

– Ну так что случилось?

– Помнишь зал наверху, в котором мы ужинали три дня назад.

– Да!

– Так вот! Вчера он был наглухо закрыт, а сегодня вечером открылся.

– Когда?

– Не помню точно. После того, как ты ушёл...

– И что?

– Там теперь казино с настоящей рулеткой!

– Гомез, конечно, поторопился, но скоро он получит разрешение...

– Он лично нас встречал и усаживал за стол! Даже кредит предоставил в пятьдесят тысяч.

Да ещё всем выпивку давал бесплатно...

– Ну и как?

– Курт ещё ничего: остался при своих. А я просадил все наличные!

– И кредит?

– И кредит! Налей ещё!

Шеннон с сомнением посмотрел на корсиканца, потом взял бутылку и налил бокал.

– Мне кажется тебе уже хватит! Вот выпей и иди спать!

– Всё, всё! Я в норме. Я к тебе вообще-то по другому поводу.

– Какому?

– Я сегодня разговорил папашу Вилька. Как ты думаешь, чем он тут занимается?

– Торговлей, может немного контрабандой. А что?

– Знаешь, что он отсюда вывозит? Шкуры диких животных!

– Ну и хорошо. Какой-никакой прибыток.

– Так вот. Расскажу всё по порядку. Борлик привозит сюда порох и пули, но не продаёт их, а даёт в долг туземцам. Те охотятся на дичь и отдают её в качестве оплаты долга. Мясо он отдаёт Гомезу, а шкуры и чучела вывозит в Европу. У него оказывается здесь имеется таксидермическая мастерская. Она расположена в помещениях старого сахарного завода.

- Вроде он был закрыт уже при Кимбе?
- Нет, ещё до первой мировой войны. Так вот, это только прикрытие!
- Вот как?
- Ага. В ней работает несколько беженцев. Однако там не только набивают чучела, – торжествующе произнёс корсиканец, – но и ремонтируют ружья, набивают патроны, вставляют капсюли в гильзы!
- Как это Кимба просмотрел!
- Ничего он не просмотрел. Он знал об этой мастерской и пользовался услугами папаши Виля, когда ему припекало. Вот! – выдохнул Жан-Батист. Он наклонил бутылку и нацедил себе ещё один бокал чери. – Будь здоров, командир!
- Мне кажется, тебе уже хватит!
- Мгм...
- Иди спать! Я завтра переговорю с Бенъярдом.

ГОСПИТАЛЬ

Санди умер пятнадцатого июля, на рассвете. Ночью Шеннона разбудил громкий стук в дверь. Голос настойчиво просил мистера Кейта его впустить.

– Какого чёрта, – выругался Шеннон, вылезая из-под марлевого накомарника. В полумраке комнаты (оконные жалюзи были закрыты плотно закрыты) он натянул на себя трусы и на ощупь двинулся к двери. Спросонок он наткнулся на стул и чуть-чуть не упал.

- Кто там?
- Это Жорж, мсье! Звонят из госпиталя...
- Кто?
- Как кто? Доктор из госпиталя! Он срочно требует к телефону какого-то Шеннона, который живёт в Вашем номере...
- Так что случилось?
- Плохо вашему человеку.

Сон сняло, как рукой. Если ночью звонят из госпиталя, значит дела у Санди действительно плохи.

- Где телефон?
 - Я Вас провожу.
 - Подожди, дай одеться.
- Шеннон плеснул в лицо воды, затем натянул куртку и брюки. Подумав, обулся и, взяв в охапку ремни, решительно вышел в тёмный коридор отеля. У входа стоял Жорж, держа в руке переносную лампу:

– Прошу следовать за мной мистер Кейт, – мягко произнёс он, и неслышно повёл его к регистрационной стойке. В гостинице царил полная тишина.

– Неужели все гражданские так крепко спят, – пробурчал наёмник, привыкший реагировать ночью на каждый шорох.

- Что Вы сказали, мсье, – обернулся Жорж. – Я не расслышал...
- Ничего. веди быстрее, – шепнул Шеннон. Они быстро пошли по коридору и, повернув налево, оказались в фойе. Со стороны бара доносился гул голосов: Шеннон сначала удивился этому, но потом вспомнил, что там установлена рулетка.

- Шеннон!
- Мильтадес, Дежурный врач госпиталя. Один наш пациент очень плох, он хочет видеть Вас.
- Как его имя?
- Синдис.

«Санди!» – про мелькнуло в голове у Шеннона:

– Ждите, сейчас приеду!

Он вернулся в номер и быстро переоделся. Застегнув ремни, он сунул в кобуру трофейный «макаров». Через несколько минут он уже сидел за рулём «миневры». Госпиталь располагался в миле от отеля, но, чтобы до него доехать надо было петлять по узким городским улочкам. Шеннон дважды сворачивал не в ту улицу и немного проплутал. Через десять минут он притормозил у главного фасада трёхэтажного каменного здания с ризалитами, построенного в начале века.

Когда-то белые стены дополнялись всякими архитектурными изысками: поясками, карнизами и рустами, выполненными красными керамическими кирпичами. В предрассветных сумерках они смотрелись особенно эффектно, создавая впечатление массивности этого здания. Но всего этого Шеннон не заметил. Он взбежал по центральной лестнице и открыл дверь. В нос ему ударил целый букет больничных запахов хлорки, формалина, спирта, пота и чего-то ещё. Шеннон поискал глазами регистратуру. Первое, что ему бросилось в глаза, это полутёмный коридор, набитый больными и увечными. Они сидели и лежали повсюду в самых различных позах. Осторожно переступая через тела, навстречу ему двигалась фигура в белом халате, делая какие-то знаки руками. В этой обстановке командир наёмников несколько растерялся: он не знал, что ему предпринять. «Буду дожидаться этого субъекта», – решил он, глядя на надвигающийся белый силуэт.

– Я же Вас просил, включить свет, – с укоризной ему сказал португальский мулат лет сорока. – Ах, извините, позвольте представиться – Хуга Мильтадес. Я сегодня дежурю...

– Карло Шеннон! Вы мне звонили.

– Да. Вам надо поспешить. Вашему человеку совсем плохо.

– Куда идти?

– Следуйте за мной. Ступайте очень осторожно, чтобы не наступить на наших пациентов!

– У меня есть фонарик. Давайте, я Вам подсвечу.

– Не надо. Я привык. Лучше Вы светите себе под ноги.

Осторожно переступая через лежащие тела, они дошли до двери, за которой находилась лестница, ведущая на второй этаж. Здесь людей уже не было. Доктор так ускорил шаги, что Шеннон едва поспевал за ним.

– Послушайте доктор, кто там внизу лежит, больные?

– Ну, в общем, да! Они ждут очередь в амбулаторию.

– Что с ними?

– Болезни желудка, больные зубы, открытые гноящиеся раны, сильная простуда – почти у всех что-нибудь да было. У пяти-шести человек – астма. Одну женщину разбил паралич, другая вывихнула ногу.

– Как долго они здесь сидят?

– Не знаю. Некоторые два дня, а другие – три. Раз на раз не приходится, болезни-то разные.

– Так это что, доктор, очередь на медосмотр? – удивлённо спросил Шеннон.

– Ага. Она самая, – с вызовом произнёс Мильтадес, открывая дверь в палату, – и, вообще-то, я не доктор, а фельдшер. Можете поговорить с больным, но недолго – он очень слаб.

Командир подошёл к больничной койке и не узнал своего подчинённого: перед ним лежал перемотанный бинтами скелет. Он сказал Санди несколько ободряющих слов и взял его за руку. Умиравший ответил ему слабым рукопожатием и прошипел несколько слов. Их было трудно разобрать, но Шеннон понял их смысл. Он достал из кармана куртки умирающего уголок картона, на котором был записан адрес его семьи.

– Не беспокойся! Я всё сделаю как ты просишь!

Санди попытался улыбнуться и крепко сжал руку Шеннона. Через несколько секунд она ослабла и безжизненно свисла на пол. Кот пощупал пульс своего солдата: он был очень слаб.

– Фельдшер, – позвал тихо он, но никто не откликнулся на его зов. Он вышел в коридор и увидел, что в дежурной горит свет. Когда он заглянул в неё, то увидел, что Мильтадес спит прямо на столе, свесив голову на грудь. Когда Шеннон коснулся фельдшера, тот встрепенулся и посмотрел мутным взором:

– А это Вы? Извините, я с утра на ногах.

– Скажите, у Санди есть шанс выкарабкаться?

– Нет! Если честно, у него их не было. Слишком поздно привезли. К тому же он потерял много крови. Впрочем, срочное переливание могло его спасти, но у нас нет плазмы. К тому же быстро развился сепсис. Лекарств практически нет. Кровяной плазмы тоже...

– Почему сразу не сказали мне. Я мог бы заказать всё в Уарри!

– Их там тоже нет, – уверенно сказал фельдшер. – Насколько я знаю, корабль оттуда пришёл только сегодня утром. Всё равно, это для мистера Сандиса было слишком поздно. Мне очень жаль...

Они прошли в палату, где лежал Санди. Мильтадес пощупал пульс и печально кивнул головой:

– Всё. Кончился.

– Когда я могу забрать его тело и документы?

– Тело – хоть сейчас, а документы – часов в десять. Их должен подписать директор.

– Скажите ему, что я прибуду за ними лично.

– Да, сэр.

В «Миневре», которая подъехала к госпиталю в десять часов утра, помимо Шеннона сидел Земмлер и двое солдат. Пока они переносили тело бедного Санди в машину, Шеннон пошёл искать директора госпиталя. Его кабинет располагался в пристройке и имел отдельный выход на улицу, расположенный слева от главных дверей. Поэтому наёмнику не пришлось проталкиваться через толпу пациентов госпиталя на первом этаже. Кот поднялся по небольшой лестнице и оказался в довольно пустой прихожей. Он огляделся. Через прикрытое немытыми жалюзи высокое готическое окно сюда проникал солнечный свет, тускло освещавший помещение. Слева находилась плексигласовая перегородка, выкрашенная белой краской. Вдоль неё стояли металлические стулья. Из-за перегородки раздавался монотонный гул голосов. В самом её конце была прорезана дверь, на которой было написано большими буквами «Посторонним ход воспрещён». На всякий случай Шеннон дёрнул её ручку: дверь была заперта. Рядом находилась другая дверь. На ней висела маленькая медная табличка с надписью «доктор медицины Сэм Арвидсон». Ему вспомнился недавний разговор с доктором Окойе. «Это, наверное, его коллега, который жаловался на расстрел пленных», – решил Кот.

– Войдите!

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, чем обязан, эээ?

– Полковник Шеннон, – подсказал наёмник и сразу продолжил. – Я пришёл за документами моего бойца Санди, – поправился он.

– Вот они, забирайте, – доктор швырнул тонкую картонную папку через стол. – Что ещё?

– Мне бы хотелось узнать состояние Вашего госпиталя.

– Знаете у меня мало времени, скоро начнутся плановые операции...

– И всё же я Вас убедительно прошу: уделите мне несколько минут. Может я смогу Вам помочь?

– Хорошо. Что Вас интересует?

– Всё: помещения, персонал, лекарства...

– Вы хотите знать положение? Что же, извольте! Антисанитария, отсутствие бинтов и вакцин, не говоря уж о кровяной плазме и лекарствах, скудный продовольственный паёк не дают возможности лечить даже самые простые заболевания: расстройства пищеварения, зубные болезни, простуда. Ну, естественно, малярия и туберкулёз...

– Простуда?

– Да, представьте себе! Она так же распространена, как в любой европейской стране в сырые осенние месяцы. Как это часто бывает, все дело в небрежности и безалаберности. Средняя дневная температура здесь 30–35° в тени, ночная 20–25°. Разница в десять градусов настолько чувствительна, что мы даже укрывались шерстяными одеялами. Туземцы же довольствуются тонким покрывалом и обычно ложатся на голый пол, несмотря на сквозняк. К этому следует добавить резкое падение температуры и холодные ветры во время сильных дождей и штормов. Местные не знают дождевиков, хуже того – часто они целый день ходят в сырой одежде на ветру и не думают переодеться. В итоге здесь постоянно кто-нибудь болеет, а иногда простуда поражает всю деревню.

– Что Вы говорите... – Шеннону захотелось перейти к более прозаическим вещам, но доктор разошёлся не на шутку.

– Невежеством и безалаберностью объясняется и распространение такой болезни, как астма. Я и мои коллеги не жалели сил, убеждая больных лежать в постели, хорошенько укрываться, но все впустую. Стоит только отвернуться, как пациент уже сбежал. Туземец просто не способен вылежать в постели несколько часов, не говоря уже о целом дне, – он горестно всплеснул руками и сварливо добавил. – Их невежество непереносимо.

Миссионеры научили туземцев ставить клизму и банки, а аптекари разрекламировали, как средство от всех болезней аспири́н. Теперь они применяют эти средства по всякому поводу и без повода.

– Да, нелёгкая у Вас работа, доктор!

– А вот ещё недавний случай из моей недавней практики. Недавно я пытался научить местных знахарей пользоваться такими простейшими средствами, как йод и вата. Я и мои коллеги объехали многие сензалы и терпеливо разъясняли, что йодная настойка – наружное средство, показал даже, как окунать ватку в йод и мазать рану. Туземцы согласились, что это проще простого, и удивлялись только, что их не научили этому раньше. Поначалу все шло хорошо. Бакайя прилежно мазались йодом и расходовали его в невиданных количествах. Потом какой-то знахарь надумал лечить йодом экзему.

К сожалению, лечение прошло успешно, и вскоре йод стали применять против угрей, солнечных ожогов, вывихов, растяжений и различных других недомоганий. После этого бакайя решили, что ими найдено универсальное средство. Но вот у какого-то местного вождя схватило живот. Речь шла явно о какой-то новой, необычной болезни, потому что ему не помогли ни клизма, ни банки, ни аспири́н. В конце концов он до того ослаб, что слег. Как вождь, он хранил у себя самую большую в своей деревне бутылку йода и ночью, когда его схватило особенно сильно, вспомнил о замечательном целебном средстве, которое оказалось таким действенным для очищения ран и ссадин. Почему бы не прочистить им желудок? Вождь одним духом осушил бутылку и скончался через несколько дней. Живот сгорел, ему было страшно больно. После того несчастного случая никто здесь не пользуется ни йодом, ни ватой. А многие до того боятся йода, что потихоньку выбрасывают, если даст кто-нибудь. Боже, как мне всё это надоело! – Арвидсон патетически всплеснул руками.

– Почему Вы отсюда не уедете?

– Я здесь работаю по контракту с ЮНЕСКО уже полгода и каждый день мечтаю, чтобы он скорее закончился. Вайянту, – он осёкся и поправился, – доктору Окойе – насколько я понимаю, он сейчас президент этой страны – это известно. Если он не может помочь, то чем вы лучше? Что, вы будете делать? Разгоните или перестреляете больных?

– Я не такой кровожадный, – усмехнулся Шеннон, несмотря на всю остроту положения. – Кстати, кто Вам сказал о расстреле пленных в аэропорту?

– Как кто? Ваши же люди. Когда их привезли на перевязку, они много болтали о своих подвигах в аэропорту...

– Вы им больше верьте! Африканцы любят преувеличивать, если не привирать, особенно тогда, когда впервые держат в руках автомат.

– Мне эта их черта знакома, поэтому я рассказал это только Окойе. Если у меня будут конкретные факты пущу письмо по инстанциям.

– Я надеюсь, что не будет. Скажите, Вы можете составить список медикаментов, крайне необходимых для госпиталя?

– Конечно. Он у меня всегда под рукой, – тон доктора смягчился. Он где-то нажал кнопку и раздался звонок. Дверь в кабинет открылась. В неё вошла была невысокая сухопарая мулатка фанатичного вида в белом халате. – Флорис, передайте этому господину копию списка лекарств, необходимых нам в первую очередь, и расскажите историю больницы.

– Хорошо, доктор, – женщина подошла к Шеннону и протянула ему рук. – Доктор Флорис Кейм, по совместительству старшая медсестра этой богадельни.

Наёмник пожал её крепкую руку и пристально рассмотрел на неё.

– Полковник, – доктор Арвидсон встал со своего места и протянул Шеннону руку. – Я очень надеюсь, что Вы мне поможете. И ещё, извините за холодный приём – мы все здесь смертельно устали. У меня ведь практически нет персонала: три адъюнкта, включая Флорис, несколько католических монашек и пара волонтеров из благотворительных организаций. А теперь извините – у меня операция...

Флорис вывела Шеннона в коридор и открыла ключом плексигласовую дверь. Там действительно оказалась регистратура. Перед стойкой толпились пациенты: они что-то бубнили на местных языках, жестикулировали или просто орали. Доктор Мильгадес с покрасневшими от бессонницы глазами пытался их сдерживать, раздавая картонки с прочерченными на них цифрами...

– Здесь нам не дадут поговорить. Давай туда, – медсестра подтолкнула наёмника плечом в сторону небольшого закутка, отгороженного от регистратуры этажеркой, заставленной толстыми картонными папками. – Кофе будешь?

– Давай, – Шеннону понравилась её прямолинейность, граничащая с цинизмом. Он расселся на небольшой диванчик, стоявший у дальней стенки. Флорис повернулась к нему спиной и грациозно наклонилась к допотопному кофейному аппарату и начала вертеть какие-то ручки и нажимать кнопки.

– Эспрессо, американо?

– Эспрессо, – Шеннон любовался её крепкими ногами. Затем его взгляд перешёл на ягоды, прикрытые медицинским халатом, под которым был минимум белья. «Совсем как у Джулии», – подумал он. Вдруг его охватило желание. Он понимал, что эта женщина его намеренно дразнила, но не мог совладать с собой: он провёл более месяца в мужском обществе. Дальше всё произошло как бы само собой. Они занялись сексом прямо в каморке, не обращая внимание на шум в регистратуре...

– Это было здорово, – выдохнула Флорис, одернув свой врачебный халат. Она поставила перед своим внезапным любовником чашку кофе и, как ни в чём не бывало, стала рассказывать о госпитале:

– Наша больница построена в 1924 году по распоряжению колониальных властей. Она была изначально рассчитана на полсотни пациентов. В здание имелось два операционных, четыре перевязочных и четыре ваннх комнат. Больным было предоставлено десять общих и пять отдельных палат, а для медперсонала – семь комнат. Этого с излишком хватало для обслуживания европейской колонии. Перед войной было открыто родильное отделение, а через год

Кирк Аграт приобрёл оборудование для рентгеновского и зубоорудочного кабинетов. С началом войны здесь был построен карантинный барак для интернированных французских солдат и моряков. После войны госпиталь расширили до восьмидесяти коек, пристроив дополнительный флигель. С началом независимости персонал разъехался, поэтому больница была взята на попечение ООН. Я не хотела возвращаться на родину и согласилась поехать сюда...

– Откуда ты такая взялась?

– С Кабо Верде. Мои родители – асимладуш, имеют португальское гражданство. Десять лет назад я уехала в Лиссабон и поступила в медицинский колледж. Потом клиника, замужество... – она махнула рукой. – Мой муж был топасом...

– ??? – Шеннон недоуменно уставился на женщину. Та, поняв его недоумение, пояснила:

– Ну, мардийкером, индонезийским креолом из Амбона...

– ???

– Это в Индонезии. В конце концов он оказался бездельником, наивным болтуном. Как только представился случай, я его бросила и уехала. Вот так я попала сюда...

Взгляд наёмника принял осмысленное выражение. Допив кофе, он спросил:

– У тебя контракт с какой-то структурой ООН?

– Да, с ЮНЕСКО. Он заканчивается через год...

– Это хорошо. Я здесь надолго, может навсегда, – Шеннон закурил сигарету и нагло уставился на медсестру. – Я живу в «Индепенденсе». Ты ещё будешь со мной встречаться?

Флорис выхватила у любовника сигарету и быстро затушила:

– Здесь не курят! И так дышать нечем!

– Извини, забылся. Я чем-то ещё могу помочь?

– Конечно. Больнице срочно требуется карантинный блок. Если эпидемия возникнет в этом ограниченном пространстве, она распространится по всему госпиталю быстрее чумы. Рано или поздно, она должна появиться. Лучшее, что мы можем сделать – это изолировать пациентов с появлением первых симптомов...

– Это даже не просьба, полковник, – сказал вошедший в закуток Мильтадес. – Это – ультиматум. Флорис сделай мне кофе!

Женщина подошла к кофейному аппарату и начала колдовать над ним, а Мильтадес продолжал:

– Нам нужно больше продуктов, реанимационное отделение и изолятор, – он повернулся и со злостью зашагал к выходу. Когда он удалился, Шеннон издевательски спросил:

– Что, ревнует?

– Возможно, в дальнейшем у меня появятся новые требования, – Флорис проигнорировала вопрос. – Идём...

Через небольшую дверь они вышли в главный коридор. Шеннон повернул к выходу, как вдруг раздался крик. Это было резкое, пронзительное, истерическое улюлюканье ненависти и смерти. В считанные мгновения этот вопль превратился в рев льва-убийцы или в боевой крик каратиста. Он парализовал всех, кто находился рядом. Краем глаза наёмник заметил источник этого безумного вопля. Огромное дикое полуголое существо в лохмотьях выкатилось откуда-то сбоку, схватив по дороге что-то похожее на кусок трубы. Продолжая что-то кричать, негр расталкивал больных и направился прямо к нему. Его застывшие глаза были налиты кровью, волосы взъерошены, а тело – мокрым от пота. Позади себя Кот услышал учащенное дыхание Мильтадеса и крика Флорис, которая вроде не была подвержена истерикам. А может это была одна из пациенток?

Труба приблизилась на расстояние бокового удара, животное уже почти достигло цели: наёмник почувствовал запах ненависти, появляющийся во время драки, опасности для жизни или во время приступа безумия. Без слов он шагнул вперед левой ногой, правая оставалась полусогнутой. Когда негр приблизился в стремительном рывке, Шеннон захватил его правое

плечо своей правой рукой и молниеносным ударом локтя поразил его подбородок. Одновременно правой ногой он шагнул за спину противника и, размахнувшись, сделал подсечку. Нападавший рухнул на пол как подкошенный. Наёмник схватил запястье его правой руки, державшей трубу и больше не отпускал ее. Левым каблуком он надавил ему солнечное сплетение и прижал к полу. Все еще полусогнутый Шеннон отступил назад. Его лицо светилось азартом убийцы. Но поняв, что дальнейшей атаки не последует, он опустил руки. С момента нападения прошло не более двух секунд. Флорис безотчётно схватила Кота за руку и прошептала теперь уже бессмысленные слова:

– С тобой все в порядке?

Шеннон молча отстранил её. Доктор Мильтадес опустился на колени перед упавшим.

– Что это было? – Шеннон задал этот вопрос больше для того, чтобы как-то разрядить обстановку. Хугу посмотрел на него и сказал отрешенно:

– Амок!

– Так что это с ним?

– Вы его убили, полковник.

Не сказав больше ни слова, наёмник пошёл по коридору к выходу. Пациенты расступались перед ним с выражением ужаса на лице. Когда Шеннон вышел из здания госпиталя, «миневра» уже была загружена. Он с удивлением отметил, что в её кузове лежит не один, а целых три трупа.

– Это наши, добровольцы, – мрачно пояснил Земмлер. – Все они умерли от заражения. Вообще-то это не больница, а барак смертников. Здесь нельзя вылечиться, можно только умереть. Ну что, едем к отцу Алоизу?

– Да. Послушай, ты не против, если я пошлю тебя в Турек с инспекцией?

– С какой стати?

– Помнишь наш разговор с Хорасом?

– Угу.

– Я переговорил с Вальденбергом, он не против высадить тебя на рейде завтра утром и простоять там до вечера. Надо изучить обстановку в городке и доставить радиопередатчик.

– А сколько людей дашь?

– Одного. Мозеса Ниса.

– Есть, мой командир!

Доставив покойников в церковь, а Земмлера – в полицейские казармы, Шеннон лично сел за руль и поехал во дворец. Он был приятно удивлён распорядительностью Бенъарда, которому удалось отыскать в Кларенсе приезжего специалиста по связи. Его африканского имени он не помнил, а коллеги звали его Спарксом от недостатка воображения. При этом радиотехник охотно откликался на это имя. Поскольку в его услугах нуждались во постоянно дворце, ему выделил и для проживания небольшую хижину на Прибрежном Шоссе. Около полудня Спаркс принёс телеграмму из Абиджана, которая содержала сообщение о визите генерала Оджукву. Отдав необходимые распоряжения, Кот отыскал Бенъарда и пересказал ему историю о подпольном производстве оружия в таксидермической мастерской Борлика. Комендант дворца его внимательно выслушал и не выказал даже тени удивления:

– Мы давно знаем об этом. Ведь это он доставал нам оружие. Кстати мы ему остались должны двадцать три тысячи франков. Спасибо, что напомнил: я обязательно включу эту сумму в перечень первоочередных выплат.

– Сколько же всего мы должны ему будем заплатить?

– Не знаю, пока не считал.

– Сегодня «Тоскана» идёт в Турек. Она там высадит нашего связного. Ты ничего не хочешь с ним передать?

– Нет.

– А теперь, пойдём готовиться к встрече нашего именитого гостя.

Тем временем, Ян Зумбах вёл свою потрёпанную временем "дакоту" навстречу грозовому фронту. Стараясь его избежать, он вылетел из Порт Буэ в Кларенс с часовой задержкой, но это его не спасло. Имея на борту генерала Оджукву со свитой, пилот не захотел рисковать и полетел дальше, ориентируясь на навигационные сигналы аэропорта Уарри. В этот самый момент большой пассажирский самолёт, в салоне которого удобно устроился Саймон Эндин, только выруливал на взлётную полосу это города. Неожиданно грозовые облака раскололись и пролились на африканскую землю милосердным дождем.

В пригородах Кларенса шумели потоки воды; даже воздух в кабине самолета стал свеж и прохладен. Ян Зумбах знал о плачевном состоянии авиации в Зангаро и сильно удивился, увидев шест с мотающейся полосатой «колбасой» ветроуказателя и суetyающихся внизу человечков. На всякий случай он настроился на волну аэропорта Кларенс и запросил посадку:

– Посадку разрешаю, – произнёс мелодичный баритон. – Все эшелоны свободны.

Тем не менее он совершил три пробных захода на посадку, причем один из них – с выключенными моторами до высоты в пятьдесят метров, после чего самолет набирал высоту и вновь заходил на посадку. Зумбах справлялся с управлением своей развалюхой неплохо; его не пугала необходимость совершать вынужденную посадку, наоборот, он лучше всего чувствовал себя в такой ситуации. Он знал: его "дакоту" погубят мелочи: какая-нибудь пылинка в карбюраторе, отсутствие контакта в радиостанции или перемена ветра на двадцать градусов – совпадения могут привести к несчастью.

Пробежав по траве аэродрома, «дакота» остановилась в десяти метрах от диспетчерской вышки. В этот момент на ней находился Шеннон, который оценивающим взглядом, смотрел на севший самолёт. Судя по заплатам на обшивке, что он был собран из частей, принадлежавших как минимум четырём таким же аппаратам. Хозяин даже не удосужился их покрасить. В результате самолёт получился как бы камуфлированным квадратными пятнами с разными оттенками зелёного. Капот его правого двигателя сиял натуральным жёлто-салатовым цветом нового дюрала, зато часть крыла позади правого мотора была чёрной от копоти. Едва двигатели остановились, откинулся люк и из него вниз спустили трап. По нему на траву аэродрома спустились четверо человек в тигровом камуфляже и встали у трапа, заложив руки за спину. Из оружия у них были только большие охотничьи ножи за поясом. Вслед за ними, появился генерал Оджукву, рослый, подтянутый. Он был облачён в зелёную парадную форму с двойной планкой орденов. Его окладистая чёрная лохматая борода спускалась на грудь, а козырёк фуражки с высокой красной тульей прикрывали глаза от яркого полуденного солнца. Следом за ним шёл увешанный аксельбантами и орденами адъютант. На боку у него висела огромная жёлтая кобура...

Из зала прилётов Шеннону всё было прекрасно видно. Он отдал по радиации короткую команду. Тотчас от здания к самолёту направилась вереница из трёх разнотипных обшарпанных автомобилей. Первым катил покарябанный «виллис», за рулём которого сидел Лангаротти. За ним следом ехал единственный в Кларенсе «мерседес». Небольшую колонну замыкала «миневра», на которой в связи с важностью момента была установлена «брен» на кустарной турели. За её рулём сидел Земмлер, а пулемётом обслуживал Джинджи. В кузове хватало места, чтобы посадить ещё полдюжины человек. Отследив движение автоколонны, Шеннон спустился с вышки и пошёл навстречу гостю. Щурясь от ярко света, генерал приветливо махнул ему рукой:

– У Вас всё получилось, майор! – английский у генерала был безупречен.

– Господин генерал! – Шеннон перешёл на строевой шаг и отдал честь.

– Вольно, майор. Я кое-что Вам привёз, – генерал повернулся и сделал знак рукой. Грузовая дверь «дакоты» раздвинулась и оттуда стали сгружать какие-то механизмы и колёса. Наёмник вопросительно посмотрел на Оджукву, но тот не обратил на это внимание и продолжил

с ностальгией в голосе. – Это – пара бельгийских трициклов AS24 и прицепы к ним. Остатки былой роскоши. Помнишь, как их стащили из Леопольдвилья.

– Да, сэр! – Шеннон предупредительно открыл дверцу «мерседеса», за рулём которого сидел Бенъярд. – Вот Ваша машина, сэр.

– Хорошо. Я привёз с собой группу специалистов, – продолжал генерал, будто не замечая приглашения. – Там, – он кивнул головой в сторону самолёта, – оружейники. Они здесь очень пригодятся.

Спасибо, – Шеннон отступил на шаг, открывая дверцу "мерседесу". Генерал направился к нему и отрывисто произнёс:

– Прикажите подготовить мой самолёт к вылету, майор!

– ???

– Не здесь Шеннон, – добавил Оджукву, заметив в глазах наёмника немой вопрос. – Всё по порядку.

– Так точно, сэр! Кто Ваш пилот?

– Дональд Дак, – улыбнулся генерал. – Моего адъютанта Вы знаете?

– Майор Шеннон! – адъютант небрежно приложил руку к своей фуражке.

– Майор Джоав! – козырнул ему Шеннон. – Капитан Лангаротти обеспечит выгрузку! Он – в «виллисе»!

Оджукву кивнул Джоаву, который бегом сорвался с места в направлении джипа. Тем временем, оружейники генерала устроились под крылом "дакоты" и в его тени стали монтировать трициклы AS24 и их прицепы. Они действовали со знанием дела: за несколько минут оба транспортных средства были готовы к движению. Их подкатили к грузовому люку, из которого начали сгружать какие-то мешки. Шеннон вопросительно посмотрел на генерала:

– Что это, сэр?

– Золотой запас Биафры...

– Медикаменты?

– Именно. Сам понимаешь, здесь, в Африке, они дороже золота.

– Какова его ценность?

– Сто тысяч бельгийских франков. Это всё, что я могу дать.

– Спасибо, генерал. Это совсем не то, чего я ожидал, но...

– Друг мой, я хотел взять на борт «дакоты» кроме людей ещё кое-какое оружие, но Уфуэ Буаньи лично предостерег меня от этого. Конечно, он больше печётся о себе, своём реноме...

– Понимаю...

Шеннон подошёл к охранникам генерала. Он захотел с ними ближе познакомиться. Бойцы вызвали ощущение храбрых вояк. При приближении полковника они взяли под козырёк и представились. Их имена более походили на клички: Картр, Филт, Рольх, Зинга...

– Вольно, камрады, – произнёс Шеннон. Бывшие командос заулыбались. В своё время их обучал Тэффи Уильямс, который часто так обращался к своим подчинённым.

Пока шла разгрузка из самолёта вышел пилот:

– Здравствуй, Карло, – сказал он и улыбнулся. – Давненько не виделись.

– Да! Года два или три, не так ли, Ян?

– Мне кажется три. Кстати это мой последний рейс!

– Ты бросишь Африку?

– Да, пора на покой с молодой женой, – в рифму произнёс он.

– Ты всё-таки женился на той девочке из Стэнливила?

Ян утвердительно кивнул и достал пачку «кэмэла»:

– Покурим?

Шеннон взял одну сигарету:

– А кто будет летать на твоей колымаге?

– Я её отдам Мэду Сью.

– У него же был свой самолёт.

– Есть, но он хочет его поменять. Тот, на котором он прилетел из Индокитая, совсем разваливается. Кстати, он передал тебе ящик настоящего «гинесса». Куда его загрузить?

– Пусть запихнут его в «Миневру» – в ней больше места!

– А что он сейчас подделывает?

– У него сейчас фрахт где-то во французском Судане. Когда я уйду на покой, будет возить нашего генерала. Так что, ещё увидите...

За дружеской беседой время пролетело незаметно, приятели не успели закончить обмен репликами, как самолёт был разгружен.

– Ян, готовьте самолёт к вылету! – Оджукву уже сел в "мерседес" и знаком позвал Шеннона. – Надеюсь у вас есть технический персонал?

– Так точно, сэр! Капитан Лангаротти!

Корсиканец нехотя вылез из машины и поплёлся к «мерседесу». За руль «виллиса», за рулём сел Джоав, а в кузов набились телохранители генерала.

– Майор, садитесь ко мне на заднее сиденье, – предложил генерал. – Нам надо поговорить.

– Есть, сэр! Может взять дополнительную охрану?

– Когда Вы рядом, мне бояться нечего, – густая чёрная борода скрыла улыбку.

– Ирония здесь вряд ли уместна, сэр, – обиженно проворчал Шеннон. – Мы ждали Вас с людьми и оружием...

– Садитесь, садитесь, – миролюбиво произнёс генерал. – Всё оказалось не так просто, майор...

«Мерседес» отъехал от полуразрушенного аэровокзала. Его сопровождали оба джипа, набитые солдатами. Когда колонна вывернула на Равнинную Дорогу генерал спросил:

– Скажите, мои люди уже прибыли?

– Да, сэр. Четверо гражданских советников приплыли сегодня утром на борту «Тосканы». Бенъард и Пренк приняли участие в боевых действиях...

– Вот как! – Борода генерала мерно покачивалась в такт движению машины. Со стороны, казалось, что он одобряет действия своего визави.

– Мы сформировали Комитет Национального Спасения и исполнительную власть при нём. Вчера начались контакты с посольствами, зондируем возможность признания нового правительства. В городе и его окрестностях наведён порядок. В правительстве сейчас есть вакансии, я хочу просить Вас, генерал...

Оджукву знаком заставил Шеннона замолчать. Он смотрел в окно, скользя взглядом по окружающему пейзажу.

– Посмотрите, Шеннон, – неожиданно произнёс он. Его рука вытянулась в направлении бидонвиля, в котором жили Беженцы, в основном, его соплеменники. – Здесь живёт тридцать тысяч человек. Может, и все сорок. Половина из них возделывает небольшие огородики, остальные перебиваются случайными заработками. Казалось, им терять нечего, но...

Генерал замолчал, задумавшись. Минуту-другую спустя он продолжил:

– Когда я после первой встречи с Вами кинул клич о наборе добровольцев для Зангаро, на него откликнулись сто шестьдесят восемь человек, включая двенадцатилетних пацанов. Многие из них служили у тебя и Рольфа. И это всё! Мои люди устали воевать Шеннон, понимаешь, устали, – генерал с горечью произнёс последние слова. – Даже там, – он кивнул в сторону проплывавшего за окнами бидонвиля, – они хотят мира. Да! Они вышли на улицы с винтовками. Отобранными у солдат Кимбы, но они не будут стрелять, если здесь вдруг высадятся войска ООН.

– А что, это возможно?

– Да. Через неделю после того, как я стану во главе Зангаро, здесь появятся советские и британские корабли и самолёты. Потом под флагом ООН здесь высадят нигерийский десант и устроят очередную резню моих соплеменников...

– Красный флаг и «Юнион Джек», сэр? Они же друг друга ненавидят...

– Ты слишком наивен, мой майор. И Советам, и англосаксам на Африку глубоко наплевать. Если они найдут общий, то ввергнут мой континент в каменный век...

Генерал задумчиво смотрел в окно. За окнами «мерседеса» пробегали улицы Кларенса, заполненный пёстрой толпой. Она скрывала убогость строений и грязь улиц. Зеваки с удивлением смотрели на колонну автомашин, идущих на приличной скорости, и тыкали пальцами в проезжавшую мимо машину. После долгого молчания он вдруг произнёс:

– Здесь я стану новым Кимбой, а мне надо быть со своим народом!

Шеннон с отсутствующим видом слушал генерала:

– Вы что, сэр, отказываетесь от проекта?

– Да, – последовал чёткий ответ. – Мой народ не хочет здесь жить, но я вас не брошу.

Вы получите посильную помощь.

– Деньги, оружие, людей?

– Всего понемногу. Детали обсудим позже. Насколько я понимаю, – генерал указал вперёд, – мы подъезжаем. Надеюсь, что наш разговор останется в секрете?

– Да, сэр. За рулём сидит Ваш человек. Он абсолютно надёжен.

– Хорошо. Я его возьму с собой.

– Но это капитан Бенъард. Он нам нужен здесь: он занимает важный пост в правительстве.

– Какой?

– Комендант дворца и, по совместительству, советник по снабжению.

Оджукву тронул водителя за плечо. – Генри, неужели это Вы? Я Вас не узнал.

– Да, сэр! Я готов к выполнению любой миссии...

– Ты мне как раз и нужен, – весело сказал генерал и добавил: – Не волнуйтесь, майор.

Он выполнит одно специальное задание и вернётся.

– Какое?

– Не будем об этом. Я надеюсь, что Вы, Генри, уже забыли наш разговор с майором.

– Так точно, сэр.

«Мерседес» остановился у входа во дворецо, а джипы проехали вглубь. Их пассажиры засуетились, выгружая доставленные ими вещи.

За два дня внешний вид резиденции правительства Зангаро сильно изменился. Оджукву намётанным глазом осматривал строение. Окна первого этажа были заложены кирпичами и выкрашены в белый цвет, в тон стенам. На фасаде здания выделялась высокая, широкая на стальных засовах деревянная дверь. Перед заложеными кирпичами окнами располагалась терраса, длиной ярдов в тридцать. Теперь она была бесполезна, ибо к ней не было прохода из здания. На втором этаже от одного угла до другого тянулся ряд из семи окон, три слева, три справа и одно посередине, над входной дверью. Они были снабжены жалюзи, сделанными, видимо, из стали. Генерал находился слишком далеко, чтобы сказать это с уверенностью, хотя они и были закрыты. На мансарде расположились десять окон существенно меньшего размера. Под ними проходил водосточный желоб, от которого к коньку взбегала вверх потемневшая от времени черепичная крыша. Красные пятна вновь уложенных плит ярко выделялись на общем фоне. Охранники, стоявшие у трапа, при его приближении взяли на караул. Экс-президент Биэфры с удовлетворением отметил, что винтовки в их руках начищены до блеска...

Шеннон слегка опередил генерала и распахнул перед ним входную дверь. Оджукву стал медленно подниматься по лестнице, укрытой красной ковровой дорожкой, наверх, внимательно оглядываясь по сторонам. Стены хранили следы пуль, которые попытались скрыть при

помощи мебели, картин и драпировки. В самом конце дорожки стоял Окойе, картинно распахнув руки:

– Здравствуй, дорогой Чуквумека, – произнёс он на языке игбо с ужасным акцентом. – Мы Вас уже заждались!

Оджукву поднимался не спеша. Достигнув конца лестницы, он слегка приобнял доктора:

– Я рад видеть тебя в добром здравии, Вайянт, – ответил он по-английски. – Я приехал сюда с частным визитом и, поэтому, не надо церемоний. Где мы можем переговорить?

– Мы?

– Да! Вы, я и Шеннон! Это очень важно, в первую очередь. Для всех вас, – Оджукву махнул рукой куда-то в сторону.

Окойе внимательно слушал генерала. На его лице вдруг промелькнуло недоверие.

– Сэр, позвольте доложить! – в разговор вмешался незнакомый Шеннону человек. – Обед на шестнадцать персон будет готов через час.

– Кто это? – спросил Шеннон.

– Нам в наследство от прежней власти достались два прекрасных повара. Они готовят нам торжественный обед, – обстоятельно доложил Пренк.

– Вот и отлично, – сказал генерал. – Где мы можем уединиться на это время?

– Господин генерал, полковник! Прошу в мой кабинет! – Окойе указал рукой влево.

Оджукву удивлённо обернулся и протянул руку Шеннону:

– Поздравляю, полковник! – тот ответил крепким рукопожатием. Три творца зангарской революции прошли по коридору и закрылись в кабинете. У его входа встал Эйнекс.

Беседа заняла больше времени, чем предполаглось. В ожидании члены Комитета и государственные советники разбились на группы, обсуждая местные новости и слухи. Разговоры немедленно умолкли, когда доктор Окойе вошёл в зал и торжественно объявил:

– Позвольте представить Вам нашего дорогого гостя: президента Республики Биафра в изгнании генерала Чуквуэмеку Одумегву Оджукву!

Реакция присутствующих оказалась неоднозначной: военные встали по стойке смирно, гражданские советники стали аплодировать вслед за доктором, вожди бакайя и винду насупились, осторожно переглядываясь между собой. Чтобы как-то скрыть их замешательство, Окойе предложил всем садиться за стол. Он занял место на одном конце стола, а генерал – на противоположном. Вожди оказались по одну сторону, а советники – по другую. Тягостное молчание висело над обеденным столом, несмотря на вежливые тосты и речи. Вожди, в основном, молчали в ожидании какого-то подвоха. Они бросали опасливые взгляды то на Оджукву, то на Шеннона, то на Окойе...

Обстановку разрядил многоопытный генерал, который провозгласил тост за истинных хозяев Зангаро – народы кайя и винду! Вожди с облегчением вздохнули и включились в общий разговор, который, в основном, крутился вокруг экономических проблем Зангаро и методах их решения. Сидевший по левую руку генерала Шеннон выглядел удрученно, почти не ел и мало говорил...

Около пяти часов вечера обед закончился. Оджукву простился с гостями, многие из которых были ветеранами Биафры. Доктор Окойе поднял заключительный тост за свободу всех африканских народов и торжественно вручил генералу золочёный браунинг Кимбы. Под аплодисменты присутствующих Оджукву в сопровождении Шеннона и Бенъарда покинул зал. По дороге к машине, генерал спросил:

– Как разместились мои люди?

– Хорошо, сэр. На территории дворца им выделили комнаты. Сейчас им выдают оружие. Завтра их переведут в полицейские казармы, – доложил Бенъард.

– Как жаль, Шеннон, что я смог дать Вам только девять человек, всего девять, – произнёс генерал. – Ну что Генри, Вы готовы лететь со мной?

– Да, сэр. Я уже сделал все необходимые приготовления и собрал вещи.

– Кто Вас заменит на посту, Бенъярд? – официально обратился к отъезжавшему Шеннон.

– Полковник, я обсудил разные кандидатуры с доктором. Комендантом дворца станет Эйнекс, моё место в Госсовете временно займёт Хорас, а Вы отгоните «мерседес» обратно во дворец, – неуклюже пошутил он в конце. Хоть Шеннон скорчил недовольную гримасу, внутренне он понимал, что кандидатура Эйнекса является в данных условиях наилучшим выбором.

– Подожди, я тебе кое-что передам для Мэда Сью, – он быстро сбежал по лестнице в погреб, где хранилось оружие. Когда он вернулся, все его уже ждали у машин.

– Вот, – протянул он Бенъярду длинный предмет, завернутый в мешковину.

– Что это? – удивлённо спросил генерал.

– Антикварный винчестер 1867 года в прекрасном состоянии и с инкрустацией, – пояснил Шеннон. – Раритет... Подарок моему другу Мэду Сью...

Конвой направился в аэропорт в прежнем составе, за исключением того, что Кот сел на переднее сидение «мерседеса», а люди генерала были заменены солдатами дворцовой охраны.

– Вы расстроены, полковник, – грустно сказал генерал. – Не надо. Сами видите: я не могу возглавить эту страну. Какими волками смотрели на меня местные вожди. Поверьте, через год или два они почувствую вкус власти и будут страшнее социалистов. Я знаю... – он надолго замолчал. Закатное солнце светило прямо в заднее стекло автомобиля: зайчики бегали по спинкам сидений и лицам сидевших. – Но я вам помогу.

– Я рассчитывал на другое, сэр!

– Думаешь, я хотел лететь сюда с частным визитом? Нет! Но надо смотреть в глаза реальности. В порту Конакри сейчас находится отряд советских кораблей с батальоном морской пехоты на борту, а аэропорт оборудован для посадки стратегических бомбардировщиков ТУ-95. Совсем недавно один русский эсминец гонялся за катерами, которые угнали повстанцы. Думаешь, Советы постесняются высадиться в Кларенсе, если узнают, что у власти здесь находятся иностранцы?

– Если вдруг в Ваших планах что-нибудь изменится, генерал...

– Не изменится, полковник, не изменится. Пока русские лезут в Анголу и Бисау... – генерал безнадежно махнул рукой и стал смотреть в окно. После недолгого молчания он сказал: – И вот что ещё, я отдам оба уцелевших «миникона». Их даже не успели распаковать. Там ещё имеются прицелы, зарядные блоки и всякое другое имущество. Для организации погрузки мне и нужен Генри...

– Но, сэр?

– Да, да, да, не спорьте. Самолёты спрятаны в калабарских джунглях и ржавеет. Пройдёт два-три года и это будет никому не нужный хлам. Я с удовлетворением их Вам отдаю, найдите только самолёт, который их вывезет оттуда. Документацию Ян уже передал твоему французику.

– Хорошо, сэр. Есть у меня на примете один такой. Бенъярд как раз с ним должен связаться... – Шеннона покорило пренебрежительное отношение Оджукву к его другу. Однако, сейчас было не к месту вступаться за Лангаротти.

– Вот и отлично, – генерал попробовал улыбнуться. – И ещё. Я попытаюсь уговорить ещё кого-нибудь из своих соратников перебраться в Зангаро, если пообещаете создать для них приемлемые для жизни условия.

– Конечно, сэр. Я сделаю всё возможное,

– Вот и договорились. С первого августа Бенъярд будет в Абиджане ждать Ваших распоряжений.

"Мерседес" и машины сопровождения въехали на лётное поле и приближались к «дакоте» Зумбаха. Её пилот сидел у шасси и о чём увлечённо разговаривал. В его собеседнике Шеннон узнал папашу Вилька.

– Ну да, они же соотечественники, – тут его осенило.

Генерал проворно вылез из салона и широкими шагами пошёл к самолёту. Его обогнали майор Джоав и Генри Бенъярд, который нёс в руках подарок для Мэду Сью. Зумбах полез в кабину и начал запускать двигатели. У трапа генерал крепко пожал руку Шеннону:

– Как мы будем поддерживать связь в дальнейшем, сэр? – стараясь перекрыть рёв двигателей, спросил тот.

– Вы знаете как меня найти, полковник! Если что-нибудь экстренное, пришлите Вашего французика или кого-нибудь ещё, – Оджукву говорил громко, не напрягаясь. Вдруг он улыбнулся каким-то своим мыслям: – Я договорился с доктором, что с правительством Зангаро будем контактировать через Морисона и Бенъярда. Теперь они имеют более, чем официальный статус. Это я – изгнанник...

– Спасибо, сэр, – Шеннон только сейчас осознал, как тяжело дались генералу эти слова. Отдавая свои последние самолёты, он признавал фиаско Биафры. Спустя сорок секунд после того, как убрали трап, «Дакота» начала двигаться. Её оба мотора работали, но чихали и кашляли, так как Зумбах их прямо из холодного состояния на полную мощность. Солнце уже село за горизонт, когда самолёт вырулил на взлётную полосу. Шеннон грустно следил за взлётными огнями, понимая, что это его последняя встреча с генералом. Его проект «Биафры в изгнании» оказался миражом, разбившимся о политические реалии. Он думал не столько о генерале, сколько о людях, его окружавших: о майоре Джоаве, Яне Зумбахе, Мэде Сью...

– Сэр, – сзади подошёл Джинджи. – Капитан Лангаротти сообщил, что будет ожидать Вас в отеле. Господин президент тоже изъявил желание вас видеть...

– А как там «Тоскана»?

– Уже час как вышла в море. Мистер Земмлер и какой-то рыбак на борту.

– Спасибо! Ты сегодня очень славно потрудился. Сообщи Лангаротти, что я еду во дворец. Я там задержусь надолго: пусть ужинают без меня. Смотри! Мсье Борлик идёт к своей машине: догони и скажи, что я его хочу завтра видеть.

– Есть, сэр.

Проследив глазами за Джинджи, Шеннон уселся на заднее сиденье «мерседеса» и приказал:

– Во дворец!

В этот вечер беседа между реальным и формальным лидерами зангарской революции затянулся до полуночи, и корсиканец завалился спать так и не дождавшись своего командира. Шеннон наскоро поужинал во дворце и пешком направился в «Индепенденс». Для порядка его сопровождал автоматчик. На прибрежном шоссе им дорогу перегородил какой-то человек. Полковник осветил его лицо фонариком и признал в нём Флорис. Она подошла к наёмнику и взяла его за руку:

– Я хочу провести ночь с тобой, – прошептала она.

– Пойдём, – сказал Шеннон, обнимая её за талию...

ПОХОРОНЫ

Ночь с женщиной помогла полковнику снять напряжение, которое в нём копилось с момента отплытия из Кастельона. Впервые за двадцать шесть дней наёмник позволил себе немного расслабиться. Он намеренно остался в постели, когда Флорис встала. Он наблюдал за ней краем глаза, невольно сравнивая с Джулией. Оно, конечно, было не в пользу докторши. Преимущество дочери Мэнсона заключалось не только в молодости и свежести. Ее миниатюрная точеная фигура, молочная белизна кожи и длинные, доходившие почти до пояса, волосы, девичья жизнерадостность резко контрастировали плоской, смуглой и остриженной коротко, циничной врачихи. Зато она не задаёт лишних вопросов и не канючит, нашёл себе оправдание

Шеннон. Он продолжал наблюдать, как она одевает своё лёгкое платье, заводит часы и берёт сумочку.

– Мне пора на дежурство, – сказала она, наткнувшись на его взгляд. – Извини, что разбудила!

– Сколько уже времени?

– Половина восьмого! Мне на дежурство! – сухо сказала она уже в дверях номера.

– Прощай!

– До свиданья!

Совещание во дворце было назначено на половину десятого, поэтому Шеннон решил привести себя в порядок. Когда он зашёл в ванную, он был сильно удивлён: его грязные одежда и бельё были выстираны и аккуратно сложены на столике.

– Интересно, когда это она успела? – пробормотал он и стал одеваться, напевая «Испанский Гарлем». За стандартным завтраком он встретил Лангаротти, вяло ковырявшего яичницу с ветчиной:

– Шеф, похороны Вламинка и Дюпре состоятся завтра после утренней мессы.

– Где?

– К северу от порта есть старое христианское кладбище. Оно расположено прямо на берегу океана. Там в прежние времена хоронили моряков и солдат...

– Отличная компания!

– Курт сказал тоже самое!

– У меня до заседания Госсовета ещё уйма времени. Давай навестим папашу Вилька. Эй, кто там есть? Жорж! Фредди!

К столику подошёл официант, накрывая на завтрак:

– Слушаю Вас, мсье?

– Жорж, ты не видел мсье Борлика?

– Я Фредди, мсье. Он вчера снял номер в отеле и не выходил из него. Позвольте поинтересоваться, что Вам подать. Яичницу?

– Яйца мне надоели. Давай порридж и сосиски. И, пожалуйста, передай мсье Борлику, что мы хотим к нему зайти в номер.

– Сию минуту!

Фредди побежал к стойке, что крикнул на кухню и стал крутить диск телефонного аппарата. Потом что-то стал говорить в трубку.

– Никак не могу отличить Жоржа от Фредди, – посетовал Шеннон, наливая себе жидкий кофе.

– Я тоже часто их путаю, – меланхолично ответил корсиканец, который давно закончил свой завтрак и занялся любимым делом – заточкой своего ножа.

Через несколько минут Фредди принёс заказ и сообщил, что мсье Борлик сам спустится, поскольку он в номере не один.

– А он похотлив, папаша Вильк! – произнёс Шеннон игриво.

Лангаротти ответил ему понимающей улыбкой:

– Тут девок тут пруд пруди. Это у них даже изменой не считается. Так, марш-марш Ты, по-моему, тоже играл в лошадку сегодня ночью...

Шеннон нехотя кивнул и решил сменить тему разговора:

– Надо подумать, как хоронить Санди.

– Ага. Может отдадим его тело родичам Джонни? Пусть их похоронят вместе.

– Поговори с ними об этом.

– Ладно. Хороший был парень!

– Да. Помниться он служил телохранителем Френчи. Помнишь его?

– Угу. Его настоящее имя Жорж Шевалье. Он тоже из Марселя. Я с ним имел совместные тёрки. Потом он влип в какое грязное дело и сбежал в Африку, а объявился в Биафре и вызвал туда меня. Дал взвод, потом – роту...

– Помнишь, как мы встретились впервые?

– Да. Ты тогда здорово выручил меня и моих ребят. Он в хлам разругался с генералом после западного похода, а его команду передали тебе. Сначала мы не хотели тебе подчиниться...

– Но ты же их уговорил.

– ...не без помощи Жана. Вообще он к тебе хорошо относился. Это предложил твою кандидатуру Штайнеру. Любопытно, что он не выносил своего Жана Люка, хотя тот имел военное образование. Наверное, потому, что этот генеральский сынок работал на Фоккара.

– Должен признать, что Фрэнчи отличный был стрелок и инструктор. У него было два телохранителя Санди и Манди. Помнишь, всё над ним подтрунивали...

– Да, Насчёт Пятницы и уикэнда. Он не обижался...

– Весёлое было время!

– Куда он делся?

– Не знаю. Когда Жорж покинул Биафру, я потерял его след,

– Может он сейчас нежится где-нибудь на Антибе...

– Или лежит где-нибудь в могиле, – зловеще пошутил Жан-Батист. – А вот и наш папаша Вильк! – корсиканец вложил оружие в ножны и помахал рукой Вильку. Пыхтя от напряжения, тот подошёл к столу.

– Вы меня звали, полковник!

Шеннон повернулся, чтобы задать назревший вопрос.

– Не трудитесь выяснять, откуда я это знаю, Шеннон, – Папаша Вильк не дал вставить слово. – Новости здесь разлетаются очень быстро. Но не бойтесь, ни Жан-Батист, ни Гомез тут не причём. Вас узнал кто-то из сотрудников советского посольства...

– Я думал, что мне удастся сохранить инкогнито несколько дольше...

– Здесь это не важно. Ваших людей здесь так мало, что их не берут в расчёт. Зачем Вы хотели видеть меня?

– Бенъард рассказал мне о Вашем оружейном бизнесе.

– Ну, этого следовало ожидать. Кстати, где он сам? Я его не видел со вчерашнего дня...

– Он выполняет секретное задание правительства.

– Ну, слава Богу! А то я думал, что его уже того... – Вильк сделал выразительный жест, проведя ладонью по своему горлу.

– С чего Вы взяли?

– Революция часто убивает своих детей!

– Ладно. К делу! Правительство хочет, чтобы Вы привели в порядок оружие, захваченное у Кимбы.

– Я имею дело только с винтовками и патронами. От остального увольте...

– Хорошо. Мы будем привозить их партиями по десять штук для осмотра. Вечером готовое к употреблению оружие мы будем забирать. Днём Вашу мастерскую будет охранять пост жандармерии...

– Хорошо. А что я буду с этого иметь?

– Какие у Вас есть предложения?

Папаша Вильк задумался, потом позвал Фредди и попросил кофе, карандаш и бумагу. Когда это всё было принесено, он стал что-то считать, исписывая какими-то каракулями лист. Наёмники с любопытством наблюдали за ним. Прошло минут пять. Лангаротти вновь стал точить свой нож, а Шеннон закурил сигарету. Время у них ещё было, и они не хотели отвлекать Борлика от его расчётов. Наконец, папаша Вильк подвёл жирную черту под своими расчётами:

– Осмотр и мелкий ремонт маузера обойдётся казне в триста пятьдесят старых франков, набивка десятка патронов – в восемь или десять в зависимости от калибра, ремонт пулемёт – в четырнадцать штук

– Ну за такие деньги я этим сам займусь, – заявил Лангаротти.

– Ты занят другим, – оборвал друга Шеннон. – Мне нравится твоё предложение, папаша Вильк...

– Товарищам надо помогать! – с пафосом сказал поляк. – А ещё могу в небольших количествах достать порох и динамит...

– Откуда у Вас такие глубокие знания в этой области?

– Мой отец был химик по образованию. Он работал на заводе Шкода. Слыхали о таких?

– Да.

– Вот я у него и поднабрался. Вообще-то я когда-то подавал большие надежды, – Вильк закатил глаза. – Но жизнь сложная штука. Часто довольно неприятная...

– Полностью согласен, но давайте ближе к делу!

– Ещё мне нужны несколько подсобных рабочих и материалы. Я знаю, где их можно взять.

– Хорошо.

– Далее, я хочу получить бессрочную лицензию на торговлю охотничьим оружием и боеприпасами.

– Сможете получить без всяких проблем, как только подпишем контракт.

– Я же тебе говорил, что папаша Вильк – наш человек – встрял в разговор Лангаротти. Борлик оглядел пустой бар, нагнулся ближе к Шеннону и произнёс полушёпотом:

– Полковник, у меня есть кое-какое оружие. Оно может Вас заинтересовать.

– Откуда.

– Про него уже спрашивал Бенъард. Он разве не сказал о наших переговорах?

– Нет.

– Произошла досадная задержка в пути, и заказанный груз пришёл с опозданием в неделю. Ждать возвращения мистера Бенъарда мне совсем не с руки. Я вложил в эту сделку большую сумму своих денег!

– А что у Вас есть? – Шеннон безучастно пожал плечами.

– Я могу предложить одиннадцать американских Кольтов, к каждому полста патронов, и четыре восемьсот семидесятых «ремингтона» со всеми аксессуарами к ним. Всё новое!

– И сколько ты хочешь за всё это добро?

– По полторы тысячи новых франков за один Кольт. Ремингтоны отдам оптом за двести тысяч!

Шеннон присвистнул:

– Не многовато ли?

– За Кольты – нет. Цена нормальная. А ремингтоны у меня оторвут с руками охотники...

– Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Красная цена твоему Кольту – пятьдесят штук старыми франками. Я их тут куплю!

– Цена-то есть. А ты попробуй, купи! – сердито огрызнулся поляк.

– Хорошо, я подумаю над Вашими предложениями, мсье Борлик!

Глаза Борлика вдруг подозрительно закосили.

– Не хотите брать оружие – не надо. Я знаю кому его продать!

– Торговля оружием запрещена! Если поймаю, то отправлю Вас под трибунал! – разозлился Кот. – А теперь, извините, нам пора! Жан-Батист идём!

Корсиканец посмотрел исподлобья на командира и нехотя встал. Пока наёмники шли к выходу, им вслед донеслось тихое брюзжание папаша Вилька:

– Матка бозка честноховска! Як естем в тарапатач...

– Надо с ним торговаться, – забубнил Лангаротти. – Он же торговец.

– Хорошо. Вернись, и поторгуйся. Жду тебя во дворце после совещания.

На заседание Госсовета Шеннон пришёл с испорченным настроением. Его открыл доктор Окойе:

– Господа! Я хочу вас всех известить, что мистер Бенъард командирован мною со специальной миссией за границу. Поэтому я хочу представить его временного заместителя. Это – Кирк Хорас, начальник нашей полиции. Эйнекс, – обратился он к своему адъютанту. – Пригласите его к нам!

Хорас чинно вошёл в зал заседаний, поклонился всем присутствующим и уселся напротив Шеннона. Он был одет в белый полотняный костюм и держал в руках толстый сафьяновый портфель. Оглядевшись, он наткнулся на изучающий взгляд Шеннона и неожиданно подмигнул ему.

– Учитывая, что Хорас – неплохой флик, его мнение будет очень важным для всех нас. А теперь перейдём к следующему вопросу.

Вторым в повестке дня был доклад Пренка. Он весьма педантично обследовал Кларенс и его окрестности. В этом ему очень помогли семь муниципальных служащих, оставшихся на своих местах. Вскоре Совету был представлен обширный доклад, занявший более десяти страниц машинописного текста. Согласно ему, собственно в Кларенсе проживало менее трёх тысяч человек, из которых треть составляли дети. Современный сектор экономики был представлен двумя электростанциями, строительной компанией, кирпичным заводом, тремя мельницами, швейным предприятием, двумя отелями и универсальным магазином. На них заняты почти четыре сотни человек. Частный сектор был почти полностью уничтожен Кимбой.

– В городе осталось не более двух десятков частных мастерских, шесть магазинов и три бара, – докладывал Пренк. – Местная интеллигенция очень немногочисленна: она насчитывает всего двадцать четыре человека. Пятеро из них имеют медицинское образование, одиннадцать – инженерно-техническое, а остальные – педагогическое. Около сотни горожан не имеют определённых занятий. Остальные жители занимаются резьбой по дереву и ткачеством, разведением коз, выращивают в небольших количествах сахарный тростник и хлопок. Их хозяйства являются полностью снабжают город фруктами и мясом.

– Откуда в столицу поступают остальные продукты? – задал вопрос Шеннон.

– В основном, из Страны Кайя и из-за рубежа.

Обступившие Кларенс с востока лагеря беженцев из Биафры были обследованы отдельно. Вместо двадцати тысяч душ, на которых выделялись средства ООН, на поверку оказалось только четыре. Кроме того, правительство Кимбы выдало две тысячи двести шестьдесят три нансеновских паспорта, а ещё семьдесят пять получили местное гражданство. Услышав реальные цифры, Шеннон обескуражено крикнул. Он надеялся, что вынужденные изгнанники станут тем костяком, который сможет спаять новую республику. Его реакция была замечена присутствующими.

– Полковник, не забывайте, что лагеря беженцев были рассеяны по всему побережью. Я полагаю, что беженцев всё-таки больше. Например, несколько сотен из них работают на плантациях какао под Туреком.

– Да, но ненамного, – перебил советника доктор Окойе. – Мне говорили, что там работают человек двести-двести пятьдесят. Продолжайте Пренк!

– Беженцы живут в четырёх бидонвилях, расположенных вдоль Равнинной Дороги, именуемых Палатками. Так уж повелось, что там каждый с завидной быстротой и легкостью решает для себя жилищный вопрос, сооружая домик из пальмовых листьев, листового железа, сосновых досок или ящиков – в зависимости от вкуса или возможностей. Для их питания организованы шесть общественных столовых, куда поступает скудная помощь Красного Креста и других филантропов. Её распределяет комитет в составе дюжины членов. В него входят комиссар ЮНЕСКО по фамилии Шеклтон, трое врачей, нанятых ООН, и представители беженцев.

– И много они потребляют? – поинтересовался кто-то из советников.

– Ежедневно им требуется пятьдесят шесть мешков маниока, двадцать четыре риса или фасоли. Ежемесячно им завозят полторы сотни мешков сушёной рыбы. Ещё тысяч сто в месяц они тратят на покупку мяса у окрестных бакайя.

– Откуда такие точные цифры? – поинтересовался Шеннон.

– От Комитета помощи беженцам, – ответил Пренк. Окойё согласно закивал головой и добавил:

– Гигиена и санитария в Палатках находятся в образцовом порядке: смертность от эпидемий и заболеваний составила всего тридцать семь человек за прошлый год...

– За исключением пары сотен бездельников беженцы работают в Кларенсе грузчиками, подсобными рабочими, швеями или рыбаками. Лишь немногие из них смогли вывести какой-нибудь капитал и занялись коммерцией: один организовал сельскохозяйственный кооператив, другой открыл что-то вроде ломбарда и меняльной конторы, а третий устроил танцевальный зал на заброшенной веранде. Вчера несколько беженцев поступили на государственную службу...

– Да, коллеги! – доктор Окойё встал со своего места. – Извини, Кзур, что прерываю! Хочу представить Кати Брегму, – доктор кивнул в сторону молодой и довольно симпатичной негритянки. – Я её пригласил занять пост моего личного секретаря. Насколько я помню по Биафре, она прекрасно справлялась со своими обязанностями. Кати приподнялась со своего места и слегка поклонилась. Дождавшись, когда займёт своё место, Окойё продолжил:

– В моём аппарате будут работать ещё двое сотрудников из числа беженцев бухгалтер Девлин Ларг и геодезист Рико Фодр. Они профессионально займутся нашими финансами и землеустройством. Кроме того, поскольку господин Хорас занял место в Госсовете столичную полицию возглавит Энгер Ракка. Вопросы есть?

– Скажите, комиссар, – обратился Лоримар к Хорасу, – велика ли преступность среди беженцев?

– На удивление, нет. За две недели там зафиксировано только четыре убийства. Наш пост в составе трёх человек полностью контролирует ситуацию при полной поддержке комитета.

– Чем, Вы полагаете, это можно объяснить? – в разговор Синк.

– Позвольте мне, – вмешался в разговор советник Морисон. Окойё согласно кивнул. – Моё глубокое убеждение состоит в том, что беженцы из Биафры сплочены общими невзгодами и своим бедственным положением. Уровень образования на порядок выше даже, чем у столичных жителей, включая функционеров Кимбы. Среди них насчитывается много дипломированных специалистов.

– Вы правы, коллега, – поддержал Лоримар. – По моим данным диплом бакалавра имеют не более десятка зангарцев. Медицинское образование в стране имеют только пятеро, включая Вас, доктор, – он поклонился в сторону Окойё, – а техническое – одиннадцать. Остальные, – голос Лоримара приобрёл пренебрежительный оттенок, – учителя или священники.

– А что у нас с церковниками? Кимба вроде был анимист? – обратился Окойё к Хорасу.

– В Зангаро действует католическая миссия. Её возглавляют монсеньор Фернандес и приор Гийом. Среди беженцев из Биафры есть приверженцы евангелической церкви Аладура. Её возглавляет отец Виллем. У него есть два помощника и около пятисот последователей.

– Что думают священники о новой власти? – спросил комиссара Шеннон.

– Особенно в столице, относятся к нашему комитету очень позитивно. Вы же знаете, что Кимба их не жаловал...

– Что касается религии, то население столицы на девять десятых состоит католиков, – пояснил Пренк. – Однако, позвольте я продолжу. Есть ещё одна группа населения, которая играет важную роль в жизни города, – так называемые сирийцы. До революции их было ровно

сто семьдесят пять. Из них двадцать пять служили в армии, трое – в секретной службе, а двое управляли государственными фермами.

– И куда же они все делись? У меня на службе состоит только пара обер-офицеров и несколько младших чинов? – перебил докладчика Шеннон.

– Мне не известно, но опрос показал сто сорок одного выходца с Ближнего Востока. Число остальных иностранцев точно неизвестно, хотя по данным прежнего правительства их было около шестидесяти. Это включая, сотрудников ООН и персонал посольств. Теперь их стало восемьдесят шесть. Сюда не включены Вы, полковник, и люди Оджукву. Я просто не знаю в какую категорию вас отнести.

– Так каков же общий итог, мистер Пренк?

– На сегодняшний день в столице зарегистрировано 5609 жителей. Мужчин свыше четырнадцати лет – 1550, женщин старше двенадцати – 2074, а остальные – их законные дети, – Пренк криво усмехнулся. – По городской статистике 43% всех детей рождаются вне брака, поскольку многие не имеют средств, желаний или возможности оформить гражданский брак, даже если живут вместе не один год...

– В своё время я делал доклад на эту тему, – вступил в разговор доктор Окойе. – Большинство местных подростков узнает половую жизнь в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Так как современные средства предохранения здесь были неизвестны, последствия очень быстро становятся явными. Роды в возрасте тринадцати-четырнадцати лет нередки, а пятнадцатилетняя девушка считается уже зрелой и почтенной женщиной. Будущая мать, как правило, не совсем уверена, кто отец ребенка. Когда дитя появляется на свет, этот вопрос решается просто и быстро: жители сензалы смотрят, на кого оно больше похоже. Установленный таким образом отец никогда не уклоняется, по той простой причине, что отцовство не влечет за собой ни забот, ни обязанностей. Если родители хотят жить вместе, то они только рады, что для начала уже есть ребенок, если же предпочтут не связывать себя, то всегда найдется родственник, который усыновит ребенка. Социальных проблем тоже не приходится опасаться: бакайя не понимают разницы между так называемыми законными и незаконными детьми.

– Закон смотрит на дело несколько иначе, но туземцы признают лишь те законы, которые не противоречат их обычаям, – проворчал с места Морисон.

– Так, вот, – продолжил Окойе. – По истечении известного периода свободных связей большинство считают себя готовыми к совместной жизни с кем-нибудь из партнеров. Однако мало кто из тех, кого я опрашивал, оставался жить с первым избранником. Иные и два, и три раза заключают «пробные» браки, а некоторые так и не могут никогда сделать конечный выбор. И все это время детей легко пристраивают у родственников по деревням.

– Но если мужчина и женщина живут вместе длительное время и обзаводятся несколькими детьми, правила хорошего тона требуют, чтобы они обвенчались, – опять прервал рассказчика Морисон. – Особенно если они постоянно живут в Кларенсе или состоят на государственной службе...

– С точки зрения закона, племенных традиций и церкви, – вмешался в разговор Лоримар, – брак престижен и желателен, но устроить свадьбу может не каждый, поскольку надо кормить родню на протяжении нескольких дней, нанимать музыкантов, платить священнику и вождю. Подобные затраты доступны только вождям или очень состоятельным горожанам. О беженцах я даже не говорю...

– Совершенно верно! Здесь, в Африке, важной частью свадьбы считают пир, – подвёл итог беседы Окойе. – Конечно, отдается должное и церковному венчанию из-за его пышности и торжественности; особенно если при этом удастся выговорить у миссионера отпущение всех грехов, чего далеко не всегда можно добиться. Официальная же регистрация, на взгляд бакайя, совершенно ни к чему. Она лишь усложняет все дело и затрудняет развод. Однако, мы несколько отвлеклись. Продолжайте, Пренк!

– Я полагаю, что в городе проживает ещё несколько тысяч человек без регистрации. Требуется провести полицейский рейд, чтобы это установить...

– Ну так проведите его! – проворчал Морисон.

– Штат полиции незаполнен, – возразил ему Хорас. – Необходимо привлечь военных.

– У меня недостаточно обученных людей, – огрызнулся Шеннон, – и транспорта!

– Что касается транспорта, то о нём расскажет мистер Хорас, поскольку регистрация автомобилей находилась в его компетенции.

– Что же, вот данные регистрации, – раздался голос начальника полиции. – В настоящее время зарегистрировано одиннадцать частных легковых машин, включая посольские. К ним нужно добавить «миневру», джип отеля «Индепенденс», и единственный стосильный «мерседес». Тракторов в городе три, один из них гусеничный, а грузовиков восемнадцать, из них пятнадцать принадлежат государственному автопарку. В частных руках имеется десяток мотоциклов и около сотни велосипедов. Ещё есть два автобуса, которые принадлежат католической миссии. ООН по программе помощи передала беженцам ещё два мотоцикла, один бельгийский трицикл с прицепом, джип «лендровер» и два микроавтобуса, оборудованных как машины скорой помощи. Обе они поломались.

– А есть хоть какая-то надежда их починить? – спросил кто-то из советников.

За Хораса ответил Шеннон:

– Теперь моя очередь, господа. Надежда есть, но надо немного подождать, поскольку толковый механик у нас всего один. Он сейчас занят в порту. Что касается транспорта. В настоящее время мы используем «миневру» из отеля. Что касается собственного транспорта, то его у жандармерии немного – три мотоцикла, «виллис», полугрузовик «форд» и три «унимога». Два из них требует капитального ремонта и стоят на приколе. Вчера генерал привёз два трицикла с прицепами, но я распорядился оставить их в аэропорту. У меня всё...

– Кто знает, что у нас с запасами бензина, коллеги?

– В автопарке осталось всего двенадцать тонн бензина и тринадцать тысяч шестьсот литров газалина, – ответил Пренк. – Запасных шин очень мало. Для грузовиков их совсем нет.

– Здесь я смогу помочь, поскольку нам удалось приобрести в Уарри большую партию автомобильной резины!

– Что же, переходим к третьему вопросу. Полковник Шеннон предлагает отменить запрет на азартные игры. Что скажете?

– В Кларенсе уже действует два игровых зала: кости, карты, а в «Индепенденсе» даже крутят рулетку, – доложил Хорас.

– Я, в принципе, не против. Лицензии на азартные игры могут принести неплохой доход в казну, – высказал своё мнение Дусон. – Меня больше волнует другое. Полковник, в барах стали торговать импортным алкоголем. Есть предположение, что его доставили на вашей «Тоскане».

– Первый раз слышу, – возмутился Шеннон. – С чего Вы взяли?

– В Кларенсе появилось большое количество чери-бренди, после захода вашего корабля в порт. Рыбаки такое количество просто не смогут привезти...

– Нельзя, чтобы наши люди подрывали основы государства. С алкоголя надо платить акциз, – строго сказал Окойе.

– Хорошо, я разберусь.

– Вот и отлично, – завершил дискуссию председатель. – Дусон, готовьте соответствующий декрет и представьте мне на подпись. Теперь Ваша очередь, Морисон.

– Ситуации в Стране Кайя. Деревни расположились вдоль Равнинной дороги, соединяющие Кларенс с Туреком. В них проживает около двадцати тысяч душ. Кроме местных корнеплодов они культивируют какао и сахарный тростник, занимаются резьбой по дереву и ткачеством. Плантации концентрируются вокруг трёх крупных селений. Во времена колонии здесь имелось почти две с половиной сотни хозяйств. Они выращивали какао, хлопок и кофе,

дававшие две трети экспортной выручки. На них были заняты до пятидесяти тысяч рабочих, включая членов их семей. Сейчас продукцию дают только сорок две плантации, остальные – заброшены. При первой же возможности начнём осмотр Страны Кайя и оценим возможности рекультивации экспортных культур...

Шеннон отвлёкся, делая пометки в своём блокноте. Потом он вырвал из него листок и протянул Хорасу записку. Комиссар внимательно её прочёл, но никак не реагировал. Тем временем, Морисон продолжил свой доклад:

– Сахарный завод давно не функционирует, поэтому сахарный тростник используется для производства «бакки», туземного пива. Другим источником дешёвого алкоголя, называемого «тодди», являются кокосовые пальмы...

– После совещания нам надо переговорить, – рука Хораса коснулась Шеннона, – я собрал кое-какую информацию.

– Северные бакайя насчитывают около десяти тысяч душ и занимаются, в основном, земледелием. Это самая многочисленная и отсталая часть населения. С экономической точки зрения их территория также бесполезна, как и Страна Винду. В колониальное время это был источник дешёвой рабочей силы. Точной информации о территории, лежащей за Хрустальными Горами, практически нет. Это всё!

– Не густо, – в растяжку произнёс председатель. – Может есть смысл расспросить вождей об их племени?

– Я пытался выудить информацию у Адама Пира и Калина Верда, но они несут всякую чушь.

– Что правда, то правда. Наши члены Комитета часами готовы обсуждать принадлежность участка земли тому или иному клану, спорить над текстом статьи закона, но честно рассказать о положении вещей в своём племени не готовы...

– Я отвечу за них, – вдруг произнёс Морисон. – Основной причиной молчания вождей бакайя является депопуляция. С ней столкнулись практически все колонизаторы Тропической Африки: и наши, и французы, и бельгийцы. Считают, что в депопуляции виноваты эпидемии и работорговцы, но это не так. Её главные виновники – попы, снижение численности населения в Африке – их заслуга. Да-да-да! Они запрещают многоженство, воюют против кормления грудью до четвертого года жизни ребенка и благословляют трудовую повинность беременных женщин и кормящих матерей!

– Статистика ООН показывает, что до рабочего возраста доживает треть населения Зангаро, – вступил в разговор Дусон. – Представляете, коллеги, чтобы на работу вышел один, нужно, чтобы двое умерли!

– При здешних условиях питания единственный выход – кормить детей грудью до четвертого года жизни, когда организм ребенка окрепнет и приспособится к существованию, Вы это знаете, господин председатель, – посмотрел Морисон на доктора. Тяжело вздохнув, Окойе кивнул. Склонив голову в бок, он слушал советников.

– Что бы не пропало молоко, мать перестает быть женой: на четыре года она выходит из строя. При здешнем темпераменте её муж должен иметь много жен. Но священники из религиозных соображений разрушили традиционную семью с её тысячелетним укладом. Многоженство пахнет исламом, кормление грудью взрослых детей – не эстетично и аморально, оно оскорбляет чувства!

– А сельскохозяйственные работы? Вопрос стоит прямо: либо допускать женский труд, либо нет. Мы говорим «да» потому, что женщины работают лучше мужчин: мужчины здесь, в Африке, – охотники и скотоводы, к длительному труду не привыкли, а женщины трудятся в поле и дома с детских лет!

– Вот вам и объяснение, коллеги, почему вожди бакайя скрывают от нас, что творится у них в племенах. Я подозреваю, что аналогичные процессы идут у Винду!

- Вы что-то предлагаете, коллега? – спросил Морисона Окойе.
- Я настаиваю на секуляризации общественной жизни!
- Мне кажется, что это несколько несвоевременный шаг. Предлагаю вернуться к этому вопросу позже. – Хорошо, Морисон?
- Да, доктор!
- А что у нас преступностью, господин комиссар?
- Даже тем минимальным числом людей, мне удалось навести порядок в городе и наладить сбор информации. В этом мне помогли прежние сотрудники жандармерии и полиции.
- Вы их проверяли на надёжность?
- Да, мсье. За них поручились соседи, – Хорас замолк, ожидая очередного вопроса.
- А кто обеспечивает порядок в Йогоне, Битисе и других бомах бакайя?
- Когда функционеры режима сбежали, власть перешла к традиционным вождям. Им помогают поддержать порядок местные добровольцы.
- Кто их содержит? – спросил Шеннон. – Они нигде не числятся...
- Казна не имеет к этому никакого отношения, – пояснил Морисон. – Добровольцы содержатся за счёт своих односельчан.
- Да, – раздумчиво произнёс Окойе. – Набор местных добровольцев в полицию позволит нам сэкономить на муниципальной полиции.
- Порядок в Кларенсе обеспечивают двенадцать человек во главе с лейтенантом Раккой, – пояснил Пренк. – Шесть из них – наши люди.
- А чем они вооружены?
- Дубинками, – отреагировал комиссар. – Огнестрельное оружие мы им не выдали.
- Хорошо. А кому они подчиняются?
- Административно – муниципальным властям, оперативно – мне, – бодро ответил Хорас.
- И есть результаты?
- На прошлой неделе было четыре убийства, на этой – только одно. Грабежей и краж стало меньше, а мелкие совсем прекратились
- Ну за это следует сказать спасибо Морисону! – засмеялся комиссар.
- Почему?
- Он так рьяно стал изымать купюры с изображением Кимбы, что теперь даже мелкие торговцы носят свою выручку в корзинах!
- Почему? – удивился кто-то из советников.
- Потому что они заменяют им кошельки!
- Все присутствующие кроме докладчика заулыбались.
- Это вовсе не смешно, – замахал руками Дусон. – В столице уже начинается ощущается нехватка наличности. Он не так силён из-за наплыва денежной массы из провинции.
- Когда прогнозируете глобальный дефицит, профессор?
- Точно сказать не могу, но скоро, очень скоро.
- А точнее?
- Недели через две, максимум три...
- Мы можем использовать колониальные франки для ликвидации этого дефицита.
- Это не решение проблемы. Для оборота требуется гораздо больше средств чем те несколько сотен франков, расставанных по чулкам наиболее запасливых обывателей. Если мы введём свободное обращение франка, то это приведёт к массовой инфляции и появлению «чёрного рынка».
- Он уже есть, – проворчал Хорас.
- Да, знаю.
- Так что же Вы всё-таки предлагаете, профессор? – задал прямой вопрос Окойе.

– Что ж, коллеги, отвечу. Первое, изменить паритет занга. Я предлагаю пять зангов приравнять к четырём старым франкам.

Шеннон быстро сделал подсчёт и уточнил:

– Доллар будет стоить триста семдесят зангов, не так ли, профессор?

Дусон снисходительно кивнул головой и продолжил:

– Во-вторых, мы должны изыскать возможность пустить в обращение купюры с большими номиналами.

– Какие вы предлагаете, профессор?

– Я считаю целесообразным номиналы в двести, пятьсот и тысячу зангов, благо бумаги для их печати у нас хватает. Спасибо нашему дорогому полковнику! – Дусон отвесил шуточный поклон в сторону начальника жандармерии.

Все советники уважительно посмотрели на Шеннона, который не привык к такому отношению со стороны штатских. Он прекрасно понимал, что каждый из этих людей относится к нему с определённой долей предубеждения. А что вы хотите: белый наёмник!

– Гербовую бумагу обнаружил мой помощник. Она хранилась в здании национального банка совершенно без должного отношения.

– Да, коллеги, господин Горан оказал мне неоценимую услугу, наладив печатный станок. В скором времени мы напечатаем новые банкноты. Тут у меня возникает только один вопрос, кто их подпишет?

Советники посмотрели на доктора, который сидел в своей любимой позе.

– Нет, нет, коллеги, только не я, – замахал он руками. – Все подумают, что примеряю бубу Кимбы. Нам необходимо другое решение.

– Тогда необходимо назначить лицо, временно исправляющее функции Президента Национального Банка или государственного казначея.

– Есть у меня кандидатура, – произнёс Хорас.

– Кто?

– Некий Жанни Рамма. Это молодой человек двадцати пяти – двадцати шести лет. Он происходит из богатой семьи и получил хорошее образование. До независимости он вёл разгульную жизнь и промотал целое состояние. С приходом к власти Кимбы он оказался абсолютно не приспособлен к новым реалиям и оказался без средств к существованию. Я его пристроил работать счетоводом в банк...

– Что он закончил?

– Финансовый колледж в Леопольдвиле.

– Вы уверены, что он подходит для нашей цели?

– Да, доктор, уверен.

– Хорошо, под Вашу личную ответственность!

– Я приставлю к нему своего человека, – сказал Дусон.

– Кто против? – закрыл дискуссию Окойе. – Голосуем! Единогласно...

Все немного помолчали, осмысливая происходящее. Окойе передал слово Шеннону:

– А теперь, полковник, доложите, что нового у Вас.

– По оперативным данным, в городе и его окрестностях скрывается чуть более шестидесяти дезертиров. Однако, они не представляют серьёзной угрозы. Рано или поздно они сбегут в джунгли или будут выловлены.

– Согласен, – поддержал начальника жандармерии Морисон. – Для нас гораздо опаснее соратники Кимбы, ушедшие в подполье, их явные и тайные сторонники.

– Активных кимбистов, подлежащих суду, насчитывается тридцать два, – сообщил Хорас. – Следствие по их делу веду лично я. Мне помогает в этом лейтенант Ракка...

– Между тем тайные сторонники Кимбы расклеивают листовки, – Лоримар достал из кармана листок с машинописным текстом. – В некоторых из них утверждается, что скоро в

Кларенс войдут русские. Они прогонят белых наёмников прогонят и восстановят народную власть!

– Господа, по-моему, самая важная проблема на сегодняшний день – укрепить нашу власть. Поэтому я настоятельно требую воздерживаться от радикальных высказываний и действий. В первую очередь, это касается Вас, Морисон. Заседание объявляю закрытым, – председатель Госсовета встал из-за стола заседаний

– Доктор, – адресно обратился Шеннон к председателю собрания. – Я думаю, что настало время «Тоскане» покинуть Кларенс. Возможно, навсегда...

– Я согласен, с Вами, полковник, – склонил на бок свою голову новый глава Зангаро, – но мы останемся без связи с внешним миром...

Хорас нагнал Шеннона уже на ступеньках первого этажа. Прощаясь с ним, он протянул ему вчетверо сложенный листок бумаги и как бы между прочим произнёс:

– Габриэль Аграт. Тридцать пять лет, имеет французское гражданство, окончил исторический факультет Сорбонны, служил в артиллерии, имеет офицерский чин, живёт в Париже, на Авеню Клебер, ..., род занятий – археолог, жена Жюльета Бакар, тридцать четыре года, сын – Стефан, двенадцати лет. Его доверенное лицо в Зангаро – некий Зорил, председатель местной ассоциации производителей какао, а ещё с ним связан монсеньор Фернандес.

– Откуда у Вас эта информация?

– Директор одной из приходских школ считает себя непризнанным гением и враждует с клириками. Он и является моим главным осведомителем.

– Стукач дело ненадёжное, но всё равно, спасибо. – попросил Шеннон. – Скажите, Хорас, почему Аграт сохраняет своё влияние даже сейчас?

– Видите ли, это местная традиция. Бакайя, селящиеся на пустующих землях, не являются их владельцами автоматически. Как правило, им является род, который ранее здесь жил и освоил какую-то часть окрестных земель. Вновь прибывшие размещаются рядом, признавая верховное право на землю тех, кого они застали в этих местах. Тем самым ими принимается и главенство первопоселенцев во всех деревенских делах. Это, так называемое, первое «кольцо» зависимости, основывающееся на неравенстве прав в отношении земли. Род Агратов в той или иной степени контролирует все земли на полуострове.

– Понятно...

– Но это ещё не всё. Имущественные обязательства, родственные связи и клиентские отношения порождают новые «кольца» зависимости. С каждым поколением их число растёт: часто они превращаются в спирали... – Хорас криво усмехнулся и замолк. Шеннон протянул ему руку. Хорас пожал её и с горечью произнёс:

– Вырваться из этой спирали можно только обретая власть и богатство!

Шеннон пропустил эти слова мимо ушей, поскольку его мысли уже переключились на другое.

Увидев Горана, запускавшего двигатель у второго грузовика, он направился к нему:

– Ты не видел Жана, – спросил он. Горан отрицательно покачал головой. Он хотел ещё что-то спросить, но его сбил с мысли лейтенант Эйнекс.

– Полковник, доктор просит Вас зайти!

– Что-то срочное?

– Он хочет, – замялся адъютант, – кое-что у Вас спросить. Скажите, а Вы отобрали солдат для его личной охраны?

– Ах, да! Передай, что в два часа дня в его распоряжении будет шестнадцать человек и необходимое оружие. Этого вполне достаточно для обеспечения его безопасности.

– Так Вы не пойдёте?

Тут Шеннон увидел Лангаротти, стоящего у ворот. Корсиканец оперся на капот, смотрел по сторонам и улыбался, что бывало с ним крайне редко. Шеннону надо было избавиться от назойливого адъютанта, и он резко ответил:

– Передайте председателю, что мне срочно нужно ехать. Зайду к нему позже!

Шеннон полез в «виллис», оставив адъютанта в некотором недоумении. Двигатель завелась только со второго или третьего оборота, но потом заглохла. Он поймал тревожный взгляд Горана:

– Это свечи! Надо почистить, – сказал строго механик, – а аккумулятор – подзарядить...

– Потом. – махнул рукой Шеннон и подъехал к воротам, у которых стоял Лангаротти. –

Едем!

– Куда?

– В отель, а потом – в миссию!

Корсиканец снова завёл двигатель, который опять несколько раз чихнул и только потом заработал. В отеле наёмники переоделись в штатское, которое где-то раздобыл по их просьбе Гомез: свободная рубашка с короткими рукавами, узкие бриджи, сандалеты и, конечно, широкополые шляпы.

– Даже нож некуда спрятать, – посетовал корсиканец.

Шеннон только сейчас обратил внимание на то, что ведущая к центру города дорога напоминает дуршлаг. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы ехать среди босоногих носильщиков, ям, постоянно тормозящих велосипедов и резких поворотов. Всё дышало ужасной разрухой и нищетой. Аллея, ведущая к дворцу, упиралась в хаотическое скопление убогих хижин, занимавших почти всё пространство между нею и береговыми манграми. Современные виллы располагались немного поодаль другой стороны дороги, но и их коснулось запустение: окна были заколочены, а ведущие к ним тропинки из декоративного камня заросли травой.

У кинотеатра «Рекс» джип свернул налево и оказались в бывшем европейском квартале. Он был построен по американскому образцу: улицы шли почти под прямым углом. Если не считать машин, всё это немного напоминало городок из американских фильмов про Дикий Запад. Дома с облупленной штукатуркой и большими балконами, земляные тротуары и стоящие на них лотки живописно дополнялись негритянками в цветастых платьях и платках. «Виллис» проехал по усеянной огромными выбоинами улице, по бокам которой были расположены лавчонки без витрин. Через три квартала она пересекла широкий проспект, ведущий к площади Победы. По нему в сторону рынка и обратно спешили велосипеды, тележки и цветастые бубу. Джип медленно рассек толпу и поехал дальше. Внезапно улица, носившее громкое название «Бульвар де Павет», закончилась, и «миневра» заскакала по колдобинам какого-то пустыря.

– Ты не мог выбрать лучшую дорогу? – забрюзжал утомлённый тряской и полуденным солнцем Шеннон.

– Я знаю только эту дорогу, – повинился корсиканец.

Наконец показался жёлтый фасад здания миссии. Она представляла собой особняк, построенный на холме в конце прошлого века. По-видимому, монахи приобрели его позже и перестроили его, добавив мансарду и флигель. В результате получилось нагромождение комнат и коридоров, которые благодаря толстым каменным стенам сохраняли прохладу. У главного входа их уже ожидал пан Борлик. Увидев «виллис» он призывно замахал руками. Не прошло и пяти минут, как они оказались в стенах миссии.

– Отец Гийом, – поляк поцеловал руку приора и произнёс. – Мои друзья хотят приобрести оружие.

– Понимаю, сын мой, – священник осенил его крестным знаменем и протянул руку для поцелуя наёмникам. Лангаротти последовал примеру Борлика, а Шеннон только вежливо поклонился. Внимательные глаза священника буквально сверлили в нём дырки. Вместе с тем, он не был шокирован этой просьбой и даже не выразил удивления.

– Зачем оно вам, дети мои, – произнёс он безмятежным голосом, как буд-то речь шла о чём-то очень возвышенном.

– Защищаться.

Отец Гийом с задумчивым видом потер руки.

– Я могу принести один АК-47, но у него нет штыка. Точнее есть, но сломан...

– Это неважно. Главное, чтобы он был в хорошем состоянии, – сухо сказал Шеннон.

Лицо священник выражало возмущение, будто Кот обвинил его в содомии или каком-то другом смертном грехе:

– Он прекрасно стреляет. У меня к нему даже есть несколько запасных магазинов и патроны. Так это Вам интересно?

– Да, конечно.

– Прекрасно, я сейчас его покажу. Следуйте за мной.

Они двинулись по длинному коридору из дикого камня, в котором эхо их шагов ещё долго продолжало звучать после их ухода. В самом его конце они завернули в тесную прохладную келью, посередине которой стоял огромный железный шкаф. Возле него стоял другой священник.

– Это наш келарь, сыны мои, – смиренно произнёс отец Гийом. А потом не меняя тона приказал: – Брат мой, Марк, открой, пожалуйста.

Лязгая ключами, брат Марк отпер один за другим три замка. Дверь открылась и Шеннон увидел полку, на которой стопками стояли толстые пачки денег из различных стран. Наверное, здесь были представлены все виды банкнот Старого и Нового Света, быть может за исключением экзотических. Полкой ниже лежали несколько пистолетов и револьверов различных систем, автомат «калашников» и какой-то чёрный футляр, напоминавший скрипичный.

– Что там? – любопытствовал Шеннон.

– Это оружие нападения, сын мой. Оно тебе не годится.

– А всё-таки, отец Гийом?

– Охотно удовлетворю твоё любопытство. Там лежит снайперская винтовка.

Корсиканец открыл футляр и посмотрел в ствол:

– Восемь миллиметров, патронов к ней не достать, – огорчённо произнёс Лангаротти. – Но вот те три русских ТТ нам, кажется, тоже подойдут, не так ли, полковник?

– Конечно, подойдут. Вы нам их отдадите, святой отец?

– Да, сын мой, – глава миссии бросил на него любезный и в то же время непроницаемый взгляд. – Всё равно у меня к ним почти нет патронов.

Пока они переговаривались, брат Марк осторожно извлёк из шкафа автомат и со знанием дела прищёлкнул к нему магазин.

– Пробуйте, – протянул он его наёмникам.

– Но...

– Прошу Вас.

– Хорошо. Давайте выйдем во двор, – Шеннон взял в руки автомат и последовал за монахом.

Как выяснилось, последняя дверь коридора вела на задний двор. Он был почти пуст, если не считать нескольких кур, возившихся в углу. Кот передёрнул затвор, снял автомат с предохранителя и дал короткую очередь по верхушкам пальм. Выстрели отозвались продолжительным эхом коридора. Он протянул автомат корсиканцу, который держал один из ТТ. Вместе с глушителем к нему он был завернут в промасленную бумагу и матово блестел.

– Кот, он, кажется, в порядке!

– Замечательно. Хочешь сделать пару выстрелов?

– Нет.

– Святой отец, есть ли у Вас патроны к этой игрушке.

– Есть немного. Покажи, брат Марк.

Монах принёс холщовый мешок и высыпал его содержимое на пол. Раздался лязг и грохот: на землю посыпались автоматные патроны. Их было много: несколько дюжин. Брат Марк продолжал трясти мешок дальше: из него выпали ещё две русские гранаты, запалы к ним и три магазина к автомату. Один из них был длиннее раза в полтора.

– Кто же так обращается с этим! – всплеснул руками корсиканец. Он сел на пол и стал аккуратно собирать, рассыпавшиеся по полу снаряды смерти.

– Прекрасно, сколько я Вам должен?

Отец Гийом невинно улыбнулся.

– Вы мне ничего не должны, сын мой. Это мой долг – помогать страждущим. Однако, если Вас не затруднит я приму в качестве пожертвования на ремонт нашей миссии, но лучше выделите нам бензин.

Священник изъяснялся так витиевато, что Шеннон в конце концов не выдержал:

– Сколько же?

– Любую сумму свыше тысячи франков. Желательно долларами или сто галлонов бензина.

Шеннон пожал плечами и протянул двести пятьдесят долларов. Он решил, что стоит привлечь слуг господних на свою сторону.

Отец Гийом старательно пересчитал деньги, улыбнулся и протянул их брату Марку. Монах аккуратно убрал банкноты в шкаф, закрыл его и откуда-то достал два мешка.

– Возьмите, это может Вам пригодиться? – смущённо произнёс он. Лангаротти открыл один из них и достал кусок палатки. Во втором мешке находились все причитающиеся к ней причиндалы: колья, растяжки.

Тем временем отец Гийом вместе с папашей Вильком куда-то исчезли.

– Откуда это? – спросил Шеннон

Брат Марк воздел руки к небу:

– Милостью Божией!

– А всё-таки откуда?

– Принесли прихожане. Эти ТТ были у агентов секретной полиции, а автомат, видимо, бросил кто-то из дезертиров...

– Хорошо бы найти их владельцев.

– Всё в руках божьих, брат мой во Христе.

Завернув «калашников» в кусок брезента и подхватив мешок с боеприпасами, Лангаротти стал пробираться к выходу. Шеннон распихал ТТ и глушители по карманам понёс палатку. Они медленно шли по гулкому коридору. У входа наёмников уже ожидал пан Борлик.

– Тебя подбросить, папаша Вильк?

– Нет, у меня ещё есть дела в этом районе, – важно произнёс поляк. – Вы остались довольны сделкой?

– Да, спасибо, папаша Вильк, – тепло сказал Шеннон. – Вы нам очень помогаете...

В ответ пан Борлик на полном серьёзе произнёс:

– Братья во Христе из миссии знают всё. Они очень могущественны, не пренебрегайте ими.

После того, как вещи были закинута в «виллис», Шеннон протянул два ТТ корсиканцу:

– Возьми. Второй отдашь Курту.

– Но зачем?

– У Вас же нет личного оружия.

– Спасибо, шеф, – засмутился Лангаротти, стыривший два «вальтера» с президентского склада. Он долго возился, пристраивая подарок шефа. В этот раз «виллис» завёлся сразу. Теперь они поехали в объезд. Жара поглотила Кларенс. Немногочисленные встречные

машины, старые и битые, поднимали облака пыли на не асфальтированных улицах, по которым проезжал их «виллис». Немногочисленные пешеходы отворачивались или прикрывали лица платками.

– На этом маршруте не так трясёт, – заметил Лангаротти, когда они выбрались на Равнинную Дорогу рядом с бензозаправкой. Он кивнул в сторону отеля «Насьональ», на первом этаже которого находился самый популярный в Кларенсе кафешантан под названием «Слот». Он ещё не был открыт, но бар работал.

– Заедем, пропустим по маленькой, – предложил корсиканец.

– А как же наш багаж?

– Здесь сторожем работает бывший королевский стрелок. – Отличный малый. Знает ти языка. Жалко, что он не имеет одной ноги, а то взял бы в помощники нашему бравому Эллеону.

– Надо всё-таки подыскать горниста, – озабочено произнёс Шеннон.

Они уселись за стойку и заказали по двойной порции “J&V”.

– С Вас две восемьсот, – произнёс женский голос за стойкой бара. Лангаротти небрежно кинул на стойку шесть пятаков и произнёс:

– Сдачи не надо...

– Откуда они у тебя? – спросил Шеннон.

– По случаю, – уклонился от прямого ответа корсиканец и немного приврал. – Дали сдачу при размене. Это последние...

– Хорошо, верю. А теперь расскажи о чём чем закончилась твоя торговля с папашей Вильком? – спросил он, когда они проезжали мимо церкви.

– Поляк сначала ломался, но потом уступил в цене. Все «Кольты» пойдут по пятнадцать тысяч бельгийских франков.

– Как ты смог этого добиться?

– Очень просто. Я знаю. Что это за пистолеты...

– Откуда?

– От их прежнего хозяина лейтенанта О'Нила.

– Того, что нанимает ребят в Родезийскую лёгкую пехоту.

– Да. Так вот, он где-то за сто двадцать долларов раздобыл сорок старых «кольтов» образца одиннадцатого года, а потом продал их папаше Вильку за семьсот.

– Выходит, что Борлику они обошлись не дороже шести кусков за ствол.

– Это если считать по официальному курсу, а так – ещё меньше! Ты бы видел его лицо, когда ему это сказал. Он покраснел, а потом согласился сдать их оптом за сто пятьдесят косых старыми франками. Четыре новых «ремингтона» обойдутся нам на четверть дешевле. Это ещё в сто восемьдесят. Это всё чего я смог добиться. Единственное условие, чтобы ему заплатили французскими франками или долларами.

– Всего выходит шесть тысяч шестьсот французских франков. Что же, цена для нас вполне приемлемая... – быстро подсчитал Шеннон.

– Да, вполне. Когда мы сошлись на этой сумме Борлик пригласил меня к съездить монахам....

Слушая болтовню корсиканца, Шеннон допил виски. Вдруг он ощутил на себе взгляд чужих раскосых глаз. Он попытался его перехватить, но женщина, смотревшая в его сторону, скрылась за портьерой. Лангаротти уловил жест шефа:

– Это была мадам Вонг, хозяйка этого заведения. Он – настоящая китайка...

– Откуда знаешь?

– Я много чего знаю, – уклонился от ответа корсиканец. Ему было стыдно перед шефом за деньги и пистолет, но он ничего не мог с собой поделаться.

– А теперь поехали к Бевэ. Он сейчас там начнётся медосмотр!

Когда они приехали в полицейские бараки, на плацу уже началось построение... Прозвучало уже знакомая команда:

– ...Зарм! – Наблюдая за построением, Шеннон подумал, что его ребята не едят свой хлеб даром. Солдаты жандармерии держали строй и имели подтянутый вид. Тотчас, как на плацу образовался строй, на плацу появился незнакомый Шеннону врач в сопровождении четырёх командос Тэффи Уильямса, которых было легко опознать по новому камуфляжу. Раздалась новая команда Эллеона, и солдаты поочерёдно двинулись к большой палатке, развёрнутой в дальнем углу плаца. Шеннон стал наблюдать как они с опаской заходили внутрь. Там они попадали в цепкие руки эскулапа, который, не особо церемонясь, осматривал подопечных: раскрывал рты, проверяя зубы, лез в носы и уши, слушал дыхание сквозь железную трубку. Больных сразу отправлял в карантин, а остальных возвращал в строй. После процедуры двенадцать человек составили отдельный строй. Среди них оказались и бойцы, отличившиеся при штурме аэропорта: Бембе, Поль, Роса и Умбала. Лангаротти улыбнулся, представляя, как Курт взъерепенится, когда узнает об их назначении... Когда осмотр закончился, раздался зычный голос Эллеона:

– Рамз! ...

Шеннон недоуменно посмотрел на Бевэ.

– Это французская команда «gompez!», – пояснил комендант. – Означает «разойтись!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.